

**ВЕСТНИК
ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 4 (127) • 2025

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Череповец
2025

Выход в свет: № 4 (127) • 2025 • Август. Выходит шесть раз в год.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 2.3 Информационные технологии и телекоммуникации
5.9 Филология
5.8 Педагогика

УЧРЕДИТЕЛЬ: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет», с 2017 г. является одним из опорных вузов Российской Федерации.

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-90192 от 07.10.2025 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Е. В. ГРУДЕВА, доктор филологических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Е. В. ЯКОВЛЕВА, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

Е. В. ЕРШОВ, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: А. А. КАЛИТНИК

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М. Н. АВДЮХОВА

ПЕРЕВОДЧИК: А. В. МОЙСЕЕНКО

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: А. С. ЛОБЫШЕВА (8202) 51-78-54

Сайт журнала: <https://vestnik.chsu.ru/>

 CYBERLENINKA

 НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

 Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

 EBSCO
Discovery Service

 BASE

 Google
scholar

 OCLC
WorldCat

 СОЦИОНЕТ

 ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

 OpenAIRE

 EBSCO
A-to-Z

Адрес издателя, редакции: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Адрес типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637

© Череповецкий государственный университет, 2025

**CHEREPOVETS
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN**

Scientific journal established in December 2002

№ 4 (127) • 2025

TECHNOLOGY

PHILOLOGY

PEDAGOGY

Cherepovets
2025

Date of publication: No. 4 (127) • 2025 • August. Comes out six times a year.

“Cherepovets State University Bulletin” is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal “Cherepovets State University Bulletin” has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies: 2.3 Information Technology and Telecommunications
5.9 Philology
5.8 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Cherepovets State University”, a member of Russian Backbone Universities group since 2017.

The certificate was issued by the Federal Service for Supervision in the sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El no. FS77-90192 dated 07.10.2025.

EDITOR-IN-CHIEF: E. V. GRUDEVA, Doctor of Philology, Professor

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

E. V. YAKOVLEVA, Doctor of Pedagogy, Professor (Cherepovets State University)
E. V. ERSHOV, Doctor of Technology, Professor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR: A. A. KALITNIK

COMPUTER DESIGN: M. N. AVDUKHOVA

TRANSLATOR: A. V. MOISEENKO

EXECUTIVE EDITOR: A. S. LOBYSHEVA (8202) 51-78-54

Journal website: <https://vestnik.chsu.ru/>

 CYBERLENINKA

 LIBRARY.RU

 Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

 EBSCO
Discovery Service

 BASE

 Google
scholar

 WorldCat

 СОЦИОНЕТ

 ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

 OpenAIRE

 EBSCO
A-Z

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

Printing-office address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 1994-0637

© Cherepovets State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Вэй Жань, Зайцева О. В., Катыхиев П. А.</i> Концептуализация стимулов ольфакторного восприятия носителями русского языка: на материале отзывов о парфюмерных композициях с нотой сандала	7
<i>Жильков С. В.</i> Мнемонический потенциал литературной календарной поэзии (на примере русской лирики)	19
<i>Иванов В. Е.</i> Эволюция киноперевода в России: от советского дубляжа до цифровой эпохи	30
<i>Лаврова С. Ю., Тимина А. В.</i> К вопросу о специфике дискурсивного речевого жанра фанфикшн в структуре интернет-коммуникации	41
<i>Лемак А. Ю.</i> Язык Петровской эпохи: фразеологические сочетания, содержащие названия временных единиц	56
<i>Мельникова Н. Г.</i> «Вологодские сказки конца XX – начала XXI века» как источник для диалектологических разысканий	68
<i>Ненашева Л. В., Шурыкина Л. С.</i> Приложение «Копилка слов» в диалектологической практике в вузе	77
<i>Петрова Р. Ю.</i> Речевой жанр «разговор по душам» в русскоязычном фанфикшне по «Гарри Поттеру»	89
<i>Сеничева А. А.</i> Подростковая драма: к вопросу о генезисе и специфике жанра	100
<i>Цверкун Ю. Б.</i> Лексико-семантические особенности терминов, используемых для обозначения антитрендов в среднем и высшем образовании США	112
<i>Церковнов С. А.</i> Темпоральность как категориальный компонент хронотопа англоязычного научного дискурса	124

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Борзова Т. А.</i> Изменения профессиональных ценностей преподавателя высшей школы в современном контексте.....	137
<i>Капустина Е. Ю., Макеева И. А.</i> Подходы к проектированию программ по подготовке студентов к материнству и отцовству	156
<i>Коровкина Т. Е., Скворцова М. А., Смирнова И. А.</i> Профессиональная идентичность студента среднего профессионального образования в вузе как совокупность профессионально значимых качеств личности	167
<i>Коротаев А. С., Елькин Ю. Г.</i> Формирование профессиональной подготовленности военнослужащих посредством занятий по физической подготовке	179
<i>Куприн А. М., Сенченков Н. П.</i> К вопросу о профессиональном мировоззрении педагогов Тенишевского коммерческого училища	189

Научная жизнь

<i>Новиков А. Е., Соловьева Е. Е.</i> «Мы – голоса надземного хора»: Всероссийский научно-литературный семинар «И. Северянин и современники»	197
Информация для авторов	203

CONTENTS

PHILOLOGY

Wei Ran, Zaytseva O. V., Katyshev P. A. Conceptualisation of olfactory perception stimuli by native speakers of Russian: based on reviews of perfume compositions with a note of sandalwood	7
Zhilyakov S. V. The mnemonic potential of literary calendar poetry (using the example of Russian lyrics)	19
Ivanov V. E. The evolution of film translation in Russia: from Soviet dubbing to the digital era	30
Lavrova S. Yu., Timina A. V. To the question of the discursive speech genre of fanfiction specifics in the Internet communication structure	41
Lemak A. Yu. The language of the Peter's era: phraseological combinations containing nominations of time units.	56
Melnikova N. G. "Vologda fairy tales of the late 20 th – early 21 st century" as a source for dialectological research	68
Nenasheva L. V., Shurykina L. S. Application "Word Bank" in dialectological practical session at university	77
Petrova R. Yu. Speech genre "heart-to-heart talk" in Russian fanfiction about Harry Potter	89
Senicheva A. A. Teen drama: on the genesis and specificity of the genre	100
Tsverkun Yu. B. Lexical and semantic features of terms used to denote anti-trends in the US secondary and higher education	112
Tserkovnov S. A. Temporality as a category component of the chronotope in English academic discourse	124

PEDAGOGY

Borzova T. A. Changes in the professional values of higher education teachers in the modern context	137
Kapustina E. Yu., Makeeva I. A. Approaches to designing programmes to prepare students for motherhood and fatherhood	156
Korovkina T. E., Skvortsova M. A., Smirnova I. A. The professional identity of a student of secondary vocational education at university as a set of professionally significant personality qualities	167
Korotaev A. S., Elkin Yu. G. Development of servicemen's professional readiness through physical training classes	179
Kuprin A. M., Senchenkov N. P. On the issue of the teachers' professional worldview at the Tenishev Commercial School	189

SCIENTIFIC LIFE

Fedulenkova T. N. Variability vs stylistic differentiation of language. Monograph review: Isakova L. D. The diversity of languages in their variability. Moscow: Prospekt, 2022. 176 p.	197
For the authors attention	203

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 7–18.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 7–18.

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-1>

<https://elibrary.ru/wsmkas>

**Концептуализация стимулов ольфакторного восприятия
носителями русского языка:
на материале отзывов о парфюмерных композициях с нотой сандала**

Вэй Жань^{1✉}, Ольга Валерьевна Зайцева^{2✉}, Павел Алексеевич Катышев³

^{1, 2, 3} Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Москва, Россия

^{1✉} woshiweiran2018@163.com, <https://orcid.org/0009-0008-4349-7666>

^{2✉} deyaldelwer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7695-6901>

³ katpa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Аннотация. Статья посвящена исследованию концептуализации восприятия запаха. Цель исследования – выявить особенности концептуализации запаха сандала русскоязычными перцепторами (индивидуумами с активированным чувственным опытом). Материал исследования включает в себя 1251 русскоязычный фрагмент (отзыв) о 97 ароматах с нотой сандала. Выделено четыре способа концептуализации одорических ощущений, связанных с ароматом сандала: отражение характерных для запахов физических характеристик – интенсивность / сила и концентрация; отражение физических характеристик запаха через иные разновидности сенсорного отклика – гаптические (вкусовые) и тактильные (вес, текстура, сухость / влажность, температура) ощущения; образное осмысление запаха (культурно и религиозно атрибутированное); оценочное восприятие (бинарная группа эмоциональной / интеллектуальной оценки, а также группы нормативной и телеологической оценки).

Ключевые слова: лингвосенсорика, одорология, ольфакторный сенсорный импульс

Для цитирования: Вэй Жань, Зайцева О. В., Катышев П. А. Концептуализация стимулов ольфакторного восприятия носителями русского языка: на материале отзывов о парфюмерных композициях с нотой сандала // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 7–18. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-1>; EDN: WSMKAS

**Conceptualisation of olfactory perception stimuli by native speakers of Russian:
based on reviews of perfume compositions with a note of sandalwood**

Wei Ran^{1✉}, Olga V. Zaytseva^{2✉}, Pavel A. Katyshev³

^{1, 2, 3} Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia

^{1✉} woshiweiran2018@163.com, <https://orcid.org/0009-0008-4349-7666>

^{2✉} deyaldelwer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7695-6901>

³katpa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Abstract. The paper deals with conceptualisation of olfactory perception. The aim of the study is to identify the peculiarities of the conceptualisation of sandalwood scent by Russian perceptors (individuals with activated sensory experience). As the material of the study, 1,251 Russian-language reviews about 97 fragrances with a note of sandalwood were analysed. The authors have identified four ways of conceptualising scent sensations associated with sandalwood fragrance: reflection of physical features characteristic of scents – intensity / strength and concentration; reflection of physical features through other types of sensory response – haptic (taste) and tactile (weight, texture, dryness / moisture, temperature) sensations; figurative comprehension of scent (culturally and religiously attributed); evaluative perception (binary group of emotional / intellectual evaluation, as well as groups of normative and teleological evaluation).

Keywords: linguosensorics, odorology, olfactory sensory impulse

For citation: Wei Ran, Zaytseva O. V., Katyshev P. A. Conceptualisation of olfactory perception stimuli by native speakers of Russian: based on reviews of perfume compositions with a note of sandalwood. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 7–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-1>; EDN: WSMKAS

Введение

С развитием экономики и тенденцией к эстетизации жизни возникает потребность в исследовании восприятия ароматов и способов концептуализации запаха. Восприятие запаха отражает жизненный опыт и характер мышления индивида / этноса. То, как люди описывают какой-либо запах представляет собой сферу интересов лингвистов, исследующих тем самым синтез органов чувств и языка, выражающего культурный код этноса и человечества. Как полагает Х. Д. Риндисбахер, человеческое обоняние может различать сотни тысяч различных запахов¹. При этом ни в одном из языков мира не представлено классификации запахов. Эта проблема еще сильнее прослеживается в социальных исследованиях, для которых создание классификаций затруднено отсутствием базового набора запахов, общепринятой терминосистемы, предназначенной для обозначения и описания ольфакторных стимулов, и системы критериев, используемых для их идентификации и характеристики.

Представленная работа фокусируется на изучении и систематизации средств концептуализации восприятия запаха сандала в современной русскоязычной культу-

¹ Риндисбахер Х. Д. От запаха к слову: Моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Ароматы и запахи в культуре. Книга 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 579–607.

ре. Материалом исследования послужили русскоязычные фрагменты отзывов, размещенных на интернет-ресурсе *Fragrantica.ru* (1251 отзыв о 97 ароматах с нотой сандала). Исследование охватывает отражение базовых характеристик запахов при их репрезентации, социокультурные аспекты одорического сенсорного опыта, зафиксированные в современных дискурсах, таких как интернет-тексты и реклама, национально-культурную специфику в передаче ароматов. Тем самым, целями данной работы выступают установление вербальных способов концептуализации аромата сандала и представление их типологии по различным классификационным основаниям.

Основная часть

I. Теоретический базис

В классическом понимании обоняние выступает в качестве одного из пяти ключевых модусов перцепции. Под запахом понимается свойство предмета, вещества, воздуха, действующее на чувство обоняния, т. е. воспринимаемое обонянием. Для обозначения сенсорных ощущений, связанных с запахами, используются термины «обонятельный», «запаховый», «одорический» и «ольфакторный». Лексема «запаховый» имеет в русском языке негативную коннотацию и редко встречается в научной литературе. Наиболее часто в исследованиях используются лексемы «одорический» и «ольфакторный». В данной работе термин «одорический» будет употребляться в отношении парфюмерных ароматов, термин «ольфакторный» – для любых сенсорных явлений, связанных с восприятием запахов.

Существует натурологический и феноменологический взгляды на природу сенсорных ощущений. В рамках натурологического подхода исследуется физиологическая сторона обоняния: локализация хеморецепторов, классификация обонятельных расстройств¹, корреляции особенностей обоняния и когнитивных нарушений и/или специфического психоэмоционального состояния человека² и проч. Физиологические и психофизиологические исследования легли в основу создания парфюмерных, промышленных (связанных с пищевым, химическим, текстильным, сельскохозяйственным и т. п. производством), криминалистических классификаций запахов³, разработки ольфакторных экспертных методов исследования объектов биологического происхождения⁴; создания компьютерных и математических моделей системы

¹ Радциг Е. Ю., Осипова Е. П. О классификации обонятельных расстройств (по материалам отечественных и зарубежных документов) // *Российская оториноларингология*. 2019. № 18 (3). С. 87–92. <https://doi.org/10.18692/1810-4800-2019-3-87-92>

² Алексеева Н. С., Иллариошкин С. Н., Пономарева Т. А., Федотова Е. Ю., Иванова-Смоленская И. А. Нарушения обоняния при болезни Паркинсона // *Неврологический журнал*. 2012. № 1. С. 10–14.

³ Попов В. В., Таранцева В. В. Особенности и проблемы работы с запахowymi следами // *Вестник Краснодарского университета МВД РФ*. 2019. № 4 (46). С. 76–80.

⁴ Черчен О. А. Предмет и история развития криминалистической одорологии // *Материалы международной научной конференции. XIX Царскосельские чтения*. (г. Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2015 г.). Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2015. С. 232–235. EDN: UKDCNB

обоняния¹. Важно отметить, что в изучении феномена запаха естественные науки достигли определенных результатов. Гуманитарное знание об ольфакторных ощущениях, напротив, только формируется. В рамках феноменологического подхода исследуется социальная природа запаха. Ольфакторный сенсорный отклик приобретает культурное значение, что позволяет рассматривать способность человека к обонянию как источник чувственных переживаний. Основными направлениями в исследовании социальной природы запахов являются: роль запаха в концептуализации проксемных отношений коммуникантов²; функции ольфакторных ощущений при выстраивании межличностных отношений³. В лингвистике исследование запахов и способов их репрезентации осуществляется в рамках лингвосенсорики (А. В. Нагорная, В. К. Харченко) и невербальной семиотики (Г. Е. Крейдлин). Рядом исследователей изучалась социологическая проблематика обоняния – например, знаковая природа ароматов в конкретной лингвокультуре, роль запаха в создании проксемных композиций⁴ и проч.

Очевидно, что в ходе ольфакторного восприятия человек получает информацию об окружающем мире. Концепт запаха имеет сложную структуру и включает в себя понятийную и лингвокультурную составляющие, отражающие его существенные характеристики. В настоящее время активно исследуется «запаховая» лексика (В. П. Сидельников, А. В. Дроботун, Н. С. Павлова, Р. Ф. Брылева), ее метафорика (Х. С. Риндисбахер, Т. И. Бельская, Ю. А. Старостина, А. А. Колупаева, Л. В. Лаенко), роль описания запахов в порождении смысла высказываний (Ю. В. Гейко, Н. А. Трофимова). Концептуализация запаха сандала невозможна без использования языковых средств – ольфакторная информация тяжело поддается реконструкции в общении. Ассоциации, возникающие вследствие воздействия сенсорного (ольфакторного) раздражителя, также тяжело облекаются в слова ввиду специфики эмотивного индивидуального опыта, проживаемого воспринимающим.

Сандал является одной из наиболее распространенных древесных ароматических нот. Его часто применяют в таких сферах, как парфюмерия, косметика, бытовая химия и др. Однако с учетом особенностей обоняния, физиологических и культурно-религиозных свойств сандала, его восприятие может значительно отличаться в разных культурах. Учитывая эту особенность, восприятие запаха выходит за рамки биологических процессов и рассматривается как значимый культурный феномен в жизни человека. Таким образом, вербальные репрезентации запаха сандала – это результат сложного процесса, в котором необходимо учитывать разные факторы.

¹ Перегудов А. Н. Моделирование системы обоняния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 3. С. 109–113. EDN: KVVUQYX

² Пленкова Н. А. Георг Зиммель о социологической роли обоняния // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 1 (4). С. 60–63.

³ Волкова Н. П. Безымянные запахи: теория обоняния в «Тимее» Платона // SCHOLE. Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Т. 14, № 2. С. 709–727. <https://doi.org/10.25205/1995-4328-2020-14-2-709-727>; EDN: MZQEUE

⁴ Дмитриева Е. Запахи в усадьбе // Ароматы и запахи в культуре. Книга 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 134–166.

II. Данные и методы

Материалом исследования запаха сандала являются русскоязычные фрагменты (1257 отзывов о 97 ароматах с нотой сандала), отобранные на интернет-ресурсе Fragrantica.ru с применением метода сплошной выборки (поиск по термину «сандал»). Выбор данного портала определяется двумя факторами: (1) статистикой посещаемости и возможностью размещения пользователями отзывов об ароматах (в том числе на композиции, включающие ноту сандала), а также (2) их популярностью среди людей, интересующихся парфюмерией. В большинстве определений наиболее релевантной характеристикой сандала выступает его древесный маслянистый запах¹.

Восприятие запаха индивидуально, тем не менее существует ряд объективных критериев передачи одорических сенсорных ощущений. Запах как физическая субстанция характеризуется и описывается по *силе / интенсивности* и *концентрации*, а также при помощи других модусов перцепции, т. е. за счет отражения *температурных, вкусовых свойств, текстуры* и проч. Репрезентация запаха сандала также может быть осмыслена при помощи образного осмысления (в культурных и религиозных терминах), а также оценочных оппозиций. Эти аспекты концептуализации были положены в основу анализа материала.

III. Результаты исследования

Репрезентация сандалового запаха по критериям сила / интенсивность и концентрация. Одним из основных свойств запаха, которое замечает человек, является его **сила / интенсивность**. В науке нет общеустановленных критериев измерения интенсивности запаха. В ряде нормативных актов, регламентирующих методы определения интенсивности запаха, данный параметр определяется как степень восприятия запаха и оценивается по пятибалльной шкале². Для индивида, профессионально не связанного со сферой квалификации ольфакторных ощущений, оценка параметра интенсивности запаха является приблизительной и ориентированной на «средний» показатель («сильнее среднего» – «слабее среднего»). Тем самым «наивная» репрезентация параметра интенсивности может быть условно представлена в виде шкалы, которая описывается в диапазоне значений от самого слабого до сильного проявления признака (1 – «чуть слышный, еле уловимый», 2 – «слабый, легкий», 3 – «крепкий, сильный»).

1. Чуть слышный, еле уловимый:

Сандала не унюхала (Montale – So Iris Intens).

2. Слабый, легкий.

Я пробовала Белый Сандал и Сандал Мажюскюль Лютенса – для меня там сандала совсем мало (Tom Ford – Santal Blush).

3. Крепкий, сильный.

Сандал хорош. Особенно на блоттере. Но на моей горячей коже вылез рассол. Хороший такой, крепкий (Yves Rocher – Voile d'Ocre).

¹ 閻豔, 秦曉磊. «檀香»及其多元文化內涵 // 历史文献研究. 2018. № 01. С. 160–170.

² Санитарно-эпидемиологическая оценка игрушек: Методические указания. Москва: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2006. 51 с.

Можно говорить о существовании способов концептуализации запаха сандала в зависимости от порога его восприятия (от нижнего до верхнего) по параметру интенсивности / силы. Нижний порог восприятия характеризуется наличием едва заметного сенсорного отклика: отсутствие сенсорного отклика на раздражитель: «*не унюхала*»; отсутствие ингредиента: «*сандала-то и не положили*»; количественный признак: «*сандала совсем мало*»; сила воздействия на обонятельные рецепторы: «*потихоньку появляется слабый сандаловый аккорд*». Верхний порог восприятия предполагает наибольшее воздействие сенсорного отклика: признак силы воздействия: «*сильный запах*», «*мощный сливочный сандал*»; признак неконтролируемой физиологической реакции («*вызывает рвоту*»), в том числе через метафору «удушься»: «*ЗАДЫХАЮСЬ*»; «*сандал просто задушил*»; наличие сенсорного отклика на раздражитель: «*сандал просто задушил*».

Запах описывается воспринимающим и по его **концентрации**. Традиционно параметр «концентрация запаха» является физическим параметром, характеризующим процент душистого вещества в парфюмерной композиции (например, градация «одеколон» – «парфюмерная вода» – «духи»). С позиции индивида этот параметр является аффективно заряженным:

а) *сандал в начале вызвал прилив позитивных эмоций, все было супер. Но потом я уже не знала куда от него скрыться. Назойливость и беспардонность востока во плоти* (Ecentric Molecules – Molecule 04);

б) *на моей коже, к радости, не получилось никаких «трупов в церкви», но то, что это однозначно запах идентичный человеческому – это правда* (Ecentric Molecules – Molecule 04).

Восприятие запаха по его концентрации также субъективно, т. е. репрезентируется по самым разным параметрам – в основном при помощи образно осмысленных физических характеристик парфюмерной субстанции (способности душистого вещества заполнять собой пространство, оседать на объектах и закрепляться на них). На основании этого были выделены: метафоры преследования: «*не знала куда от него скрыться*», «*назойливость*»; метафоры неприятного, неэтичного, навязчивого поведения: «*назойливость и беспардонность востока во плоти*»; телесные метафоры: «*идентичный человеческому*», «*похожим запахом тела*»; признак стойкости: «*космически стойкий*». С точки зрения воспринимающего, параметры интенсивности и концентрации являются синонимичными. В способах концептуализации аромата по данным характеристикам отсутствуют релевантные разграничивающие их критерии при репрезентации запаха сандала.

Репрезентация ольфакторных (одорических) ощущений также осуществляется носителями языка через их образное осмысление за счет реконцептуализации иных форм сенсорного опыта – прежде всего гаптических и осязательных ощущений. Данный способ кодирования информации принадлежит к видам метафорических переносов¹. В ходе исследования были выделены следующие способы репрезентации запаха сандала при помощи ассоциаций со вкусом и с осязанием.

¹ Гейко Е. В. Манифестация оценки запаха в русской языковой картине мира // Материалы IV Международных Березинских чтений. «Языковое бытие человека и этноса: психолингви-

Ассоциации со вкусом. Восприятие вкуса трудно отделить от запаха. С точки зрения физиологии и психологии, в бинарном комплексе «вкус – запах» доминирующим является вкусовой модус. Вкусовые ощущения следует рассматривать как результат деятельности вкусового анализатора. Типология вкуса представляет собой четырехчастную структуру и состоит из сладкого, кислого, горького, соленого:

Затем на первый план уверенно выходит сладковатый сандал, но и сладость не явная и, опять же, ненавязчивая (Fueguia 1883 – Valle De La Luna);

Яркий лаймовый взрыв, соленый сандал, чайные листья дают терпкость. Кожу почти не слышу (Stora Sruggan – Moonmilk);

Loubicroc, при близком вдыхании только что нанесенного парфюма, бросил в меня горсть горячего и пыльного с пирамиды – дымную часть мирры, пыльную кипри-ола, горьковатую сандала (Christian Louboutin – Loubicroc).

Вкусовые метафоры, концептуализирующие запах сандала, представляют его в основном как кислый / солоноватый («*соленый сандал*», «...*вылез рассол. Хороший такой, крепкий*») либо как терпкий / горький («*горьковатую [ноту] сандала*»). Тем не менее, в некоторых случаях для акцентирования нежности данного аромата используются пищевые метафоры, уподобляющие его чему-то сладкому или сливочному («*мощный сливочный сандал*», «*сладковатый сандал*», «*соленоватый и молочный*»).

Ассоциация с осязательными ощущениями. Восприятие ольфакторных ощущений может также передаваться при помощи терминов тактильного сенсорного опыта. Тактильное восприятие предметов направлено на изучение их формы, параметров (размер, вес, текстура, консистенция), температуры, положения в пространстве. Тем самым были выделены следующие параметры концептуализации запаха.

1. Параметр веса:

Сандал здесь тоже такой легкий-легкий (Montale So Iris Intense); *Легкий, воздушный сандал* (Escntnic Molecules – Molecule 04).

2. Параметр текстуры:

Сандал настолько мягкий, пушистый, добрый... (Tom Ford – Santal Blush).

Жирный сандал, вернее, как пишут, два вида его, сандал люблю давно и надолго (Lush – Smuggler's Soul).

3. Параметр сухости / влаги:

Сандал становится сухим, грубым, шероховатым, но таким же сладковатым (Tom Ford – Santal Blush).

Но я думаю это больше похоже на мокрую древесину сандала (Le Labo – Santal 33).

4. Параметр температуры:

Ну серьезно, холодный сандал с кожей на мне звучит очень долго, потом уходит в теплый сандал... (Le Labo – Santal 33).

Культурно обусловленные метафоры. Восприятие запаха сандала культурно и религиозно атрибутировано. Очевидно, что ольфакторный сенсорный опыт стано-

вится частью национальной идентификации, что позволяет говорить о существовании закреплённых в концептосферах неких культурных стереотипов. Так, для азиатов (например, в Китае или Индии) запах сандала имеет особое значение¹. Активное применение сандалового масла в повседневной и религиозной сферах привело к тому, что для большинства запахов сандала стал ассоциироваться с китайской и индийской культурами:

Сандал здесь такой же как в индийских палочках для воскурений (Proraso Red After Shave Proraso);

Явный сандал, ассоциации с индийскими магазинами (Juliette Has A Gun – Sunny Side Up).

Не менее интересна репрезентация запаха сандала через религиозную лексику. В русской культуре характеристика ароматов дается при помощи лексем *благословенный*, *божественный*, *благоухающий* и др., что направлено на выражение высшей степени удовольствия от взаимодействия с ароматом:

Сандал вообще не люблю – душит он меня, а тут он божественен (Escntnic Molecules – Molecule 04).

Аромат сандала также может быть представлен по признаку культурной и эстетической близости воспринимаемому в рамках оппозиций «свой / чужой», «обычный / необычный», в которых выражена идея не столько о положительной / негативной оценке говорящего, сколько о соответствии / несоответствии запаха сандала ожиданиям реципиента:

1. Оппозиция «свой / чужой»:

Каким я себе представляла свой сандаловый аромат (Narciso Rodriguez Santal Musc);

2. Оппозиция «обычно / необычно»:

Для меня необычный парфюмерный сандал (Demeter Fragrance Sandalwood).

Оценочные характеристики сандалового запаха. В репрезентации запаха сандала одними из самых важных являются параметры его оценки. Примечательно, что из отобранного материала (1257 отзывов) можно заключить, что среди них превалирует отрицательная характеристика запаха. Во многом высокая частотность оценочных лексем с негативной коннотацией свидетельствует о более внимательном отношении человека к негативным запахам:

Сегодня отрыла забытую бутылочку, надела и ... ЗАДЫХАЮСЬ!!!! два аккуратных пищика... уже смыла и все равно! сандал просто задушил ... (Montale – Wood and Spices);

Хотела смыть его – вроде смылся, но этот сандал просто въелся в мою кожу. На футболке так вообще остался и после стирки (Zara Santal Glow EDT).

В то же время оппозиция «хорошо / плохо» не однозначна и может быть выражена через частные оппозиции:

¹ 张荆欣, 伍思静. 评论理论视域下香水广告语篇对比研究 // 东北师大学报 (哲学社会科学版). 2018. № 03. С. 125–131.

а) «эмоциональная оценка / интеллектуальная оценка». Эмоциональная оценка фокусируется в большей степени на субъекте (т. е. это – эмоции для себя), а интеллектуальная оценка – на объекте (это – чувство для других). Так, прилагательные *интересный*, *скучно* подчеркивают свойства объекта (т. е. представляют интеллектуальную оценку):

– *Аромат сначала насторожил ярким удом, в котором я практически не почувствовала такой **желанный** сандал (Montale Dark Aoud).*

– *Вот все-таки киллиан – он киллиан. Полифония. Очень **интересный** сандал (Kilian – Sacred Wood).*

*Через 15 минут укроп слетает и остается просто сандал. Уютный, теплый, но **скучно** (Kilian – Sacred Wood).*

б) «нормативно / ненормативно» (также: «эталонно / неэталонно»). Нормативные оценки формируют результаты познания запаха с точки зрения соответствия или несоответствия эталону нормы: человек знает, какой запах правильный, типичный для того или иного объекта восприятия. Оценивание запаха сандала в этом случае осуществляется по шкалам «правильно / неправильно», «нормально / ненормально», «стандартно / нестандартно» и проч.:

*В базе бесконечно звучит сандал – сухим пряным и **по-неправильному** пыльным деревом (Comme des Garçons – Blue Santal).*

*Просто цветочки и сандал. Невыразительный, несладкий, невкусный... **Нормальный**, но не для меня (Loewe 001 Woman).*

в) «удачно / неудачно». Критерием телеологических оценок является цель какого-либо действия, в качестве основания оценки выступает полученный или планируемый результат этого действия:

– *Для меня очень **удачный** сандал: и не рассолит, и не излишне молочно-пудровый, не громкий, как и многие подобные древесные ароматы (Atelier Materi Santal Blond).*

– *Самый **неудачный** опыт с парфюмом в моей жизни. Уж насколько я люблю сандал в разных вариантах, но это было ужасно (Escntnic Molecules – Molecule 04).*

Выводы

Восприятие запаха сандала обладает сложной структурой и выражается рядом содержательных признаков, которые отражают его восприятие представителями русской лингвокультуры. Репрезентация одорических ощущений, связанных с ароматом сандала, может передаваться через: (1) отражение характерных для запахов физических характеристик – интенсивность / сила и концентрация; (2) отражение физических характеристик запаха через иные разновидности сенсорного отклика – гаптических (вкусовых) и тактильных (вес, текстура, сухость / влажность, температура) ощущений; (3) образное осмысление запаха (в основном культурно и религиозно атрибутированное); (4) оценочное восприятие (эмоциональная / интеллектуальная, нормативная и телеологическая оценки).

Стоит отметить, что выделенные способы репрезентации аромата сандала (за исключением тех, которые отсылают к культуре и религии) являются универсальными

для передачи характеристик любого запаха, например, разделение ольфакторных раздражителей на сильные / слабые, тяжелые / легкие, теплые / холодные, сухие / влажные и т. д. Тем не менее репрезентация аромата сандала по гаптическим параметрам позволяет выделить его индивидуальные черты – говорящими фиксируются кислые, солоноватые, горькие, терпкие (в редких случаях сладковато-сливочные) ноты. Культуромаркированная репрезентация запаха сандала связана со странами его «происхождения» – Китаем и Индией, – а религиозная репрезентация уподобляет сандал запаху благовоний. В любом случае восприятие запаха сандала субъективно и аффективно. Исследование парфюмерных отзывов позволяет выявить стандартизованный образ запаха сандала как сухой, теплой, тяжелой, текстурированной, маслянистой и кисло-горькой ольфакторной ноты. Дальнейшее исследование запаха сандала позволит расширить универсальные механизмы типологизации способов репрезентации запахов по различным классификационным основаниям и выявить индивидуально специфические черты аромата сандала.

Список литературы / References

Алексеева Н. С., Иллариошкин С. Н., Пономарева Т. А., Федотова Е. Ю., Иванова-Смоленская И. А. Нарушения обоняния при болезни Паркинсона. *Неврологический журнал*, 2012, № 1, с. 10–14.

Alekseeva N. S., Ilarioshkin S. N., Ponomareva T. A., Fedotova E. Yu., Ivanova-Smolenskaia I. A. The olfactory disturbances in Parkinson's disease. *Neurological Journal*, 2012, no. 1, pp. 10–14. (In Russ.)

Волкова Н. П. Безымянные запахи: теория обоняния в «Тимее» Платона. *SCHOLE. Философское антиковедение и классическая традиция*, 2020, т. 14, № 2, с. 709–727. <https://doi.org/10.25205/1995-4328-2020-14-2-709-727>; EDN: MZQEUE

Volkova N. P. Unnamed odours: the sense of smell in Plato's "Timaeus". *SCHOLE. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 709–727. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1995-4328-2020-14-2-709-727>; EDN: MZQEUE

Гейко Е. В. Манифестация оценки запаха в русской языковой картине мира. *Материалы IV Международных Березинских чтений. «Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты»* (г. Москва, 16–18 февраля 2008 г.). Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008, с. 39–47.

Geiko E. V. Manifestation of smell assessment in the Russian linguistic picture of the world. *Proceedings of the IV International Berezinskiye Readings. "Linguistic Being of Human and Ethnicity: Psycholinguistic and Cognitive Aspects"* (Moscow, 16–18 February 2008). Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2008, pp. 39–47. (In Russ.)

Дмитриева Е. Запахи в усадьбе. *Ароматы и запахи в культуре*. Книга 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2010, с. 134–166.

Dmitrieva E. Odours in the estate. *Fragrances and odours in culture*. Book 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 134–166. (In Russ.)

Перегудов А. Н. Моделирование системы обоняния. *Вестник Воронежского института МВД России*, 2009, № 3, с. 109–113. EDN: KVUQYX

Peregudov A. N. Modelling of the olfactory system. *The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 3, pp. 109–113. (In Russ.) EDN: KVUQYX

Пленкова Н. А. Георг Зиммель о социологической роли обоняния. *Вестник Вятского государственного университета*, 2012, № 1 (4), с. 60–63.

Plenkova N. A. Georg Simmel on the sociological role of olfaction. *Herald of Vyatka State University*, 2012, no. 1 (4), pp. 60–63. (In Russ.)

Попов В. В., Таранцева В. В. Особенности и проблемы работы с запаховыми следами. *Вестник Краснодарского университета МВД РФ*, 2019, № 4 (46), с. 76–80.

Popov V. V., Tarantseva V. V. Features and problems of work with trace odours. *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 2019, no. 4 (46), pp. 76–80. (In Russ.)

Радциг Е. Ю., Осипова Е. П. О классификации обонятельных расстройств (по материалам отечественных и зарубежных документов). *Российская оториноларингология*, 2019, № 18 (3), с. 87–92. <https://doi.org/10.18692/1810-4800-2019-3-87-92>

Radtsig E. Ju., Osipova E. P. On the classification of olfactory disorders (based on domestic and foreign documents). *Russian Otorhinolaryngology*, 2019, no. 18 (3), pp. 87–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.18692/1810-4800-2019-3-87-92>

Риндисбахер Х. Д. От запаха к слову: Моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер». *Ароматы и запахи в культуре*. Книга 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2010, с. 579–607.

Rindisbakher Kh. D. From scent to word: Modeling meanings in Patrick Süskind's novel "Perfume: The Story of a Murderer". *Fragrances and odours in culture*. Book 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 579–607. (In Russ.)

Санитарно-эпидемическая оценка игрушек: Методические указания. Москва: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2006. 51 с.

Sanitary and epidemic assessment of toys: Methodical instructions. Moscow: Federal'nyi tsentr gigeny i epidemiologii Rospotrebnadzora, 2006. 51 p. (In Russ.)

Черчен О. А. Предмет и история развития криминалистической одорологии. *Материалы международной научной конференции. XIX Царскосельские чтения (г. Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2015 г.)*. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2015, с. 232–235. EDN: UKDCNB

Cherchen O. A. Subject and history of development of forensic odorology. *Proceedings of the international scientific conference. XIX Tsarskoselskie readings (St Petersburg, April 21–22, 2015)*. St Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina, pp. 232–235. (In Russ.) EDN: UKDCNB

閻豔, 秦曉磊. «檀香」及其多元文化內涵. *历史文献研究*, 2018, № 01, с. 160–170. (Янь Я., Цинь С. «Сандал» и его мультикультурные коннотации. *Исследования по исторической литературе*, 2018, № 01, с. 160–170).

Ian' I., Tsин' S. 'Sandal' and its multicultural connotations. *Studies in Historical Literature*, 2018, no. 01, pp. 160–170. (In Chinese)

张荆欣, 伍思静. 评论理论视域下香水广告语篇对比研究. 东北师大学报. 哲学社会科学版, 2018, № 03, с. 125–131. (Чжан Ц., У С. Сравнительное исследование эпизодов парфюмерной рекламы с точки зрения теории оценки. *Вестник Северо-Восточного педагогического университета*, 2018, № 03, с. 125–131).

Chzhan Tszinsin', U Sitszin. Comparative study of perfume advertising episodes from the perspective of evaluation theory. *Bulletin of Northeastern University of Education*, 2018, no. 03, pp. 125–131. (In Chinese)

Сведения об авторах

Вэй Жань – аспирант; <https://orcid.org/0009-0008-4349-7666>, woshiweiran2018@163.com, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (д. 6, ул. Академика Волгина, 117485 Москва, Россия); **Wei Ran** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0008-4349-7666>, woshiweiran2018@163.com, Pushkin State Russian Language Institute (6, ul. Akademika Volgina, 117485, Moscow, Russia).

Ольга Валерьевна Зайцева – главный специалист отдела организации научной работы и подготовки научных кадров; <https://orcid.org/0000-0002-7695-6901>, deyaldelwer@mail.ru, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (д. 6, ул. Академика Волгина, 117485 Москва, Россия); **Olga V. Zaytseva** – Chief Specialist of the Department for the Organisation of Scientific Work and Training of Scientific Personnel, <https://orcid.org/0000-0002-7695-6901>, deyaldelwer@mail.ru, Pushkin State Russian Language Institute (6, ul. Akademika Volgina, 117485 Moscow, Russia).

Павел Алексеевич Катышев – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>, katpa@rambler.ru, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (д. 6, ул. Академика Волгина, 117485 Москва, Россия); **Pavel A. Katyshhev** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>, katpa@rambler.ru, Pushkin State Russian Language Institute (6, ul. Akademika Volgina, 117485 Moscow, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 11.01.2025; принята к публикации 24.02.2025.

The article was submitted 23.12.2024; Approved after reviewing 11.01.2025; Accepted for publication 24.02.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 19–29.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 19–29.

Научная статья
УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-2>
<https://elibrary.ru/gmwksq>

Мнемонический потенциал литературной календарной поэзии (на примере русской лирики)

Сергей Викторович Жилияков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Старооскольский филиал),
Старый Оскол, Россия
szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Аннотация. В статье предлагается изучение мнемонических особенностей литературной календарной поэзии в русской лирике посредством выявления типологических характеристик поэтики произведений, входящих в ее состав, среди которых основополагающую функцию выполняет циклический принцип репрезентации художественного времени, подражающий, а значит и воспроизводящий в памяти аграрно-ритуальный распорядок бытия архаического человека, сообразующегося с природной сменой сезонов. Выясняется, что он же обуславливает тематическое обращение к феномену прапамяти – единому мнемоническому истоку бытия, что находит конкретное отражение в поэтике повторов, наглядно представляющих собой круговорот смысла.

Ключевые слова: жанр, литературная календарная поэзия, поэтика, принцип цикличности, мнемонический

Для цитирования: Жилияков С. В. Мнемонический потенциал литературной календарной поэзии (на примере русской лирики) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 19–29. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-2>; EDN: GMWKSQ

The mnemonic potential of literary calendar poetry (using the example of Russian lyrics)

Sergey V. Zhilyakov

Belgorod National Research University (Stary Oskol branch),
Stary Oskol, Russia
szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Abstract. The article proposes to study the mnemonic features of literary calendar poetry in Russian lyrics by identifying the poetics typological characteristics of the works included in its composition, among which the fundamental function is performed by the cyclic principle of representation of artistic time, imitating, and therefore reproducing in memory the agrarian-ritual routine of being an

archaic person, consistent with the natural change of seasons. It turns out that it also determines the thematic appeal to the phenomenon of primordial memory – a single mnemonic source of being, which is specifically reflected in the poetics of repetitions, which clearly represent a cycle of meaning.

Keywords: genre, literary calendar poetry, poetics, the principle of cyclicity, mnemonic

For citation: Zhilyakov S. V. The mnemonic potential of literary calendar poetry (using the example of Russian lyrics). *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 19–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-2>; EDN: GMWKSQ

Введение

В современном отечественном и зарубежном литературоведении не так много трудов посвящено литературной календарной поэзии (далее – ЛКП) в сравнении с ее генетическим предшественником – фольклорной календарной поэзией. Л. В. Флёрко рассматривает ЛКП и ее основополагающий календарно-циклический принцип строения в качестве способа «эстетического и философского познания мира»¹, что свидетельствует о наделении ЛКП самостоятельным статусом жанровой организации, поскольку, согласно М. М. Бахтину, жанр есть модель «видения и понимания действительности»². Б. П. Иванюк, применяя сравнительно-типологический подход, выявляет основные параметры ЛКП – тематические и функциональные, ее отличительные от фольклорной календарной поэзии характеристики, выделяет специфические форматы – миметический, символический, религиозный³, что способствует более целостному восприятию данного вида лирики. Однако существенно дополнить научное понимание и эстетическое представление о феномене ЛКП поможет исследование присущего ей специфического атрибута – мнемонического потенциала, заложенного в ЛКП с момента ее происхождения, впоследствии дополненного и расширенного авторами. Извлечение мнемонической составляющей ЛКП позволит гипотетически восстановить архаические смыслы или прикоснуться к жанровой архаике, выявить скрытые структурно-семантические особенности ее поэтики.

Основная часть

Человек, включенный в систему аграрно-культового цикла, невольно переносит во все сферы своего бытия тот закономерно повторяющийся принцип круговорота, который становится для него смыслом организации быта, даже объективной реальностью, иногда удручает невозможностью выхода из ее циклообразной экзистенции, одиозной по сути. Как пишет Е. Н. Трубецкой, «с тех пор как человек начал размышлять о жизни, жизнь бессмысленная всегда представлялась ему в виде замкнутого в себе порочного круга... В аду все вечное повторение, не достигающая конца и

¹ Флёрко Л. В. К вопросу о календарных циклах в лирике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 6. С. 138.

² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советский писатель, 1963. С. 181.

³ Иванюк Б. П. Календарная поэзия: словарная версия // Филологос. 2016. № 3 (30). С. 21–27.

цели работа»¹. Иногда, как и в природе, круговое вращение обнадеживает своим оптимизмом: «Эта жизнь, которая упорно утверждает себя в борьбе со смертью и периодически возрождается среди мировой разрухи, самою настойчивостью своего повторения утверждает свою непоколебимую веру в окончательную победу»². В этой связи эстетическое сознание, миметическое по своей природе, стремится воспроизвести соотносящиеся с данным природным циклом доступные ему представления, воплощенные во многих художественных формах. Одной из таких форм является ЛКП.

ЛКП в определенной степени представляет собой эстетическую трансформацию той части художественной литературы, которая связана с дидактическим эпосом, чья традиция восходит к «Трудам и дням» Гесиода (Древняя Греция, ок. VII в. до н. э.) и имеет «домостроительную» номинацию, поскольку в ней поучительное начало контекстуально обусловлено состоянием природы. Она регулирует хозяйственно-трудовую организацию времени, которое структурируется согласно календарно-обрядовому и космическому представлению о порядке как состоянии гармоничной размеренности бытия.

Учитывая, что календарная поэзия в своей тематической установке подражает отретипированному в человеческом опыте восприятию постоянно повторяющегося из года в год календарного цикла, соразмеренного с ритуальным круговоротом, в ней предсказуемо присутствует коллективная память, на непререкаемый опыт которой в древности опирается община. Циклическая (оборотная) репрезентация времени, легшая в основу данного феномена коллективной памяти, является характернейшим признаком ЛКП, чья универсальность способствует ее широкому распространению в мировой литературе разных исторических периодов³. Это обстоятельство говорит о ее несомненной типологии. Сам факт частоты использования в репертуаре форм художественной литературы ЛКП, особенно приходящийся на XIX–XX вв., может быть продиктован спецификой становления национального самосознания, вынужденного по необходимости обращаться к истокам исторического прошлого с целью понимания его эстетических первооснов, складываемых в условиях естественной простоты. «Использование в лирическом циклообразовании такого древнейшего архетипа, как годичный природный круг, смена времен года является одной из важнейших особенностей художественного мира многих поэтов (А. Пушкин, Ф. Тютчев, Абай, И. В. Гёте, Г. Гейне, Вяч. Иванов, А. Блок, С. Городецкий, Б. Пастернак, Ю. Левитанский и др.)»⁴, – пишет Л. В. Флёрко.

Восприятие реверсивности смены сезонов, соотносящееся с представлением о непрерывном круговороте времени человеческого бытия, предполагает наличие аналогичного (циклического и повторяющегося) состояния организации памяти в

¹ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Москва: Институт русской цивилизации, 2011. С. 43.

² Там же. С. 102.

³ Иванюк Б. П. Жанровая репрезентация времени в мировой поэзии (опыт системного описания) // Антропология времени: сборник научных статей в 2 ч. Ч. 1. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2017. С. 95–104. EDN: ZHUGWT

⁴ Флёрко Л. В. К вопросу о календарных циклах в лирике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 6. С. 134.

поэтике произведений ЛКП, собранных, как правило, по подобию с данным представлением в стихотворный цикл или иное макротекстовое образование (сборник стихов, книга стихов) с обязательной ротацией темы. Так, ЛКП, к примеру, представлена такими поэтическими циклами, как «Времена года» (1975) Е. Спасского, «Времена года» (2008) Е. Коновалова; книгами стихотворений – «Поверх барьеров» (1917) Б. Пастернака, «Времена года» (2022) Л. Новиковой и др. Наглядным и потому симптоматичным приемом организации времени и памяти в календарной лирике становится поэтика повтора, помогающая запечатлеть значимые детали описания. Приведем яркий пример демонстрации анафорических синтаксических конструкций из цикла стихов «Из природы» (1898) К. К. Случевского: «И день намного стал длинней, / И небо дальше синей... / И первый виден мотылек, / И первый беленький цветок, / И полон первых песен лес, / И солнце... и “Христос воскрес!”» («Животворящий блеск весны...»)¹. Кроме того, в орбиту своей концептуальной основы ЛКП втягивает особый феномен прапамяти, который представляется исследователями как «та невещественная, духовная, психологическая и одновременно вещественная, биологическая связь со столь же таинственными духовно-вещественными основами бытия»². Прапамять в качестве особых закровов прошлого обнаруживает себя как неисчерпаемая и оттого пребывающая в памяти идея перманентной повторяемости всего, что уже раз произошло. Мнемоническая основа прапамяти склоняет произведения ЛКП к тому, чтобы быть представленной, в частности, жанрами, не имеющими прямого тематического пересечения с мнемоническим заданием. В этой связи известны «Зодиак» (1912) А. Скалдина (XIX–XX), представленный мемориально-поминальным циклом элегий с характерным для него подзаголовком «Памяти Н. К. Чурляниса»; «Баллады о временах года» (1976) Лии Владимировой (Юлия Дубровкина) и т. д. Назовем такое свойство ЛКП полижанровостью, под которой понимается характеристика, присущая разнообразию жанрового состава представленного вида поэзии.

Кроме того, ЛКП вполне комфортно сосуществует с иными группами жанров, разделяя с ними структуру одного текстового поля. Например, в цикл стихов «Нескучный сад» (1916–1922) Б. Пастернака вписывается ЛКП, композиционно репрезентируемая четырьмя произведениями, соотношенными с соответствующими временами года, каждое из которых имеет в своем составе по пять стихотворений. Уже *a priori* снабженная памятью о сменяемости сезонов в годичном цикле, организуемой природным ходом бытия, она конституирует добавочную семантику памяти при помощи снабженных реминисцентными свойствами названий, генерирующих интертекстуальные связи. Так, первая часть «Зимнее утро» нацеливает на воспоминание одноименного пушкинского послания; «Сон в летнюю ночь» воспроизводит в воображении шекспировскую комедию с аналогичной номинацией, претворяющей визионерский мотив. Но самое главное, произрастая из древних ритуальных представлений о смене времен в рамках календарного года, ЛКП, отражающая в своей

¹ Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. С. 134–135.

² Мальцев В. Ю. Иван Бунин: 1870–1953. Москва: Посев, 1994. С. 10.

поэтике разными способами циклическое мировидение, имеет лирического героя, имплицитно представленного в образе шамана, жреца – отправителя культа наблюдения за природной динамикой. Для этой роли используется субъект-визионер, чье поведение согласуется с функцией ритуального посредника между мирами – медиума, который вещает о состоянии мира, растворившись в грезе: «...*Виденья, обратно! / Память, труби отступенье к портерной!*»¹. Как и в ритуале прорицания, где все проникнуто сновидением, окутано и поглощено им, субъект-визионер находится как бы на границе яви и виртуальности, о чем в стилизующей заклинательно-исповедальную модальность речи признается он сам: «*Есть сон такой, – не спишь, а только снится, / Что жаждешь сна; что дремлет человек, / Которому сквозь сон палят ресницы...*»². После летней поры, которая сопряжена с семантикой урожайности, наполненной вегетативной энергией, наступает покой осени, завершающий цикл и останавливающий движение памяти: «*Покой разлился, и настолько безлюдный, / Насколько беспмятно звонкий покой*»³. Он и здесь имеет магический подтекст: субъектный образ в лице жреца-оракула (шамана, пророка) впадает в состояние гипнотического сна, как бы выключается из внешнего мира и символически замирает⁴. Однако в мире универсального синкретизма, в который помещен лирический герой, время сна амбивалентно пробуждению, ассоциируется с ним, поэтому субъект настолько прозревает снова от погружения в сон лета, что оказывается способным далеко видеть, наделенный особыми мистическими способностями наблюдать («*И стало видать так далеко, так трудно... Смеркалась даль*»⁵) и выражаться о наблюдаемом метафорически, подобно провидцу, оракулу: «*И день сгорал, давно остановив / Часы и кровь в мучительно великом / Просторе долго, без конца горев...*»⁶. Лирический герой с претензией на функцию избранника-провидца – «*Я вишу на пере у творца...*»⁷ – подчеркивает дополнительно к сказанному мифопоэтику всего цикла, обеспечивающего воспроизведение в памяти ритуализированного процесса годового обсерваторного наблюдения за природными явлениями.

Таким образом, в ЛКП Пастернака представлена мифологема памяти, воспроизводящая предположительный архетип лирического субъекта в функции жреца (синонимы – пророк, звездочет, провидец, оракул и т. д.), который сквозь призму собственной оптики видит мир, его преображая. Для этой цели используются реминисценции, конституирующие межтекстовую мнемоническую связь, входящую в сопряжение с миметической памятью, означенной подражанием принципу организации годового аграрного цикла, репрезентирующим в свою очередь вегетативные

¹ Пастернак Б. Л. Избранное: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1985. С. 152.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 154.

⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. Москва: Академический проект, 2001. С. 144–149.

⁵ Пастернак Б. Л. Избранное: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1985. С. 154.

⁶ Там же. С. 155.

⁷ Там же. С. 151.

метаморфозы, выраженные образами природных явлений и их экзистенциальных эквивалентов: весна – жизнь, осень – смерть и т. д.).

Сказанное распространяется на весь спектр ЛКП. Поскольку ей присуща еще одна очень важная особенность, а именно – выступать способом реставрации в памяти народных представлений, связанных с устойчивыми образами времен годичного цикла, то в ней можно встретить множество ментальных ассоциаций, рассыпанных в единой системе календаря. Лирический герой предстает в образе мудреца от народа, его роль сродни литературным обязанностям, которые на себя принимают авторы дидактических поэм, составляющих «домостроевский» метажанр мировой литературы (Гесиод в «Трудах и днях», Вергилий в «Георгиках» и т. д.).

Нередко в ЛКП бывает так, что народность, отлитая в поговорках и пословицах («Обнимай да не замай»; «Июль – верхушка Лета...»), мифопоэтика, космология составляют тот образный остов, на который органично накладывается мироощущение изменений календарного времени, воплощенное в православно-народном календаре праздников, оформленное и выраженное в разнострофии. Они и определяют поэтику цикла «Тринадцать лун» (1907) в сборнике «Хоровод времен» К. Бальмонта. В тринадцатом стихотворении-гимне, где славословится Год, приводящий все времена в вечный круговорот, подытоживается: «*Да* славится Тринадцатый, / Кем жив наш хоровод! / *Да* славится Тринадцатый, / Круговозвратный Год!»¹. Объединяющим началом цикла является уже знакомый субъект-визионер, который берет на себя функцию распорядителя и устроителя календарного времени, фиксирующего состояния космического миропорядка, соотраженного в природе, представленного в «пейзажных репродукциях, а также зодиаком»². Память об этом мистическом образом сохраняется и передается всему художественному целому. Причем, мнемоническая трансляция смысла усиливается через анафорические частицы, реанимирующие лирическую ситуацию заклинания. Символическое сознание же самого поэта-визионера, организующего оркестр звучаний стихотворных смыслов, увязывает все воедино (это манифестируется в стихотворении «Среди видений»: «Есть миг в часах, когда все мысли кротки, / И вьет ум рассыпанные четки»³) человеческий, природный и надприродный (трансцендентальный, метафизический, нозматический) миры, каждому из которых соответствует свое амплуа, синтезируемое в единстве аналогичной трехипостасной репрезентации лирического «я».

В ЛКП А. А. Фета (цикл «Весна») лирическое «я» устанавливает с миром природы мистическую связь, словно воскрешая память о тех временах, когда поэт был наделен функцией провидца, шамана, демиурга, понимающего голос бытия, имев-

¹ Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Сонеты солнца, меда и луны: Песня миров; Голубая подкова: Стихи о Сибири; Под новым серпом: Роман; Воздушный путь: Рассказы; Три расцвета: Драма. Москва: Книговек, 2010. С. 271.

² Иванюк Б. П. Жанровая репрезентация времени в мировой поэзии (опыт системного описания) // Антропология времени: сборник научных статей: в 2 ч. Ч. 1. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2017. С. 99. EDN: ZHUGWT

³ Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Сонеты солнца, меда и луны: Песня миров; Голубая подкова: Стихи о Сибири; Под новым серпом: Роман; Воздушный путь: Рассказы; Три расцвета: Драма. Москва: Книговек, 2010. С. 21.

шего с ним неразрывную тайную связь, сокрытую для других непосвященных: «Вот я стою, / Вот я иду, / Словно таинственной речи я жду // Эта заря, / Эта весна / Так непостижна, зато так ясна!» (стихотворение «Сад весь в цвету...»)¹. Этот образ поэта-миста (*vates* – от лат. пророк, провидец, поэт), сочетающий в себе мировоззренческий иррационализм, родственный ритуально-культурному озарению, выраженному слиянием сознания субъективного лирического «я» с объективным бытием, ярко показан на лексико-стилистическом уровне, к примеру, через фигуру тождества – гендиадиса²: «Вот я стою, / Вот я иду, / Вот я иду...» вместо «Вот я стою и иду...»; «Эта заря, / Эта весна...» вместо «Эта весенняя заря...». (Нельзя также не заметить, что частотность использования повтора в данном фрагменте нарочито избыточна, что свидетельствует о его особой значимости, приданной ему и выделяющейся на фоне остальных характерологических особенностей стихотворения.) Все в данном стихотворении подчинено идее посвящения Природе как наделенной божественной силой субстанции, воспроизводящейся в образной топике, имитирующей состояние мистического экстаза с его переполненностью яркими вегетативными образами *озарения, осияния*: «Сад весь в цвету, / Вечер в огне, / Так освежительно-радостно мне»³.

Концепция ЛКП в творчестве И. Бродского, что вполне объяснимо следствием ее полижанровости, представлена циклом эклог, поскольку общеизвестно, что сам жанр генетически восходит к общему роду идиллической лирики (преимущественно с пастушеской тематикой), помещающей человека в окружение естественно-природного бытия (хронотоп «приятного уголка», по Э. Р. Курциусу), для которой характерно использование имплицитной мнемонической установки на воспроизведение золотого века (рая) на земле. Бродский вместе с данными концептами продолжает в рамках традиционного «пейзажного» мировидения использовать образную систему, ассоциативно-суггестивный ряд, подающийся посредством дескриптивной динамики лирической речи. Важнейшим маркером эклоговых произведений поэта является субъектный образ визионера, высматривающий в окружающем мире почти иконописные образы, о чем сообщается с нескрываемым удивлением: «...Вглядись в пространство! / в его одинаковое убранство / поблизости и вдалеке! в упрямяство...» (Эклога 5-я (Летняя), 1981)⁴. Субъект-визионер, что особенно важно, архетипически соотносится с амплуа древнего наблюдателя-звездочета, о чем свидетельствуют взятые из космического лексикона образы: «...Всякое тело, рано / или поздно, становится пищею *телескопа*: / остывает с годами, удаляется от *светила* / Стекло зацветает сложным узором...» (Эклога 4-я (Зимняя), 1977)⁵.

Приведенные примеры произведений ЛКП в русской лирике дают основание для понимания того, что контекстура памяти, заключающаяся в сохранении архетипиче-

¹ Фет А. А. Стихотворения, поэмы, переводы. Москва: Правда, 1985. С. 85.

² Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализ. Интерпретации. Характеристики. Санкт-Петербург: Азбука, 2001. С. 33.

³ Фет А. А. Стихотворения, поэмы, переводы. Москва: Правда, 1985. С. 85.

⁴ Бродский И. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2018. С. 442.

⁵ Там же. С. 436.

ских представлений о взаимосвязи наблюдения за небесными явлениями и светилами со сменой времен года, на которую те оказывают влияние, переносится на субъектный образ (лирический субъект), подвергая его объективации и типизации. Под воздействием этих обстоятельств он выполняет роль транслятора и интерпретатора должного, уже известного, которое представляется субъектом в фокусе зрения. В субъектном образе реконструируется жрец – тот самый архаический наблюдатель, предсказатель и толкователь природных явлений и принадлежащих им особенностей, способствующих успешному ведению домохозяйствования. Наблюдения за погодно-природными явлениями он совершает, что предположительно в контексте циклического хронотопа лирической ситуации, из древних мегалитических обсерваторий, играющих важнейшую роль в истории человечества. Кроме того, сама циклическая композиция ЛКП также поддается влиянию архаического миропредставления, в основе которого лежит универсальная круговая форма. Все это в комплексе накладывается на аналогичное оборотно-годовое содержание смены природного состояния, образуя художественное нераздельное единство космоса – человека – поэзии. В такой унифицированной концепции ЛКП очевидна очень простая идея гармонии целого (мир – космос) с его частями (человек), видимая проекция чего иллюстрируется как раз образом круга и его семантическими дериватами и коннотативами – вращением, возвращением, обновлением, воскрешением и т. д., словно наглядно демонстрирующими непрестанный закон природы – «вечный ритм смены бытия и небытия»¹. Недаром во всех религиях мира круг, шар представляется сакральной фигурой, отражающей идеальное устройство вселенной.

Очевидная полижанровость ЛКП в силу обнаруживаемых унифицированных атрибутов (устойчиво-типичный образ лирического субъекта-визионера, циклическая репрезентация времени) способствует наделению ее статусом метажанра, снимающего жанровую конкретику, обозначенную в отдельных случаях в номинации произведений, входящих в ее состав. Кроме того, сам художественно-поэтический принцип цикличности, имеющий много общего с идиллическим мироотношением, оставаясь во власти целостного ротационного потока времени, с помощью «памяти жанра» переносит повторы в структуру поэтики произведений. Они реализуются на разных уровнях художественного самыми разнообразными фигурами поэтической речи. В нижецитируемом фрагменте Пастернака для представления темпоральной перманентности используется повторенная дважды – в начале и конце – глагольная предикация одного из самых нагруженных мифопоэтических образов – *огня*, несущего вечную семантику первотворения. Причем из символизма слова «огненный» понятно, что время в нем определяется как статическая в своей бесконечной итерации и не имеющая финального разрешения сущность: «И день *сгорал*, давно остановив / Часы и кровь в мучительно великом / Просторе долго, без конца *горев...*»². Вследствие такого понимания времени в качестве константы, в образе огня легко реконструируются как минимум два прасимвола, две культурно-мифологических

¹ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. Москва: ВЛАДОС, 1996. С. 99.

² Пастернак Б. Л. Избранное: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1985. С. 155.

первоосновы (концепта) – Огонь-Логос Гераклита и птица Феникс. Именно в них обнаруживается тотальная обратимость (цикличность), характерная для КП вообще, в основных своих постулатах (образ субъекта-визионера в амплуа жреца, зодчего, звездочета, астролога; реконструирующийся хронотоп древних мегалитических обсерваторий и т. д.), подражающих природосообразному течению времени-бытия, а значит памятуемому о нем посредством бесконечной круговерти мифа «о вечном возвращении тождественного», в котором сознание субъекта и самосознание природы – когерентны и сопоставимы как часть и целое, не могущие существовать отдельно друг от друга. Топика повторов, кроме представленного стихотворения Пастернака, также без труда выявляется в приводимом выше произведении Фета и других лирических творениях ЛКП.

Выводы

Исследование вариантов ЛКП в мнемоническом аспекте позволило выявить ряд присущих ей особенностей, характеризующих ее поэтику. Так, с точки зрения универсально-философской (мировоззренческой), в ЛКП циклически запечатлен действующий мифологический принцип «вечного повторения тождественного» (Ф. Ницше), коррелирующийся с феноменом прапамяти и который в частном (внутри текста произведения) порядке отражается на структурно-композиционном и образно-семантическом уровнях в виде звуковых, лексических и синтаксических итераций (повторов). Со стороны технической и эстетико-эпистемологической, повторы являются тем средством, с помощью которого могли легко запоминаться тождественные сезонные события, что в архаических условиях отсутствия письменности являлось крайне удобным и практически оправданным. Круговая организация поэтики в ЛКП прослеживается и на уровне субъектной организации: в ней восстанавливается, а в поэтическом контексте – интуитивно и по памяти традиции воспроизводится образ жреца-визионера, наблюдающего за циклическим движением светил, приводящих в повторяемую из года в год последовательную смену сезонов, сохраняющих соответствующие им погодно-природные особенности. Таким образом, ЛКП в своей поэтико-поэтологической основе имеет мнемонический потенциал, детерминирующий присутствие в ней принципа циклической организации стихотворного текста и соответствующего ему типа мироотношения.

Список литературы / References

Бальмонт К. Д. *Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Сонеты солнца, меда и луны: Песня миров; Голубая подкова: Стихи о Сибири; Под новым серпом: Роман; Воздушный путь: Рассказы; Три расцвета: Драма.* Москва: Книговек, 2010. 528 с.

Bal'mont K. D. *Collected works: in 7 vols. Vol. 5. Sonnets of the sun, honey and moon: Song of the Worlds; Blue Horseshoe: Poems about Siberia; Under the new sickle: Novel; Air way: Stories; Three blossoms: Drama.* Moscow: Knigovek, 2010. 528 p. (In Russ.)

Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского.* Москва: Советский писатель, 1963. 363 с.

Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's Poetics.* Moscow: Sovetskii pisatel', 1963. 363 p. (In Russ.)

Бродский И. *Малое собрание сочинений*. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2018. 880 с.
Brodskii I. *A small collection of works*. St Petersburg: Azbuka-Attikus, 2018. 880 p. (In Russ.)

Гаспаров М. Л. *О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики*. Санкт-Петербург: Азбука, 2001. 476 с.

Gasparov M. L. *About Russian poetry: Analyses. Interpretations. Characteristics*. St Petersburg: Azbuka, 2001. 476 p. (In Russ.)

Иванюк Б. П. Жанровая репрезентация времени в мировой поэзии (опыт системного описания). *Антропология времени: сборник научных статей в 2 ч. Ч. 1*. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2017, с. 95–104. EDN: ZHUGWT

Ivaniuk B. P. Genre representation of time in world poetry (experience of system description). *Anthropology of time: collection of scientific articles: in 2 parts. Part 1*. Grodno: Grodnenskii gosudarstvennyi universitet im. Ianki Kupaly, 2017, pp. 95–104. (In Russ.) EDN: ZHUGWT

Иванюк Б. П. Календарная поэзия: словарная версия. *Philologos*, 2016, № 3 (30), с. 21–27.

Ivaniuk B. P. Calendar poetry: dictionary version. *Philologos Journal*, 2016, no. 3 (30), pp. 21–27. (In Russ.)

Маковский М. М. *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов*. Москва: ВЛАДОС, 1996. 416 с.

Maikovskii M. M. *Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: The image of the world and the worlds of images*. Moscow: VLADOS, 1996. 416 p. (In Russ.)

Мальцев В. Ю. *Иван Бунин: 1870–1953*. Москва: Посев, 1994. 432 с.

Mal'tsev V. Yu. *Ivan Bunin: 1870–1953*. Moscow: Posev, 1994. 432 p. (In Russ.)

Пастернак Б. Л. *Избранное: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы*. Москва: Художественная литература, 1985. 622 с.

Pasternak B. L. *Selected works: in 2 vols. Vol. 1. Pieces of poetry and poems*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1985. 622 p. (In Russ.)

Случевский К. К. *Стихотворения и поэмы*. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. 814 с.

Sluchevskii K. K. *Pieces of poetry and poems*. St Petersburg: Akademicheskii proekt, 2004. 814 p. (In Russ.)

Трубецкой Е. Н. *Смысл жизни*. Москва: Институт русской цивилизации, 2011. 649 с.

Trubetskoi E. N. *The meaning of life*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. 649 p. (In Russ.)

Фет А. А. *Стихотворения, поэмы, переводы*. Москва: Правда, 1985. 559 с.

Fet A. A. *Pieces of poetry, poems, translations*. Moscow: Pravda, 1985. 559 p. (In Russ.)

Флёрко Л. В. К вопросу о календарных циклах в лирике. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2011, № 6, с. 131–138.

Flerko L. V. Towards the question of calendar cycles in lyrics. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, 2011, no. 6, pp. 131–138. (In Russ.)

Элиаде М. *Аспекты мифа*. Москва: Академический проект, 2001. 240 с.
Eliade M. *Aspects of the myth*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2001. 240 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Сергей Викторович Жиликов – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>, szhil@list.ru, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал) (д. 18, мкр. Солнечный, 309502 Старый Оскол, Россия); **Sergey V. Zhilyakov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>, szhil@list.ru, Belgorod National Research University (Stary Oskol branch) (18, mkr. Solnechny, 309502 Stary Oskol, Russia).

Статья поступила в редакцию 02.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 23.09.2024.

The article was submitted 02.08.2024; Approved after reviewing 30.08.2024; Accepted for publication 23.09.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 30–40.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 30–40.

Научная статья

УДК 81.25

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-3>

<https://elibrary.ru/acjilb>

Эволюция киноперевода в России: от советского дубляжа до цифровой эпохи

Владислав Евгеньевич Иванов

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,

Пермь, Россия

ivanov_vladislav99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5889-413X>

Аннотация. Статья посвящена истории киноперевода в России с акцентом на дубляж как наиболее сложный и выразительный способ адаптации иностранных фильмов для русскоязычной аудитории. Анализируются этапы становления и эволюции технологии дубляжа – от первых экспериментов советской эпохи до ее современного состояния. Представлен сравнительный анализ дубляжных версий фильмов «Человек-невидимка» (дубляж 1935 года) и «Назад в будущее 2» (дубляж 2010 года), отражающий изменения в подходах к локализации аудиовизуального контента. Подчеркивается роль дубляжа как инструмента культурной адаптации и средства межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: дубляж, киноперевод, локализация, культурная адаптация, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Иванов В. Е. Эволюция киноперевода в России: от советского дубляжа до цифровой эпохи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 30–40. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-3>; EDN: ACJILB

The evolution of film translation in Russia: from Soviet dubbing to the digital era

Vladislav E. Ivanov

Perm National Research Polytechnic University,

Perm, Russia

ivanov_vladislav99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5889-413X>

Abstract. The article explores the history of film translation in Russia, focusing on dubbing as the most complex and expressive form of adapting foreign films for Russian-speaking audiences. It examines the stages of dubbing development from the Soviet era to the present, the influence of ideology, as well as translation and technical aspects. A comparative analysis of the dubbing of *The Invisible Man* (1935) and *Back to the Future Part II* (2010) is presented. The article highlights dubbing as a tool of cultural adaptation and a medium of intercultural communication.

Keywords: dubbing, film translation, localization, cultural adaptation, intercultural communication

For citation: Ivanov V. E. The evolution of film translation in Russia: from Soviet dubbing to the digital era. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 30–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-3>; EDN: ACJILB

Введение

Киноперевод оказывает непосредственное влияние на распространение и восприятие мирового кинематографа. В зависимости от целей, технических возможностей и культурных особенностей аудитории используются различные формы перевода фильмов: субтитрование, закадровый перевод и дубляж.

Субтитры сохраняют оригинальную звуковую дорожку и позволяют зрителю слышать интонации и голоса актеров, однако требуют высокой степени сосредоточенности.¹ Закадровый перевод, широко распространенный в России в 1980-е гг., предполагает чтение переведенного текста одним или несколькими дикторами поверх оригинала.

Среди всех форм наибольшее внимание зрителя и исследователей привлекает дубляж – преимущественно один из самых сложных и дорогостоящих способов киноперевода, при котором оригинальные реплики полностью заменяются на реплики на целевом языке с сохранением синхронности движений губ и актерской игры. Дубляж требует высокой степени художественной адаптации, технической точности и профессиональной озвучки, что делает его особенно интересным для филологического и культурологического анализа.²

История дубляжа в России представляет собой сложную и многослойную картину, отражающую социокультурные трансформации и политические веяния, сопровождавшие страну на протяжении десятилетий. От скромных начинаний в Советском Союзе до современного, технологически продвинутого рынка, дубляж выполнял и продолжает выполнять ключевую функцию в обеспечении доступа русскоязычной аудитории к мировому кинематографическому наследию. Настоящая статья посвящена исследованию истории дубляжа в России: от его первых шагов в эпоху СССР, через сложные периоды цензуры и идеологического контроля, до современных тенденций, формируемых глобализацией и технологическим прогрессом. В качестве отправной точки для анализа использован первый советский дублированный фильм «Человек-невидимка» (1933), ставший уникальным экспериментом и предтечей масштабной индустрии.

Данный фильм стал первым опытом дублирования кинолент в Советском Союзе, вышедшим на экраны на два года позже оригинала. Приобретение прав на демонстрацию этого фильма стало знаковым событием для «Союзинторгкино», государственной организации, осуществлявшей импорт иностранных кинолент. Работа над дубляжом была возложена на Научно-исследовательский кинофотоинститут (НИКФИ) в Москве, что подчеркивало научный и методичный подход к процессу.

Для демонстрации эволюции отечественной практики дубляжа в динамике в исследование также включен анализ перевода фильма «Назад в будущее 2» (1989), осуществленного студией «Пифагор» в 2010 году. Сравнение двух столь разных по времени и технологиям дубляжей позволяет проследить трансформации переводче-

¹ Cintas D. J., Remael A. *Audiovisual Translation: Subtitling*. Manchester: St. Jerome Publishing, 2007. 284 p.

² Chaume F. *Audiovisual Translation: Dubbing*. Manchester: St. Jerome Publishing, 2012. 292 p.

ских подходов, изменения в технической базе и в культурной парадигме локализации, а также выявить преемственность традиций российской школы дубляжа.

Первый советский дубляж

Процесс дублирования «Человека-невидимки» был трудоемким и инновационным для своего времени. Отсутствие наработанного опыта и специализированных технологий требовало от команды разработчиков поиска неординарных решений и креативного подхода. Режиссер Марк Донской, возглавивший проект, столкнулся с необходимостью не просто перевести текст, но и адаптировать его к советской социокультурной среде, при этом сохранив атмосферу и основные смыслы оригинального фильма.

В перечень задач входили:

1. *Точный и стилистически выверенный перевод и адаптация текста.* Перевод должен был не только передавать содержание оригинальных диалогов, но и соответствовать языковым нормам русского языка, а также учитывать культурные особенности советского общества.

2. *Тщательный подбор актеров озвучивания.* Актеры должны были обладать не только безупречной дикцией, но и способностью передать эмоциональное состояние персонажей, их характеры и индивидуальные особенности. Особое внимание уделялось тембральным характеристикам голосов, которые должны были соответствовать визуальным образам актеров на экране.

3. *Сложная синхронизация речи с артикуляцией актеров на экране.* Это требовало предельной точности и высокого уровня мастерства от актеров и звукорежиссеров. Необходимо было добиться иллюзии полного соответствия между движением губ актеров и произносимыми репликами на русском языке.

4. *Создание новой звуковой дорожки, включающей переозвученные диалоги и звуковые эффекты.* Звукорежиссеры должны были обеспечить высокое качество звучания переозвученных диалогов и звуковых эффектов, чтобы создать у зрителя ощущение полного погружения в происходящее на экране. Важно было сохранить баланс между оригинальными звуковыми эффектами и новыми, созданными для дублированной версии.

На наш взгляд, большинство задач, поставленных перед советскими специалистами в процессе создания дубляжа фильма «Человек-невидимка», были решены на высоком уровне, особенно с учетом технологических ограничений того времени и отсутствия практического опыта в подобной работе.

Подбор голосов для озвучивания был осуществлен грамотно: актеры сумели передать характеры персонажей и эмоциональное наполнение сцен. Синхронизация реплик с артикуляцией актеров, несмотря на техническую сложность задачи, достигла удовлетворительного уровня – зритель воспринимает речь как органичную часть изображения.

Сравнительно-сопоставительный анализ фрагмента из фильма «Человек-невидимка» (1933)

В качестве примера разберем одну из сцен фильма.

Сравнение оригинального текста и советского дубляжа
фильма «Человек-невидимка» (1935)

Оригинал	Советский дубляж
<p>– The night before he disappeared. I heard him hammering, packing everything up.</p> <p>– Here's something, Kemp.</p> <p>– What is it? Bad news?</p> <p>– It's only a rough note. A list of chemicals, and the last on the list is monocane.</p> <p>– Monocane? What is monocane?</p> <p>– Monocane's a terrible drug.</p> <p>– I never heard of it.</p> <p>– You wouldn't, Kemp. It's never used now. I didn't know it was even made. It's a drug that's made from a flower that's grown in India. It draws colour from everything it touches. Years ago they tried it for bleaching cloth. They gave it up because it destroyed the material.</p> <p>– That doesn't sound very terrible.</p> <p>– I know, but it does something else.</p> <p>It was tried out on some poor animal – a dog, I believe. It was injected under the skin, and it turned the dog dead white, like a marble statue¹</p>	<p>– Перед тем как он исчез, я слышал возню. Он опустошил весь шкаф.</p> <p>– Идите сюда, Кэмп.</p> <p>– Нашли что-нибудь?</p> <p>– Листок из блокнота. Список химикалий. И последним записан монокайн.</p> <p>– Монокэйн? Что это монокэйн?</p> <p>– Монокэйн – это страшный яд.</p> <p>– Впервые слышу.</p> <p>– Конечно, Кэмп. Это редкое снадобье. Не думал я, что он его знает. Его изготавливают из растения. Оно растет в Индии. В любом предмете ... окраску. Его применяли для беления тканей. Но убедились, что это разъедает основу тканей.</p> <p>– В этом нет ничего ужасного.</p> <p>– Да, но были пострашнее дела, Кэмп. И факты все это подтверждают, это не слова. От подкожного укола собака стала белой, как мраморная статуя. Она потеряла свою окраску²</p>

В представленном фрагменте мы можем заметить, что переводчик осуществил локализацию фильма с соблюдением ключевых принципов художественного дубляжа. Однако не обошлось без недочетов, которые были замечены в ходе сравнительно-сопоставительного анализа данного фильма.

При переводе фразы “What is it? Bad news?” переводчик опускает второй вопрос и меняет смысл первого. Данную фразу можно перевести как «Что такое? Плохие новости?», но Рейтман изменил смысл оригинала. Если смотреть на современные стандарты дубляжа, то можно было бы предположить, что переводчик пытался уложить перевод во время произнесения английской фразы, но при этом мы заметим, что корректный перевод прекрасно попадает во временные рамки оригинала.

Следующей интересной деталью стал перевод слова “chemicals”, которое в советском дубляже стало «химикалиями». Химикалии – это устаревшее название химикатов, которое использовали в XIX веке. Оригинальное произведение Герберта Уэллса

¹ The Invisible man. USA, 1933. Universal Studios, directed by J. Whale, duration: 71 min.

² Человек-невидимка. США, 1933. Universal Studios, реж. Д. Уэйл, длит. 71 мин. Перевод: НИКФИ (1935).

вышло в свет в 1897 году, на закате века. Представляется, что использование при переводе архаизма было со стороны переводчика вполне оправданным решением.

Рассмотрим перевод названия препарата, упомянутого в фильме. «Mopasane» является вымышленным препаратом, придуманным для киноленты. В оригинальном произведении процесс превращения в невидимку существенно отличался от того, как он был представлен в кинематографической адаптации. Если анализировать произношение актеров, то препарат нужно переводить как «монокаин». В современном дубляже его переводят как «монокан». Однако в советском дубляже наблюдается непоследовательность в произношении названия. В двух последовательных репликах один и тот же персонаж произносит его как «монокАин» и «монокЭйн». Более того, в оригинале нам говорят, что данный препарат является наркотиком (drug), а в советском варианте его называют ядом и снадобьем, допуская тем самым смысловую ошибку. Еще одну смысловую ошибку, связанную с этим препаратом, мы можем заметить в следующей фразе. В оригинале говорится, что монокан производится из цветка (“that's made from a flower”), растущего в Индии. В переводе Рейтмана это уточнение изменено: вместо цветка упоминается растение.

В описании воздействия монокана на собаку в советском дубляже опущена часть “a dog, I believe”, что исключает из высказывания сомнение, выраженное в оригинале. Напротив, в перевод добавлена фраза «она потеряла свою окраску», которой нет в оригинале. Данную реплику следует расценивать, скорее, как положительную, поскольку эта вставка логически дополняет сцену, усиливает восприятие смысла для русскоязычного зрителя и сохраняет художественную целостность произведения.

Сравнительно-сопоставительный анализ сцены из фильма «Человек-невидимка» в советской дублированной версии позволяет сформулировать следующие выводы. Дубляж 1935 года представляет собой профессионально выполненный перевод, учитывающий художественную специфику произведения, но содержащий ряд отклонений и неточностей. Среди наиболее заметных можно выделить адаптацию диалогов, использование архаизмов, вариативность в передаче терминов и смысловые отклонения. Эти изменения в значительной степени обусловлены как особенностями дубляжа того времени, так и возможным стремлением переводчика передать смысл фраз в более доступной и понятной для русскоязычной аудитории форме. Несмотря на некоторые недочеты, дубляж справляется со своей задачей и передает атмосферу произведения, сохраняя художественную целостность фильма.

Как уже отмечалось, «Человек-невидимка» стал отправной точкой для формирования полноценной индустрии дубляжа в СССР. Этот первый опыт позволил выявить основные проблемы и задачи, стоящие перед создателями дубляжа, а также определить базовые принципы и подходы к локализации иностранного контента. Эксперименты с переводом, адаптацией текста и подбором актеров озвучивания заложили основу для дальнейшего развития советской школы дубляжа.

Развитие дубляжа в послевоенные годы

После окончания Великой Отечественной войны потребность в зарубежных фильмах в СССР значительно возросла. Дубляж стал основным и наиболее доступным способом адаптации иностранной кинопродукции для советской аудитории, особенно в условиях ограниченного знания иностранных языков среди населения.

В послевоенный период были созданы специализированные студии дубляжа при крупнейших киностудиях страны, таких как «Мосфильм» и «Ленфильм». Эти студии занимались дублированием практически всех иностранных фильмов, демонстрировавшихся в советских кинотеатрах. Процесс дублирования был строго регламентирован и находился под контролем государственных органов, в частности, Госкино СССР.

В эпоху Холодной войны дубляж использовался не только как инструмент лингвистической и культурной адаптации, но и как средство идеологического воздействия. Фильмы, содержание которых не соответствовало советской идеологии, подвергались цензуре, а в дублированные версии могли вноситься существенные изменения, искажающие первоначальный смысл и акценты.¹ Некоторые фильмы, представлявшие потенциальную угрозу с точки зрения идеологической безопасности, могли быть полностью запрещены к показу. Как правило, подобное кино показывали «подпольно» в нелегальных видеосалонах. Так, например, зрители увидели культовую картину 1977 года «Звездные войны» лишь на закате существования СССР, а фильм «Унесенные ветром» 1940 года попал в прокат только спустя 50 лет, в 1990-е гг.²

Несмотря на жесткие идеологические рамки, советский дубляж достиг высокого уровня художественного и технического мастерства. Многие советские актеры озвучивания приобрели широкую известность благодаря своему таланту и профессионализму. Советская школа дубляжа отличалась высоким качеством перевода, внимательным подходом к актерской игре и безупречным техническим исполнением. Голоса советских актеров стали своеобразным эталоном и неотъемлемой частью культурного кода.

Дубляж в постсоветской России

Распад Советского Союза и последовавшие за этим политические и экономические реформы привели к кардинальным изменениям в индустрии дубляжа. С одной стороны, возрос интерес к зарубежному кинематографу, ранее недоступному советскому зрителю, с другой – произошел кризис в отечественной киноиндустрии, который, безусловно, отразился и на сфере дубляжа.

В 1990-е гг. наряду с государственными студиями дубляжа появились частные компании, которые начали активно бороться за проекты по локализации фильмов. Это привело к расширению спектра подходов к дублированию, повышению качества работы и внедрению новых технологий. Однако одновременно возникли проблемы, связанные с нарушением авторских прав и распространением нелегальных копий фильмов.³

Развитие цифровых технологий и распространение Интернета оказали огромное влияние на индустрию. Появились новые возможности для обработки звука и видео,

¹ Железный экран: Какие импортные фильмы пускали в СССР. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3267388/> (дата обращения: 19.04.2025).

² 8 иностранных фильмов, запрещенных в СССР. URL: https://dzen.ru/a/ZO9X_H_RG0_fahF5 (дата обращения: 19.04.2025).

³ Евстратов Д. 85 лет за кадром: краткая история русского дубляжа. URL: <https://www.timeout.ru/msk/feature/496010> (дата обращения: 19.04.2025).

что позволило значительно улучшить качество дублирования и сократить сроки производства. Глобализация привела к увеличению объемов локализуемого контента и появлению новых рынков.

В качестве примера современной локализационной практики был выбран фильм «Назад в будущее 2» (1989) в дубляже студии «Пифагор», выполненном в 2010 году. Этот выбор обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, студия «Пифагор» на протяжении последних десятилетий зарекомендовала себя как один из лидеров российской индустрии дубляжа. Ее проекты отличаются высоким уровнем художественной адаптации, точной синхронизацией и профессиональной актерской озвучкой. Студия работает с крупнейшими международными кинокомпаниями и известна широкому кругу зрителей по дубляжу таких фильмов, как «Властелин колец», «Гарри Поттер», «Пираты Карибского моря» и др.

Во-вторых, фильм «Назад в будущее 2» представляет собой удачный пример для сравнительно-сопоставительного анализа, поскольку в него включены насыщенные диалоги, культурно значимые реалии и элементы научной фантастики. Персонажи, яркие образы и обилие отсылок к историческим и политическим контекстам 1980-х гг. представляют собой серьезный вызов для переводчиков, что позволяет оценить уровень мастерства студии и ее подход к локализации сложного материала.

Кроме того, тот факт, что дубляж был осуществлен спустя два десятилетия после выхода фильма, дает возможность проанализировать, как изменилась практика дубляжа с течением времени и как современные специалисты справляются с задачами адаптации ретро-материала для современного восприятия.

Так же, как и в фильме «Человек-невидимка» (1933), мы видим, что студия «Пифагор» осуществила локализацию с соблюдением ключевых принципов художественного дубляжа. Проанализируем приведенный фрагмент с точки зрения соответствия перевода оригиналу (см. табл. 2).

В самом начале фрагмента виртуальный Майкл Джексон, выполняющий роль официанта в кафе, зачитывает клиентке меню. В оригинале мы слышим “hot salsa”, что можно перевести как «острая сальса». Однако в дубляже переводчик допускает ошибку, вследствие чего соус из «острого» становится «горячим». Следующая особенность касается повсеместно используемой в дубляже техники “lipsync”, когда произнесение переводной реплики пытаются уложить по времени с произнесением фразы на языке оригинала. В английском варианте посетители произносят “Waiter. Waiter”, пытаясь позвать к себе официанта. В русской версии «официант» произносят лишь единожды, чтобы «попасть в губы» персонажа.

В следующем кадре к главному герою Марти Макфлау подходит официант в лице виртуального Рональда Рейгана. Здесь мы можем заметить отличительную особенность искусственного обслуживающего персонала, на которую переводчики должны обратить особое внимание. Виртуальные копии знаменитостей «заедает», что необходимо отразить в переводе. Однако в первой реплике Рейгана “Welcome to the Cafe '80s, where it's always morning in America, even in the afternoo-noo-noon” переводчики не обыгрывают шутку и не обращают внимание на заикание официанта. На наш взгляд, данную фразу следует переводить как «Добро пожаловать в кафе “80-е”! В нашей Америке всегда утро, даже когда на дворе д-д-день».

Сравнение оригинального текста и дубляжа студии «Пифагор»
фильма «Назад в будущее 2» (дубляж 2010 года)

Оригинал	Дубляж
<p>– It's got a hot salsa, avocados, cilantro mixed with your choice of beans, chicken, be-beef or pork.</p> <p>– Waiter. Waiter.</p> <p>– Welcome to the Cafe '80s, where it's always morning in America, even in the afternoon-noon. Our special today is mesquite-grilled sushi.</p> <p>– You must have the hostage special!</p> <p>– Cajun style.</p> <p>– You must have the hostage special!</p> <p>– Hey, hey, hey, guys. Hey, hey, guys! All I want is a Pepsi.</p> <p>– Hey, McFly! Yeah. I've seen ya around. You're Marty McFly's kid, aren't you?</p> <p>– Biff?</p> <p>– You're Marty Jr. Tough break, kid. Must be rough bein' named after a complete butthead.</p> <p>– What's that supposed to mean?</p> <p>– Hello? Hello? Anybody home?</p> <p>– Hey. Hey.</p> <p>– Think, McFly, think. Your old man? Mr. Loser.</p> <p>– Loser? What?</p> <p>– That's right. Loser with a capital "L".</p> <p>– Look, I happen to know George McFly is no longer a loser.</p> <p>– No, I'm not talkin' about George McFly. I'm talkin' about his kid. Your old man, Marty McFly Sr., the man who took his life and flushed it completely down the toilet¹</p>	<p>– Горячая сальса, авокадо и кинза, смешанные на выбор с бобами, курицей, говяжиной или свиной.</p> <p>– Официант.</p> <p>– Добро пожаловать в кафе «80-е»! В нашей Америке всегда утро, даже на закате дней. Блюдо дня – жареные суши.</p> <p>– Да, особые суши из заложников!</p> <p>– В каджунском стиле.</p> <p>– Особые суши из заложников!</p> <p>– Иди к Горбачеву!</p> <p>– Эй, эй, эй! Погодите! Мне только пепси.</p> <p>– Эй, Макфлай! Да. А я тебя узнал. Ты сын Марти Макфлая, ведь так?</p> <p>– Бифф?</p> <p>– Ты Марти младший. Не повезло, малыш. Каково носить имя полного придурка?</p> <p>– Бифф, что это значит?</p> <p>– Але! Але! Есть кто дома? Думай, Макфлай, думай! Твой старик, мистер Неудачник.</p> <p>– Как?</p> <p>– Вот так. Неудачник с большой буквы Н.</p> <p>– Но, но я точно знаю, что Джордж Макфлай...</p> <p>– Я не о Джордже говорю. Я говорю о его сынке, твоём старике, Марти Макфлае старшем. Который свою жизнь взял да и утопил в унитазе²</p>

В следующей фразе “Our special today is mesquite-grilled sushi” переводчики использовали прием опущения, исключая указание на вид древесины, который был задействован при приготовлении блюда, тем самым устраняя культурную специфику оригинала. Мескитовое дерево широко используется в США для жарки и копчения

¹ Back to the Future. Part II. USA, 1989. Universal Studios, directed by R. Zemeckis, duration: 108 min.

² Назад в будущее 2. США, 1989. Universal Studios, реж. Р. Земекис, длит. 108 мин. Перевод: студия «Пифагор» (2010).

мяса из-за своего насыщенного аромата, которое оно передает мясу. В данном случае переводчики вновь старались уложиться во время произнесения реплики и опустили реалию.

В следующем кадре виртуального Рейгана перебивает аятолла Рухолла Хомейни, в русском варианте предлагающий взять «особые суши из заложников». Однако в оригинале ни о каких суши речи не идет. В английской версии аятолла предлагает “hostage special”, что можно было перевести как «спецпредложение с заложником». В переводе студии «Пифагор» мы видим смысловую неточность. В целом данная реплика является отсылкой на Иранский кризис с заложниками, произошедший в период с 1979 по 1981 гг. Выбор персонажей также неслучаен, поскольку именно Рейган после своей инаугурации в 1981 году смог договориться с Ираном и вернуть на родину 66 дипломатов.¹

Далее виртуальный президент США произносит реплику «Иди к Горбачеву!». Однако она встречается только в русском дубляже. В оригинальной версии реплики персонажей Рейгана и Хомейни воспроизводятся с искаженной артикуляцией и в ускоренном темпе, имитируя сбой в работе виртуального интерфейса.

В следующей сцене Марти встречает главного антагониста всей трилогии «Назад в будущее» Биффа Таннена. Постаревший Бифф говорит главному герою следующие слова: “Must be rough bein’ named after a complete butthead”. В переводе студии «Пифагор» данная реплика трансформируется в вопрос: «Каково носить имя полного придурка?». Несмотря на то, что оригинальная фраза имела вопросительную интонацию, ее смысл в дубляже был сохранен правильно.

Студия «Пифагор» добавила одно слово при переводе реплики с английского языка («Бифф, что это значит?»). Данное решение вновь связано с техникой “lip-sinc”. Оригинальная фраза состоит из четырех слов, а ее перевод должен был состоять из трех слов, вследствие чего персонаж в русской адаптации заканчивал говорить раньше, чем в английской версии.

Также с данной техникой было связано решение переводчиков выпустить реплику “Неу. Неу”, поскольку иначе актер дубляжа был бы вынужден произносить фразы как скороговорку.

В следующем фрагменте переводчики грамотно перевели фразу “Loser with a capital ‘L’”. В варианте студии «Пифагор» («Неудачник с большой буквы Н») она адекватно отражает суть оригинала. Далее представлены переводческие решения, обусловленные временем произнесения реплик. В предложении “Look, I happen to know George McFly is no longer a loser” переводчики вынуждены были опустить концовку предложения, а в следующей реплике фамилию отца главного героя.

В последней фразе представленного фрагмента переводчики изменили глагол при переводе реплики “...the man who took his life and flushed it completely down the toilet”. Концовку данной фразы следовало перевести как «человек, который смыл свою жизнь в унитаз». Однако в переводе студии «Пифагор» «жизнь в унитазе утопили».

¹ Захват американских заложников в Иране. URL: <https://bigenc.ru/c/zakhvat-amerikanskikh-zalozhnikov-v-irane-8f0bd5> (дата обращения: 18.04.2025).

На основании проведенного сравнительно-сопоставительного анализа можно сделать следующие выводы. Дубляж 2010 года, сделанный студией «Пифагор», представляет собой профессионально выполненную локализацию, сочетающую отдельные неточности (в основном обусловленные необходимостью соблюдения техники “lipsync”) с удачными переводческими решениями. Сравнивая этот дубляж с версией 1935 года для фильма «Человек-невидимка», можно отметить, что, несмотря на наличие у современных переводчиков доступа к более продвинутым технологиям, при тщательном анализе можно выявить определенные недочеты в переводе.

Выводы

За прошедшие 75 лет технология дубляжа шагнула далеко вперед. На сегодняшний день индустрия дубляжа в России продолжает развиваться, несмотря на имеющиеся сложности. Студии активно работают над локализацией фильмов, сериалов, анимационных проектов, видеоигр и другого контента для русскоязычной аудитории. Особое внимание уделяется качеству перевода, аутентичности актерской игры и современным технологиям обработки звука и видео.

История дубляжа в России основана на развитии искусства адаптации и локализации контента. Дубляж сыграл и продолжает играть важную роль в обеспечении доступа к мировому кинематографу для русскоязычной аудитории, а также является значимым инструментом культурного обмена. Несмотря на политические и экономические вызовы, российская школа дубляжа сохранила свои традиции и продолжает развиваться, предлагая зрителям высококачественную продукцию. Анализ первого советского дублированного фильма «Человек-невидимка» позволяет проследить истоки и основные принципы, которые легли в основу этой индустрии. В свою очередь, изучение дубляжа фильма «Назад в будущее 2», выполненного студией «Пифагор» в постсоветский период, демонстрирует, как изменились подходы к переводу, технические возможности и требования к локализации в условиях цифровой эпохи. Особое внимание стало уделяться соблюдению техники “lipsync”, когда синхронизация движения губ с текстом перевода выходит на первый план, в отличие от советского периода, где основным критерием была точная передача содержания на русском языке. Дубляж превратился из относительно простого процесса адаптации в сложную многоуровневую процедуру локализации, объединяющую переводческую точность, культурную адаптацию и технологическое мастерство. Данная техника аудиовизуального перевода остается важным инструментом межкультурной коммуникации и художественной адаптации, отражая не только язык, но и эпоху, в которую он создается.

Список литературы / References

8 иностранных фильмов, запрещенных в СССР. URL: https://dzen.ru/a/ZO9X_H_RG0_fahF5 (дата обращения: 19.04.2025).

8 foreign films banned in the USSR. (In Russ.) Available at: https://dzen.ru/a/ZO9X_H_RG0_fahF5 (accessed: 19.04.2025).

Евстратов Д. 85 лет за кадром: краткая история русского дубляжа. URL: <https://www.timeout.ru/msk/feature/496010> (дата обращения: 19.04.2025).

Evstratov D. 85 years behind the scenes: a brief history of Russian dubbing. (In Russ.) Available at: <https://www.timeout.ru/msk/feature/496010> (accessed: 19.04.2025).

Железный экран: Какие импортные фильмы пускали в СССР. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3267388/> (дата обращения: 19.04.2025).

Iron Screen: Which foreign films were allowed in the USSR. (In Russ.) Available at: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3267388/> (accessed: 19.04.2025).

Захват американских заложников в Иране. URL: <https://bigenc.ru/c/zakhvat-amerikanskikh-zalozhnikov-v-irane-8f0bd5> (дата обращения: 18.04.2025).

The seizure of American hostages in Iran. (In Russ.) Available at: <https://bigenc.ru/c/zakhvat-amerikanskikh-zalozhnikov-v-irane-8f0bd5> (accessed: 18.04.2025).

Назад в будущее 2. США, 1989. Universal Studios, реж. Р. Земекис, длит. 108 мин. Перевод: студия «Пифагор» (2010).

Back to the Future 2. USA, 1989. Universal Studios, directed by R. Zemeckis, duration: 108 min. Translation: "Pifagor" studio (2010). (In Russ.)

Человек-невидимка. США, 1933. Universal Studios, реж. Д. Уэйл, длит. 71 мин. Перевод: НИКФИ (1935).

The Invisible Man. USA, 1933. Universal Studios, directed by J. Whale, duration: 71 min. Translation: NIKFI (1935). (In Russ.)

Back to the Future. Part II. USA, 1989. Universal Studios, directed by R. Zemeckis, duration: 108 min.

Cintas D. J., Remael A. *Audiovisual Translation: Subtitling*. Manchester: St. Jerome Publishing, 2007. 284 p.

Chaume F. *Audiovisual Translation: Dubbing*. Manchester: St. Jerome Publishing, 2012. 292 p.

The Invisible man. USA, 1933. Universal Studios, directed by J. Whale, duration: 71 min.

Сведения об авторе

Владислав Евгеньевич Иванов – аспирант; <https://orcid.org/0000-0001-5889-413X>, ivanov_vladislav99@mail.ru, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (д. 29, пр-т Комсомольский, 614990 Пермь, Россия); **Vladislav E. Ivanov** – Post-graduate Student, <https://orcid.org/0000-0001-5889-413X>, ivanov_vladislav99@mail.ru, Perm National Research Polytechnic University (29, pr. Komsomolsky, 614990 Perm, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 30.04.2025; Approved after reviewing 30.05.2025; Accepted for publication 16.06.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 41–55.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 41–55.

Научная статья

УДК 81' 42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-4>

<https://elibrary.ru/bstyss>

К вопросу о специфике дискурсивного речевого жанра фанфикшн в структуре интернет-коммуникации

Светлана Юрьевна Лаврова^{1✉}, Анастасия Валентиновна Тимина²

^{1,2}Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

^{1✉}svella1012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3628-3463>

²timina.anasteisha@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика дискурсивного речевого жанра фанфикшн как особого образования, на основе которого в интернет-коммуникации создается вторичный текст-фанфик. Показаны подходы к пониманию речевых жанров в современной лингвистике, обозначены базовые текстовые категории, позволяющие выявить конститутивные и конструктивные признаки жанра фанфикшн. Обусловлено лингвопрагматическое наполнение модельного понимания данного жанра, необходимость которого позволяет разобраться в механизмах создания на его основе вторичного текста-фанфика. Новизна исследования заключается в моделировании дискурсивного речевого жанра фанфикшн, не имеющего аналогов такого аспектного лингвистического рассмотрения в литературе. В качестве материала анализа выступают вторичные тексты-фанфики, образованные на основе интерпретации содержания российских классических романов XIX–XX вв.

Ключевые слова: речевой жанр фанфикшн, текстовые категории, первичный текст-роман, вторичный текст-фанфик, интернет-дискурс, сетература

Для цитирования: Лаврова С. Ю., Тимина А. В. К вопросу о специфике дискурсивного речевого жанра фанфикшн в структуре интернет-коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 41–55. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-4>; EDN: BSTYSS

To the question of the discursive speech genre of fanfiction specifics in the Internet communication structure

Svetlana Yu. Lavrova^{1✉}, Anastasiya V. Timina²

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

^{1✉}svella1012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3628-3463>

²timina.anasteisha@yandex.ru

Abstract. The article deals with the discursive speech genre of fanfiction specifics as a special formation, on the basis of which a secondary text-fanfic is created in Internet communication. The authors describe approaches to speech genres` understanding in modern linguistics; outline the basic

© Лаврова С. Ю., Тимина А. В., 2025

textual categories that allow identifying constitutive and constructive features of the fanfiction genre. The linguopragmatic content of the genre's model understanding is conditioned, the necessity of which allows us to understand the mechanisms of creating a secondary fanfic text on its basis. The research novelty consists in modelling a speech genre of fanfiction, which has no analogues for such an aspect of linguistic consideration in literature. Based on the interpretation of Russian classical novels from the 19th and 20th centuries, secondary fanfic texts serve as material for analysis.

Keywords: fanfiction speech genre, textual categories, primary text-novel, secondary text-fanfiction, Internet discourse, neterature

For citation: Lavrova S. Yu., Timina A. V. To the question of the discursive speech genre of fanfiction specifics in the Internet communication structure. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 41–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-4>; EDN: BSTYSS

Введение

Данная работа посвящена лингвопрагматическому анализу, бытующего в современной российской интернет-коммуникации дискурсивного речевого жанра фанфикшн с конкретными сущностными характеристиками, наличие которых помогает сконструировать его структурно-смысловую модель.

Функциональная лингвистика изучает современный (как реальный, так и виртуальный) мир, в котором Говорящий / Пишущий выступает основным носителем смыслов. Интернет-коммуникация занимает особое место среди других коммуникаций пространства социума, соответственно и способы ее репрезентации интересуют лингвистов с разных точек зрения, что отражается в работах В. В. Дементьева¹, О. Б. Сиротининой², Т. В. Шмелевой³ и других исследователей. Тексты, создаваемые в интернет-коммуникации, их жанровая специфика, межтекстовые связи между ними выступают актуальным предметом рассмотрения для лингвистов, занимающихся особенностями создания интернет-дискурса.

Общеизвестно, что при смене функциональных концепций меняется и структура жанров: жанры изменяются от простых к сложным. Однако современная электронная коммуникация нарушает данное положение в связи с тем, что жанры интернет-дискурса, наоборот, упрощаются и приобретают новые смыслы и, самое главное, – формируют новый продукт-текст. Методика изучения речевых жанров, по В. В. Дементьеву, может основываться на построении некой модели, на основе которой описывается ряд параметров, характеризующих тот или иной жанр, таких как предмет, стиль, источники, целеполагание, коммуникативная сфера и т. д.

¹ Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121. EDN: YTPINY; Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 9–26; Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.

² Сиротинина О. Б. и др. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – текст – культура. Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994. С. 105–124.

³ Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–98. EDN: VLXZCJ

С нашей точки зрения, построение модели конкретного речевого жанра интернет-дискурса достаточно продуктивно для описания и конкретизации параметров нового формирующегося феномена сетевой коммуникации.

Существующая классическая теория речевых жанров, в которой проводится разделение на жанры устной и письменной речи, в современной социальной реальности расширяется за счет формирования виртуальных жанров интернет-коммуникации.

«В последнее время коммуникативное пространство Интернета стало своеобразной жанропорождающей средой (*здесь и далее выделение жирным шрифтом наше*. – С. Л., А. Т.), которая способствовала как более интенсивному развитию жанроведения в целом, так и возникновению новых жанров, свойственных только этой информационной среде», – отмечает исследователь Н. А. Ахренова¹.

Объектом изучения в данной работе выступает дискурсивный речевой жанр фанфикшн, на основе которого создается вторичный текст интернет-дискурса – фанфик.

Основные проблемы изучения нашего объекта затрагивают следующие аспекты: 1) специфику рассмотрения интернет-дискурса как единственной сферы функционирования фанфиков; 2) специфику обращения к первичным и вторичным текстам с учетом выбранной сферы функционирования; 3) специфику обоснования жанра фанфикшн в структуре сетевого жанроведения с учетом того факта, что репертуар речевых жанров, по суждению М. М. Бахтина, характеризуется своими особенностями в каждой сфере человеческой деятельности.

Цель нашей работы заключается в представлении специфики дискурсивного речевого жанра фанфикшн в лингвистике Интернета с выявлением его сущностных характеристик и его структурно-смысловой модели.

Задачи работы: 1) рассмотреть историю формирования речевых жанров с учетом лингвопрагматического подхода к их изучению в интернет-коммуникации; 2) показать роль текста-донора для формирования вторичного текста в речевом жанре фанфикшн; 3) обосновать возможность представления речевого жанра фанфикшн как родового и видового понятия в контексте интернет-дискурса; 4) выявить конститутивные и конструктивные признаки речевого жанра фанфикшн для обоснования его структурно-смысловой модели.

В качестве рабочего материала выступают оригинальные романы А. С. Пушкина «Евгений Онегин», Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», Л. Н. Толстого «Война и мир», «Анна Каренина», М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и 117 вторичных текстов-фанфиков, созданных на основе перечисленных произведений.

Исследователь Е. А. Бирюкова справедливо отмечает: «Коммуникация посредством Интернета устроена таким образом, что на одном полюсе действует **профессиональный производитель информации**, а на другом всегда остается **массовый субъект** – заранее неопределенное по численности множество анонимных пользователей»².

¹ Ахренова Н. А. Основные способы классификации жанров интернет-дискурса // Вестник Чувашского государственного университета им. И. Я. Яковлева. 2009. № 9. С. 166.

² Бирюкова Е. А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 79. EDN: TOEBUB

Учитывая этот факт, в процессе анализа интернет-коммуникации важно обращать внимание на такие особенности данного типа коммуникации, как интерактивность и обратная связь. Обратная связь – это реакция, отклик субъекта на информационное воздействие¹.

Обратная связь воспринимающих первичный текст субъектов может быть различной по форме: в частности, создаваемый вторичный текст-фанфик представляет собой любительский текст по мотивам известных литературных произведений. Соответственно, у каждого речевого жанра, бытующего в сфере Интернета, свои цели, стратегии и задачи.

Новизна нашего исследования заключается в выборе его объекта – дискурсивного речевого жанра фанфикшн, не имеющего аналогов модельного лингвистического рассмотрения в научной литературе с учетом базовых характеризующих признаков объекта и его родо-видовой реализации в структуре интернет-коммуникации.

Существующий ряд исследовательских работ (преимущественно литературоведческого характера) рассматривают жанр фанфикшн либо как художественно-литературный жанр²; либо как жанр компьютерно-опосредованной коммуникации³; либо как жанр современного литературного направления⁴. Е. Д. Шатрова отмечает, что «под жанром в литературной среде фанфикшн понимается группа произведений, объединенная общей темой»⁵. Работы исследователя Н. Г. Рогачевой посвящены подробному лингвистическому анализу трех вторичных жанров интернет-коммуникации: блогу, форуму и чату, а также их структурным элементам – блог-посту и блог-комментарию. Автор не анализирует такой дискурсивный речевой жанр, как фанфикшн. Исследователь И. Г. Сидорова изучает коммуникативно-прагматические характеристики таких персональных жанров интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий) в аспекте анализа типа языковой личности и ее коммуникативного поведения как представителя социального интернет-сообщества. С литературоведческой точки зрения рассматривает жанр и исследователь М. А. Федорчук, подробно анализируя процессы текстопорождения в фанфикшн как явления паралитературы.

Следует отметить и такой фактор, как нечеткое разделение понятий фанфикшн и фанфик в обозначенных выше авторских работах.

¹ Бирюкова Е. А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 80. EDN: TOEBUB

² Иванов Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста. 2000. URL: <https://knigogid.ru/books/1789475-yazyk-interneta-zametki-lingvista/toread> (дата обращения: 07.03.2025).

³ Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация или электронный дискурс? К определению основного понятия в лингвистическом изучении Интернета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: [б. и.], 2011. 41 с.

⁴ Шатрова Е. Д. К проблеме определения жанров произведений фанфикшн // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 41–48.

⁵ Там же. С. 44.

Выбор лингвопрагматического аспекта анализа обусловлен интересом, во-первых, к классической теории речевых жанров, основанной на феномене **речевого акта** как центрального понятия прагматической лингвистики; во-вторых, к специфике функциональной среды интернет-дискурса, в сфере которой рассматривается наш объект – дискурсивный речевой жанр фанфикшн.

Метод моделирования, используемый нами для интерпретации объекта исследования, определяет выбор сопутствующих ему методов наблюдения и систематизации материала, сопоставления, дефиниционного анализа.

Основная часть

Для того чтобы разобраться в специфике данного жанра, обратимся прежде всего к классическим теориям его понимания и аспектного анализа. Речевой жанр как филологическое понятие рассматривается и с точки зрения литературоведения, и с точки зрения лингвистики. Нас интересует лингвистический подход к пониманию этого сложного явления.

1. Одним из первых частных подходов к пониманию речевого жанра в лингвистике считается **речеактовый подход**¹, в контексте которого речевой жанр определяется как акт производства и произнесения высказывания. Поскольку речь идет о текстовой единице, изучается цель, типовые условия ситуационного общения. В построении дискурса и речевого акта, и речевого жанра играют важнейшую роль: начинается коммуникация с действия, которое в совокупности с другими действиями, выражая иллокутивную цель, создает необходимый текст, репрезентирующий интенции Говорящего.

2. **Подход М. М. Бахтина** выделяется как особый подход к изучению речевых жанров. Согласно М. М. Бахтину, человеческая речь в типичных ситуациях отливаётся в готовые формы речевых жанров, которые «даны нам почти так же, как родной язык»². Богатство и разнообразие речевых жанров неисчерпаемо. Речевой жанр, по М. М. Бахтину, – это «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний»³. С классической точки зрения М. М. Бахтина, выделяются **первичные** (простые) и **вторичные** (сложные) **речевые жанры**. К первичным речевым жанрам относится речевое общение, к вторичным – преимущественно письменные произведения. Однако в теории современной электронной коммуникации происходит некоторое переосмысление определений «первичный / вторичный», о чем речь пойдет позже.

3. **Речеведческий подход**, суть которого заключается в рассмотрении жанра как **особой модели высказывания**, позволяющий выявить различные модели речевых жанров и изучить их воплощения в различных речевых ситуациях, представляет для нас особый интерес в связи с основной целью нашего исследования. Так рассматри-

¹ Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. № 17. С. 170–194.

² Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Русское слово, 1997–2012. Т. 5. 1996. С. 181.

³ Там же. С. 160.

вает речевой жанр лингвист Т. В. Шмелева и предлагает объемную модель речевого акта из семи параметров, широко известную в лингвистическом сообществе.

Кроме данных общеизвестных базовых подходов к изучению речевых жанров, актуализированы новые подходы, характеризующие развитие теории речевых жанров.

4. Лингвисты выделяют **текстоцентрический подход** в изучении речевого жанра, для которого характерно рассмотрение текста как целостного завершенного объекта исследования, как уникального речевого произведения¹. Акцент делается на анализе **литературно-художественных текстов как вторичных сложных жанров**, к числу которых относится и интересующий нас жанр романа как текст-донор для фанфика.

5. Обращаем внимание и на актуализированный в современной лингвистике **лингвокогнитивный подход**, в котором речевой жанр рассматривается в качестве **коммуникативного концепта**. Доказывается, что **лингвокультурные событийные концепты** моделируются в виде динамического фрейма-сценария определенной ситуации и соответствуют определенному **речевому жанру / речевому акту**².

Существующие классификации виртуальных речевых жанров электронной коммуникации, среди которых жанру фанфикшн отводят минимальное внимание из-за новизны феномена, детально не рассматриваются в данной работе.

Следует отметить, что специалисты, занимающиеся анализом речевых жанров сетевой коммуникации, считают необходимым обозначить критерии, с помощью которых можно классифицировать их в контексте системных отношений. Одним из таких критериев выступает выделение четырех типов базовой вариативности речевых жанров: вариативность как результат производности, вариативность как различные реализации инварианта, вариативность языкового воплощения речевого жанра и вариативность жанровой интерпретации высказывания / текста адресатом³. Данную классификацию мы попытаемся применить к проблематике дискурсивного речевого жанра фанфикшн.

По определению В. В. Дементьева, в рамках лингвопрагматики речевой жанр рассматривается в качестве интерактивной модели, которая является составляющей дискурса. Данный жанр определяется автором как «диалогическое явление, как модель инвариантно-вариативного типа и изучается через призму синтагматических и парадигматических отношений»⁴. Точка зрения авторитетного ученого В. В. Дементьева позволяет нам обратиться в контексте лингвопрагматики к созданию модели дискурсивного речевого жанра фанфикшн, бытующего в интернет-дискурсе как особой коммуникативной среде.

Прежде всего для понимания составляющих предлагаемой нами модели необхо-

¹ Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 462 с.

² Шевченко И. С. Концепт коммуникативного поведения и жанр // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 23–29. EDN: UAWIAJ; Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.

³ Кантурова М. А., Стексова Т. И. Производность и вариативность речевых жанров. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2019. С. 2.

⁴ Дементьев В. В. Теория речевых жанров. Москва: Знак, 2010. С. 51.

димо разобраться в специфике основного объекта речевого жанра – создаваемого с его помощью текста. Как показывает исследуемый нами материал, в образовании жанра фанфикшн особую роль играет **первичный текст-донор (источник)**.

В нашем понимании первичные тексты – это оригинальные сочинения, написанные в художественном стиле. Вторичный текст – это представленный в языковой форме результат восприятия одного или нескольких первичных художественных текстов. Вторичные тексты создаются на основе других текстов и отражают умение автора воспринимать чужой текст и сжимать (компрессировать) его. Первичный текст всегда «самостоятелен и самодостаточен, в то время как текст вторичный создается на его основе и не может существовать без своего оригинала»¹.

Жанр фанфикшн как вторичный жанр не может существовать без первоисточника. В интернет-среде первичный текст, на котором основывается любой фанфик, имеет название «канон» (текст-первоисточник). Исследователь Н. В. Уканакова отмечает, что оригинальный текст первоначально отражается в сознании читателя как проекция, а затем преобразуется в «текст-продукт» (фанфик). Выстраиваясь из материала первоисточника, тексты-продукты прямо заимствуют из него персонажей, ситуационный контекст, стилистические элементы, что позволяет отнести их к вторичным текстам.

Рассмотрим соотношение первичного текста-донора и вторичного текста фанфика с учетом нашего материала исследования. **Первичная сфера** функционирования текста-донора есть сфера **художественного дискурса** (роман, повесть – жанры классической литературы). Соответственно, как уже отмечалось выше, при определении выбора материала, наши первичные тексты-доноры – это серьезные классические романы XIX–XX вв., чьи содержательные основания позволяют создать авторам сетевой литературы вторичные тексты-фанфики. Благодаря пользователям интернет-пространства, читателям, знакомым с конкретным романом (романами), использующим вторичный жанр классической литературы, формируется новый дискурсивный речевой жанр фанфикшн.

Лингвист М. В. Вербицкая, характеризуя вторичный текст, обращает внимание на такой его важный компонент, как **семиотическая основа**. Речь идет **об особом коде**, который заложен в тексте-источнике, чьи семиотические релевантные черты выявляются при создании вторичных текстов. Автору (в частности, создателю фанфикшн) невозможно создать, читателю (любителю интернет-литературы) невозможно понять вторичный текст, не зная этого семиотического кода.

Обращаемся к решению основной задачи данной работы – обоснованию представления речевого жанра фанфикшн как родового и видового понятия в контексте интернет-дискурса, называя конститутивные и конструктивные признаки речевого жанра фанфикшн.

С нашей точки зрения, обоснование дискурсивного речевого жанра фанфикшн обусловлено и его положением в родо-видовой классификации жанров интернета с учетом вариативности способов его выражения и функционирования в структуре

¹ Дымант Ю. А. Соотношение первичности и вторичности в произведениях В. В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: [б. и.], 2017. С. 23.

сетевого интернет-дискурса. Во-первых, жанр фанфикшн есть видовой жанр в структуре сетевого интернет-дискурса, поскольку его можно соотнести с другими видовыми представителями жанров интернета: фанфикшн и блог; фанфикшн и чат; фанфикшн и форум, фанфикшн и игра и т. д. Во-вторых, жанр фанфикшн есть родовой жанр в структуре сетевого интернет-дискурса, поскольку его можно соотнести с поджанрами разной направленности, в частности, приключенческими, детективными, романтическими, юмористическими, а также экшеном и т. д.

Обращаемся к конститутивным признакам данного жанра, учитывая следующие параметры: 1) базовые категории, на основе которых создается жанр фанфикшн (категория вторичности, категория сходства / различия, категория диалогичности); 2) семиотический код жанра с его прагматической составляющей как показатель феномена коммуникации: происходит расширение границ текста-донора (источника) с разных позиций, а заимствованный стиль продукта-вторичного текста формируется по отношению к тексту-донору.

Категория диалогичности актуализируется во время формирования речевого жанра фанфикшн, на основе которого создается вторичный текст-фанфик. Вероятно, такой диалог можно обозначить как диалог-игра¹, поскольку вторичный текст-фанфик, заимствуя элементы первичного текста, переосмысливает их, интерпретирует по-новому, помещает персонажей в абсолютно другую среду, где герой в свою очередь приобретает совершенно иные черты, совершает не свойственные ему поступки. В интернет-коммуникации категория диалогичности получает яркое воплощение в отдельных жанрах (чат, форум, интернет-конференция, фанфикшн и др.). Особенность диалогичности авторов фанфиков с авторами романов характеризуется односторонностью, поскольку авторы романов (адресанты) не предполагали подобного способа диалога с адресатами из XXI века. Диалогичность жанров романа и жанра фанфикшн определяется межжанровыми связями паратекстуальности и интертекстуальности. Данная диалогичность, вероятно, преимущественно модальная, но не информативная. Исследователи утверждают, что «платформы социальных сетей обладают значительным потенциалом для установления диалоговой коммуникации между брендами и их целевой аудиторией»².

Диалог как востребованная форма общения позволяет создавать любопытные вторичные тексты на базе текстов-доноров.

Категория сходства / различия рассматривается исследователями как основная категория вторичных текстов, соответственно, напрямую связана с категорией вторичности. Сходства жанров могут заключаться в том, что они объединяют произведения общими признаками, такими как объем, содержание, форма повествования, тематика. Например, все жанры журналистики имеют свои специфические структурно-семантические признаки: предмет, метод и функцию.

¹ Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория дискурсивной диалогичности как реализация жанрового потенциала романа // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 349–357. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-349-357>; EDN: DCZDVU

² Иссерс О. С., Герасимова А. С. Категория диалогичности в медиажанрах: обзор зарубежных исследований // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия: Языкознание. 2023. Т. 22, № 4. С. 151. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.11>; EDN: CDGDWF

Различия жанров могут быть в стиле повествования, характере персонажей и роли автора в тексте. Так, к жанрам лирики относят оду, стихотворение, элегию, песню, а к жанрам эпоса – рассказ, очерк, письмо, новеллу, повесть, роман. Также некоторые жанры могут находиться на стыке, соединять в себе особенности двух родов. Различия жанров могут быть связаны с индивидуальными особенностями произведений, которые зависят от конкретных авторских целей и места в авторской системе жанров. Например, в рамках одного произведения может сочетаться несколько жанровых форм, и они составляют нерасторжимое единство. Также различия могут касаться и научных концепций, изучающих жанры. Так, теория речевых актов фокусируется на иллокутивной цели единичного высказывания, в то время как в основе теории речевых жанров лежит классификация текста с точки зрения поднятой темы, стиля написания и внутренней композиции.

Категория сходства / различия базируется, с одной стороны, на единстве тем текста романа и текста-фанфика: чаще всего в основе заимствования лежат имена персонажей (имена собственные); с другой стороны, на различиях следующего плана: происходит переосмысление первичного авторского хронотопа, переосмысление характеров, поступков героев классических романов, переосмысление сюжета первичного текста. Для создания вторичного текста эти связи между соотношениями необходимы.

Категория вторичности определяется нами как одна из главных категорий при анализе жанра фанфикшн с учетом его конститутивных признаков. Уникальный опыт классиков становится личным опытом обычных читателей, адаптирующих текст романов в социальном контексте интернет-коммуникации. Соответственно, вторичные тексты-фанфики, опираясь на паратекстуальные и интертекстуальные элементы, создаются с учетом прагматики функционирования, с учетом отсутствия ограничений, свойственных интернет-дискурсу.

Исходя из отмеченного выше, **категория диалогичности** лежит в основе изменения речевых жанров в связи с расширением сферы интернет-коммуникации.

Остановимся далее на специфике **семиотического кода жанра** с его **прагматической** составляющей как показателя **феномена коммуникации**.

Классический роман имеет авторский семиотический код, который может пониматься как знаковая авторская идея, собственный замысел, обладающий индивидуально-авторской трактовкой, приводящий в движение все повествование с учетом хронотопа, персонажей, образа автора и т. д. Использование первичного жанра романа, на основе которого создается текст-продукт, во вторичном речевом жанре фанфикшн формирует совершенно иной семиотический код, в котором уровень прагматики превалирует, а создаваемый на основе заимствования семантики и синтактики вторичный текст теряет свою самостоятельность.

С нашей точки зрения, прагматический аспект образования нового речевого жанра в любом случае базируется на восприятии адресатом сетевой коммуникации семиотического кода исходного, первичного жанра.

Конститутивные признаки речевого жанра фанфикшн определяются по большому счету спецификой речевой коммуникации, в которой функционирует созданный на

его основе вторичный текст, включающей, помимо устной и письменной, сетевую ее разновидность.

Обозначив конститутивные признаки речевого жанра фанфикшн, переходим к анализу его **конструктивных** признаков. Прежде всего **конструктивные** признаки данного жанра основываются на **компоненте интерпретации** текста базового жанра романа и могут быть рассмотрены с учетом внешнего и внутреннего аспектов. Специфика вторичного речевого жанра фанфикшн определяется результатом осмысления адресатом содержания первичного жанра романа для создания его собственного описания в качестве разработки какой-либо базовой темы. Адресат (создатель фанфика) осмысливает текст адресанта (создателя романа) и создает интерпретационное продолжение искомого текста, приобретая также функцию адресанта.

Таким образом, внешний аспект анализа речевого жанра понимается нами как рассмотрение следующих соотношений: **автор** первичного **жанра романа**, создатель первичного текста романа – **читатель** первичного текста **романа** – **автор** вторичного **жанра фанфикшн**, создатель вторичного текста **фанфика**.

Внутренний аспект речевого жанра предполагает авторское наполнение вторичного текста фанфика смысловыми единицами интерпретации, на основе которых создается **фрейм-сценарий** нового текста. Содержание классического романа, признанного в мировой культуре, представляет собой закрепленный в сознании адресатов первичный фрейм-сценарий описания, повествования и действий его главных персонажей, имена которых приобретают в социуме статус **лингвокультурных коммуникативных концептов**.

Понятие коммуникативного концепта достаточно давно сформулировано лингвистами, суть значения заключается в том, что он может быть отнесен к разряду коммуникативных при соблюдении двух условий: «дискурсивное выражение концепта должно осуществляться в виде речевого действия (речевого жанра), а языковое обозначение концепта должно соответствовать имени данного речевого действия (речевого жанра)»¹. Концепт становится источником для использования в процессе коммуникации². С нашей точки зрения, при конкретном речевом употреблении в качестве коммуникативного концепта могут выступать отдельные реалии из текста-донора для создания текста-фанфика. Когнитивная обработка информации происходит в процессе восприятия текста-донора и переосмысления его реалий.

Мы понимаем коммуникативный концепт не только как **концепт коммуникативного поведения**³, но и как конкретизированный речевой ситуацией **концепт, выраженный обозначениями конкретных реалий** (предметов, признаков, действий), в ситуации речевого общения при формировании вторичного дискурсивного речевого жанра. Коммуникация – это не только КАК осуществляется процесс, но и

¹ Левина О. М. Структура «Совета» как коммуникативной категории в рамках языкового сознания // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2013. Т. 15, № 2-1. С. 206. EDN: QYPFBX

² Беловольская Л. А. К вопросу о выделении и исследовании коммуникативных концептов // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2006. № 2. С. 51–55.

³ Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. 183 с.

ЧТО является ядром речевого действия. Воздействие на читателя-адресата классической художественной литературы достаточно сильно при особом проникновении в содержательную структуру текста и в сочетании с возможностью публично сообщить об этом какому-либо сообществу фанатов позволяет формировать вторичный вербализованный текст.

Прежде всего функцию коммуникативного концепта начинают выполнять **имена собственные** главных **персонажей** классических романов, чьи виртуальные судьбы интересуют читателя-адресата и побуждают его к желанию «перенести» бытование героев в XXI век, «дописав» и переосмыслив **сюжетные линии, характеры и поступки героев** с учетом читательского восприятия и представления. Кроме того, функции коммуникативного концепта обнаруживаются и в переосмыслении первичного **авторского хронотопа** (времени-пространства) при создании нового фрейм-сценария текста-фанфика XXI века, в котором возможны иные способы восприятия этого феномена. В контексте данных процессов особую роль начинает играть **категория интенциональности**, поскольку намерение адресанта фанфика обусловлено его интересом к формированию нового хронотопа, в котором действуют персонажи романа, и «продолжению судеб» главных героев. Именно благодаря интенции адресанта-читателя, намерения и цели, тексты фанфиков формируются в структуре нового дискурсивного жанра.

Обобщая, делаем вывод о том, что наличие двух типов признаков позволяет нам считать, что речевой жанр фанфикшн приобретает дискурсивный статус в сетевой литературе и, соответственно, на его основе формируется вторичный текст-фанфик.

Представление данного речевого жанра интернет-дискурса считалось бы неполным, если бы мы не остановились на самом главном – тексте-продукте, который создается на его основе. Жанр романа формирует объемный, в основном прозаический художественный текст, который на основе выбора адреса читателя создается текстом-донором в сетевой структуре. Классический текст романа характеризуется многоаспектностью: 1) рассматривается как *первичный текст* по отношению к образующимся на его основе вторичным текстам; 2) имеет независимый семиотический авторский код; 3) понимается как многолинейное повествование; 3) выявляется разветвленный сюжет, раскрывающий судьбы нескольких действующих лиц, персонажей; 4) *предполагает диалогичность при конкретной реализации в дискурсивном пространстве* и другие качества.

Таким образом, мы определяем **речевой жанр фанфикшн** как дискурсивный семиотический знак с актуализацией прагматической составляющей, характеризующийся вторичностью, на базе которого создается продукт – текст-фанфик.

Выводы

Проведя исследование одного из жанров интернет-дискурса, образовавшегося достаточно недавно в сетевой литературе, констатируем, что модель дискурсивного речевого жанра фанфикшн состоит из некоторых этапов его представления:

- а) родового и видового понятия данного жанра по отношению к другим речевым жанрам интернет-дискурса с обозначением его места в сетевой литературе;
- б) понятия, характеризующегося конститутивными признаками, позволяющими

назвать жанр самостоятельным явлением, основанным на категории вторичности, категории сходства / различия, категории диалогичности;

в) понятия, характеризующегося конструктивными признаками, позволяющими называть жанр дискурсивным, при создании текста-фанфика (вторичного продукта), который основан на компоненте интерпретации текста романа-донора, а также на актуализации категории интенциональности при выборе адресатом-читателем (новым адресантом) способа интерпретации текста первичного жанра.

Дискурсивный речевой жанр фанфикшн, на основе которого создается *вторичный* текст-фанфик, есть некий феномен сетевой коммуникации с *вторичным семиотическим кодом*, с превалирующей *прагматикой*, которая заимствуется из текста-источника и переосмысливается в реалиях XXI века, возможно, с определенными эстетическими компонентами; это *интенциональный* феномен, создаваемый обычными адресатами-читателями, желающими создать некую стилизацию, вариацию – любительскую литературу.

Список литературы / References

Ахренова Н. А. Основные способы классификации жанров интернет-дискурса. *Вестник Чувашского государственного университета им. И. Я. Яковлева*, 2009, № 9, с. 166–174.

Akhrenova N. A. Classification of Internet genres. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2009, no. 9, pp. 166–174. (In Russ.)

Бабенко Л. Г. *Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа*. Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 462 с.

Babenko L. G. *Philological text analysis. Fundamentals of theory, principles and aspects of analysis*. Moscow: Akademicheskii proekt; Ekaterinburg: Delovaia kniga, 2004. 462 p. (In Russ.)

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. *Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т.* Москва: Русское слово, 1997–2012, т. 5, 1996, с. 159–206.

Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Collected Works: in 7 vol.* Moscow: Russkoe slovo, 1997–2012, vol. 5, 1996, pp. 159–206. (In Russ.)

Беловольская Л. А. К вопросу о выделении и исследовании коммуникативных концептов. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, 2006, № 2, с. 51–55.

Belovolskaia L. A. To the issue of identification and study of communicative concepts. *Bulletin of Taganrog Institute of Management and Economics*, 2006, no. 2, pp. 51–55. (In Russ.)

Бирюкова Е. А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности. *Язык. Словесность. Культура*, 2014, № 6, с. 75–98. EDN: TOEBUB

Biriukova E. A. Internet communication as a means of cross-cultural communication: genre and language features. *Language. Philology. Culture*, 2014, no. 6, pp. 75–98. (In Russ.) EDN: TOEBUB

Вербицкая М. В. *Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): дис. ... д-ра филол. наук*. Москва: [б. и.], 2000. 312 с.

Verbitskaia M. V. *Theory of secondary texts (based on modern English language): Dr thesis in Philological Sciences*. Moscow, 2000. 312 p. (In Russ.)

Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике. *Вопросы языкознания*, 1997, № 1, с. 109–121. EDN: YTPINY

Dementiev V. V. The study of speech genres. A survey of works in contemporary Russian studies. *Topics in the study of language*, 1997, no. 1, pp. 109–121. (In Russ.) EDN: YTPINY

Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров. *Жанры речи*, 2015, № 2 (12), с. 9–26.

Dementiev V. V. Intertextual aspect of speech genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 9–26. (In Russ.)

Дементьев В. В. *Теория речевых жанров*. Москва: Знак, 2010. 594 с.

Dementiev V. V. *Theory of speech genre*. Moscow: Znak, 2010. 594 p. (In Russ.)

Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? *Жанры речи*, 2020, № 3 (27), с. 172–194.

Dementiev V. V. What have genre studies given to modern linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194. (In Russ.)

Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория дискурсивной диалогичности как реализация жанрового потенциала романа. *Жанры речи*, 2023, т. 18, № 4 (40), с. 349–357. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-349-357>; EDN: DCZDVU

Dziuba E. V., Riabova I. Yu. The category of dialogicality as realization of novel genre potential. *Speech genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 349–357. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-349-357>; EDN: DCZDVU

Дымант Ю. А. *Соотношение первичности и вторичности в произведениях В. В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук*. Воронеж: [б. и.], 2017. 243 с.

Dumant Yu. A. *Correlation of primary and secondary in the texts of V. V. Nabokov's works Cand. thesis in Philological Sciences*. Voronezh, 2017. 243 p. (In Russ.)

Иванов Л. Ю. *Язык Интернета: заметки лингвиста*. 2000. URL: <https://knigogid.ru/books/1789475-yazyk-interneta-zametki-lingvista/toread> (дата обращения: 07.03.2025).

Ivanov L. Yu. *Internet language: linguist's notes*. 2000. (In Russ.) Available at: <https://knigogid.ru/books/1789475-yazyk-interneta-zametki-lingvista/toread> (accessed: 07.03.2025).

Иссерс О. С., Герасимова А. С. Категория диалогичности в медиажанрах: обзор зарубежных исследований. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание*, 2023, т. 22, № 4, с. 148–157. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.11>; EDN: CDGDWF

Issers O. S., Gerasimova A. S. Dialogue category in media genres: review of the foreign studies. *Science Journal of Volgograd State University. Series: Linguistics*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 148–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.11>; EDN: CDGDWF

Кантурова М. А., Стексова Т. И. *Производность и вариативность речевых жанров*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2019. 128 с.

Kanturova M. A., Steksova T. I. *Derivativeness and variability of speech genres*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2019. 128 p. (In Russ.)

Левина О. М. Структура «Совета» как коммуникативной категории в рамках языкового сознания. *Известия Самарского научного центра Российской Академии наук*, 2013, № 2-1, с. 205–210.

Levina O. M. Structure of “advice” as a communicative category in the course of linguistic consciousness. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2013, no. 2-1, pp. 205–210. (In Russ.)

Рогачева Н. Б. Типы вторичных речевых жанров в интернет-коммуникации. *Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2011, т. 11, № 2, с. 34–39.

Rogacheva N. B. Types of secondary speech genres in Internet communication. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2011, vol. 11, no. 2, pp. 34–39. (In Russ.)

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов. *Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов*, 1986, № 17, с. 170–194.

Searle J. R. A classification of illocutionary acts. *New in foreign linguistics. Theory of speech acts*, 1986, no. 17, pp. 170–194. (In Russ.)

Сидорова М. Ю. *Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение*. Москва: 1989ru, 2006. 190 с.

Sidorova M. Yu. *Internet-linguistics: The Russian language. Interpersonal communication*. Moscow: 1989ru, 2006. 190 p. (In Russ.)

Сиротинина О. Б. и др. Тексты, текстониды, дискурсы в зоне разговорной речи. *Человек – текст – культура*. Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994, с. 105–124.

Sirotnina O. B. Texts, textoids, discourses in the field of informal speech. *Person – text – culture*. Ekaterinburg: Institut razvitiia regional'nogo obrazovaniia, 1994, pp. 105–124. (In Russ.)

Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. *Очерк английского коммуникативного поведения*. Воронеж: Истоки, 2003. 183 с.

Sternin I. A., Larina T. V., Sternina M. A. *An essay on English communicative behavior*. Voronezh: Istoki, 2003. 183 p. (In Russ.)

Уканакова Н. В. *Особенности когнитивного механизма формирования проекции текстов различной материальной представленности (на материале фанфикшн-текстов): дис. ... канд. филол. наук*. Кемерово: [б. и.], 2014. 252 с.

Ukanakova N. V. *Cognitive mechanism features of projection formation for different texts (based on fanfiction texts): Cand. thesis in Philological Sciences*. Kemerovo, 2014. 252 p. (In Russ.)

Федорчук М. А. *Специфика текстопорождения в фанфикшн (на материале русскоязычных фандомов): дис. ... канд. филол. наук*. Орел: [б. и.], 2017. 252 с.

Fedorchuk M. A. *Text generation specificity in fanfiction (based on Russian-speaking fandoms): Cand. thesis in Philological Sciences*. Orel, 2017. 252 p. (In Russ.)

Шатрова Е. Д. К проблеме определения жанров произведений фанфикшн. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2017, № 1 (201), с. 41–48.

Shatrova E. D. On the problem of defining fanfiction genres. *Bulletin of Orenburg State University*, 2017, no. 1 (201), pp. 41–48. (In Russ.)

Шевченко И. С. Концепт коммуникативного поведения и жанр. *Жанры речи*, 2015, № 1 (11), с. 23–29. EDN: UAWIAJ

Shevchenko I. S. Concept of communicative behavior and genre. *Speech genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 23–29. (In Russ.) EDN: UAWIAJ

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра. *Жанры речи*, 1997, № 1, с. 88–98. EDN: VLXZCJ
Shmeleva T. V. Speech genre model. *Speech genres*, 1997, no. 1, pp. 88–98. (In Russ.)
EDN: VLXZCJ

Щипицина Л. Ю. *Компьютерно-опосредованная коммуникация или электронный дискурс? К определению основного понятия в лингвистическом изучении Интернета: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Воронеж: [б. и.], 2011. 41 с.

Shchipsina L. Yu. *Computer-mediated communication or electronic discourse? Toward the definition of the main concept in the Internet linguistic study: Abstract Cand. Thesis in Philological Sciences*. Voronezh, 2011. 41 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Светлана Юрьевна Лаврова – доктор филологических наук; <https://orcid.org/0000-0003-3228-3463>, svella1012@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Svetlana Yu. Lavrova** – Doctor of Philological Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-3228-3463>, svella1012@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Анастасия Валентиновна Тимина – аспирант; timina.anasteisha@yandex.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Anastasiya V. Timina** – Postgraduate Student, timina.anasteisha@yandex.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 26.05.2025.

The article was submitted 31.03.2025; Approved after reviewing 12.05.2025; Accepted for publication 26.05.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 56–67.
Cherovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 56–67.

Научная статья

УДК 811. 161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-5>

<https://elibrary.ru/bevxlk>

**Язык Петровской эпохи: фразеологические сочетания,
содержащие названия временных единиц**

Анна Юрьевна Лемак

Вологодский государственный университет,

Вологда, Россия

LemakAnna2016@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5769-291X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования фразеологических сочетаний, содержащих названия временных единиц, в языке Петровской эпохи (1690–1725 гг.). В период правления Петра I были заложены основы для становления норм русского литературного языка и его лексической системы. На это повлияли изменения, наметившиеся в экономической, политической и социальной жизни страны. Утверждение Российского государства способствовало появлению соответствующих государственных праздников – коронации, именин царя, дней великих побед. При этом в памятниках письменности сохраняется ориентир как на народные (языческие), так и на церковные представления о времени. Великими церковными праздниками в Петровскую эпоху становятся Пасха и Троица; также в календаре отводится время для подготовки к Великому посту; отражены названия шестой и седьмой недель Великого поста; названия дней Фоминой недели и дни памяти святых.

Ключевые слова: Петровская эпоха, «Письма и бумаги императора Петра Великого», время, темпоральная лексика, фразеологические сочетания

Благодарность. Статья выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Г. В. Судакова.

Для цитирования: Лемак А. Ю. Язык Петровской эпохи: фразеологические сочетания, содержащие названия временных единиц // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 56–67. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-5>; EDN: BEVXLK

**The language of the Peter's era: phraseological combinations
containing nominations of time units**

Anna Yu. Lemak

Vologda State University,

Vologda, Russia

LemakAnna2016@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5769-291X>

Abstract. The article examines the features of the phraseological combinations containing the nominations of time units in the language of the Peter the Great era (1690–1725). During the reign of

Peter the Great, the foundations were laid for the establishment of the norms in the Russian literary language and its lexical system. This was influenced by the changes that emerged in the economic, political and social life of the country thanks to the activities of Emperor Peter I. The establishment of the Russian state contributed to the emergence of appropriate state holidays – coronation, tsar's name days, days of great victories. At the same time, written monuments retain a focus on folk (pagan) and church ideas about time. The great holidays of the church calendar in the Peter the Great era are Easter and Trinity; the calendar also allocates time for preparation for Lent; reflects the names of the sixth and seventh weeks of Lent; the nominations for the days of St Thomas Week, as well as day nominations for the commemoration of the saints.

Keywords: Peter's era, papers of Emperor Peter the Great, time, temporal vocabulary, phraseological combinations

Acknowledgments. The article was written under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor G. V. Sudakov.

For citation: Lemak A. Yu. The language of the Peter's era: phraseological combinations containing nominations of time units. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 56–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-5>; EDN: BEVXLK

Введение

Петровская эпоха (1690–1725 гг.) – время реформ, преобразований и перемен. Именно в этот период были заложены основы для становления норм русского литературного языка и его лексической системы. На это повлияли изменения, наметившиеся в экономической, политической и социальной жизни страны благодаря деятельности императора Петра I.

Годовой круг в допетровскую эпоху измерялся прежде всего сменой времен года и связанной с этим последовательностью сельскохозяйственных работ, которая, в свою очередь, ориентировалась на явления природы; с принятием христианства в календаре появились праздники, на которые также начали ориентироваться: «Календарь народный – исторически сложившаяся система членения, счета и регламентации годового времени, организующая обрядовый цикл (календарные обряды), хозяйственную и бытовую практику, в значительной мере также и верование и бытование фольклора»¹. Все это отражено в памятниках письменности начала XVIII века.

Актуальность данного исследования вызвана необходимостью доказать, что Петровская эпоха – переходный период, в течение которого происходили изменения в лексической системе языка: церковный календарь сохраняется, однако отодвигается на второй план, а на первый план, в связи с необходимостью государственных преобразований, выходит календарь светский.

Исследования ученых посвящены определению места в календаре праздников и памятных дней, отмечаемых русским народом²; рассмотрению лексем и устойчивых сочетаний для обозначения обрядового времени³; рассмотрению характерных для

¹ Грищенко В. В. Календарь и трудовая деятельность человека // Аналитика культурологии. 2009. № 1 (13). С. 227.

² Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. Москва: ЭКСМО, 2008. 239 с.

³ Никифорова О. В. Лексико-фразеологическое поле «Обрядовое время» в Нижегородских говорах // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. Ч. 4, № 9 (51). С. 157–159. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.51.155>

народного календаря отдельных дней и недель¹; особенностей церковно-славянского месецеслова летописей²; истории формирования русской праздничной культуры³.

Цель данного исследования – изучение особенностей функционирования фразеологических сочетаний, содержащих названия временных единиц, в языке Петровской эпохи.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) провести выборку выражений, встречающихся в памятниках письменности начала XVIII века, в состав которых входят временные единицы;
- 2) соотнести данные выражения с церковным и народным календарем;
- 3) выявить особенности употребления фразеологических сочетаний, содержащих временные единицы, в языке Петровской эпохи.

В качестве основного источника фактического материала использовалось много-томное издание «Письма и бумаги императора Петра Великого» (далее – ПБП), «Письма русских государей и других особъ царскаго семейства. Переписка [Ч.] 1: Переписка императора Петра I съ государынею Екатериною Алексѣвною» (далее – Псм. П. I и Ек.), в качестве справочников – данные «Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Словаря русского языка XVIII века».

Основная часть

В календаре Петровской эпохи можно выделить несколько важных периодов, «точек отчета», которые были важны для людей начала XVIII века: главные церковные праздники; время подготовки к Великому посту; Великий пост; Фомина неделя; дни памяти святых.

Наиболее важное значение в указанный период имели выражения, обозначающие одни из главных церковных праздников, – Рождество Христово, Пасху и Троицу. По церковным представлениям, эти праздники «отличаются от будней запретом на все или некоторые виды работ, который вступает в силу накануне праздника, после захода солнца»⁴.

В памятниках письменности отражены следующие названия Пасхи, в состав которых входят временные единицы:

¹ Панина Ж. А. Значимые недели в традиционной народной культуре Русского Севера (на материале архангельских говоров) // Славянский мир: общность и многообразие: тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры (г. Москва, 22–23 мая 2018 г.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 236–240. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2018.2.6.2>

² Иванова Н. П. Церковный календарь-месецеслов как исторический источник // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 3 (7). С. 22–26. EDN: TPTMVD

³ Козина Т. Н., Ларюшкина Н. В. История формирования русской праздничной культуры // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. № 4 (20). С. 12–15. EDN: YUPEQV

⁴ Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под редакцией В. Я. Петрухина и др. Москва: Эллис Лак, 1995. С. 323.

- **праздникъ Свѣтлого Христова Воскресенья**: <Мы надеемся к празднику Светлова Воскресения быть в Санкт-Питербурх> (ПБП, 13, вып. 1, с. 93)¹; <А царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ побить челомъ, чтобъ въ монастырь не изволила ходить, кромѣ Свѣтлова Воскресенія ... или занемошуетъ> (ПБП, т. 1, с. 269);
- **свѣтлая, святая неделя**: <сия почта на Свѣтлой недели дойдетъ къ вамъ> (ПБП, т. 1, с. 144); <Також и московским 4-м полкам, чаю, быть ли к святой и на святой неделях> (ПБП, т. 10, с. 84);
- **в самый день Свѣтлова Воскресенья**: <карабль Оутъ Екатбомъ, строенье Козенца, спустили в самый день Свѣтлова Воскресенья> (ПБП, т. 3, с. 323);
- **въ день Воскресенія Христова**: <въ 19 числѣ, то есть въ день Воскресенія Христова, часу въ другомъ дни, Азовскіе сидѣльцы боярину нашему и большаго полку воеводѣ Алексѣю Семеновичю Шеину городъ Азовъ... отдали> (ПБП, т. 1, с. 94); <Поздравляю вам и всем, при час будучим, высоким и нижним чинам, днем Воскресенія Христова, желая, да сподобит нас господь Бог слышать от вас подобная сему празднику, иже есть победа смерти> (ПБП, т. 13, вып. 1, с. 121);
- **въ самый день Пасхи, къ дню Пасхи**: <жили за рѣкою, которая вскрылась въ самый день Пасхи> (ПБП, т. 1, с. 145); <чѣтобъ конечно были къ дню Пасхи, потому чѣто въ тѣ дни у насъ ништо ничево не дѣлаеть> (ПБП, т. 1, с. 353);
- выражение **Велик день – ‘Пасха’** : <Дорого яичко к велику дни> (СРЯ XVIII)².

Так, в начале XVIII века Пасха, а также праздники Пасхальной недели традиционно сопровождалась народными гуляньями: «В Пасхальную неделю нельзя было посещать кладбище и работать»³. В Петровскую эпоху пасхальные торжества сохраняются, проводится пасхальная служба, запрещается работать. Император Петр I и сам верен традициям: он стремится отложить государственные дела и провести это время дома с родными и близкими.

Важное значение в календаре начала XVIII века имеет Троица – один из важнейших православных праздников, отмечаемый в пятидесятый день после Пасхи. В памятниках письменности указанного периода Троица имеет следующие названия:

- **Троицынъ день**: <Два малые фрегата спущены въ Троицынъ день, и пойдуть скоро на море> (ПБП, т. 1, с. 65);
- **неделя пятидесятницы**: <В 16 день Маия (в недѣлю пятидесятницы) крѣпость заложена и именована Санктпетербург> (СРЯ XVIII).

Таким образом, помимо следования традициям (соблюдение поминальных обычаев, проведение церковных служб, запрет на все виды работ), к празднику Троицы

¹ Здесь и далее в скобках указывается номер тома, выпуска, страницы источника: Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т. Санкт-Петербург-Москва: Государственная типография, 1887–2003.

² Здесь и далее в скобках указывается источник: Словарь русского языка XVIII века. Ленинград: Наука, 1984. URL: // <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 10.09.2024).

³ Панина Ж. А. Значимые недели в традиционной народной культуре Русского Севера (на материале архангельских говоров) // Славянский мир: общность и многообразие: тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры (г. Москва, 22–23 мая 2018 г.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 240. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2018.2.6.2>

приурочивали и важные для государства события: так, именно в неделю пятидесятницы была заложена крепость Санкт-Петербург.

Выражение **Новый год** в Петровскую эпоху приобретает новое значение – ‘Первый день января’ – и обозначает начало нового календарного года (СРЯ XVIII): <По окончании ж сего 1699 года определено торжество **новаго года** Генваря с 1 числа, а прежде Сентября с 1 числа отставлено> (СРЯ XVIII); <Поздравляю Вашей Милости и всѣхъ там обрѣтающихся **новым годом**> (СРЯ XVIII). Подобные перемены в народе были приняты не сразу: с принятием христианства новый календарный год начинался 1 марта и обозначал начало весеннего солнечного цикла, а значит обещал богатый урожай. С 1492 года датой начала года закрепили 1 сентября. Становление российской государственности вызвало обновление праздничной культуры, процесс подготовки к празднику был впервые регламентирован Петром I: <По приказу монарха с 1700 года летоисчисление стали вести от Рождества Христова, отменив прежнее – от дня сотворения мира. Им были установлены выходные дни, новые праздничные ритуалы (парады, фейерверки, торжественные въезды). В приказном порядке были введены атрибуты празднования Нового года – в частности, украшение улиц и придомовых территорий именитых людей еловыми, сосновыми, можжевеловыми ветками и деревьями¹.

По-особому в Петровскую эпоху называли время подготовки к Великому посту:

– **сыроястная недѣля** употреблялось в значении ‘масленица (последняя неделя перед Великим постом)’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 29, с. 148)², обозначающем великий праздник, завершающий зимний цикл гуляний: <Быв аз у твоего... бл̄городя **о сыроясной недѣли** в среду> (СлРЯ XI–XVII, вып. 29, с. 148);

– **праздникомъ русского воскресенья** называли последний день масленичной недели: <за поздравление праздниками **русского воскресенья** і вашего дражайшаго тезоимянитства нижайше вашей милости благодарствую> (Псм П. I и Ек., с. 165–166); **день русского воскресенья**: <Поздравляю вамъ **симъ торжественным днемъ русского воскресенья**, только сожалью, что розна празнуемъ> (Псм П. I и Ек., с. 71–72); <Мы и **третьяго дня, то есть въ руское воскресенье** здѣсь были довольны. Съ помянутымъ посланнымъ послала я къ вашей милости два плана: одинъ, что было **въ руское воскресенье**> (Псм П. I и Ек., с. 93–94).

Как следует из примеров, в этот день православные по церковной традиции должны были ходить друг в другу в гости, проводить время в кругу семьи.

Традиционно в Петровской России проводили Мясопустную неделю (или неделю о Страшном суде) – период заговенья на мясные продукты, который соблюдали в течение недели или трех дней перед Великим постом. В народном календаре Мясопустная неделя обозначала границу зимы и весны. В памятниках письменности встречается выражение **день судной**: <ізволте распечатавать і дѣлать такъ, какъ вамъ дать отвѣтъ **в день судной**> (ПБП, т. 4, вып. 1, с. 37); <По симъ статьямъ...дѣлать съ

¹ Козина Т. Н., Ларюшкина Н. В. История формирования русской праздничной культуры // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. № 4 (20). С. 13. EDN: YUPEQV

² Здесь и далее в скобках указывается номер тома, выпуска, страницы источника: Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва: Наука, 1975.

такимъ прилежаніемъ и ревностію по обѣщанію своему, какъ имъ о томъ долженствуетъ отвѣтъ **въ день судный**> [ПБП, т. 5, с. 195].

В памятниках письменности начала XVIII века встречаются и выражения, обозначающие наиболее важные периоды Великого поста:

– **На Страстной или шестой [недѣле]**: <чтобъ вамъ къ Москвѣ, и то полагаемъ на ваше разсужденіе, а хотя и быть, чтобъ на **Страстной или шестой** приѣхать> (ПБП, т. 1, с. 22); <Шипор галанской Гильбрант сюды на **страстной неделе** прибыл за галиотом> (ПБП, т. 12, вып. 1, с. 179); <я паки проклятую лихоратку досталь, которой **всю Страшную недѣлю** мучимъ былъ> (ПБП, т. 7, вып. 1, с. 126–127);

– **День святого Лазаря (Лазарева суббота)**: <мы четвертого дни во Върянки въехали со оею компаниею і до заѣтрее побудемъ здѣсь, а завтра поѣдемъ въ Кале, гдѣ і пѣразникъ надѣмся взять. **Въ самы(й) день праздника с. Лазаря**. Пѣвчия приѣхали третьево дни, за что благодарствую> (Псм П. I и Ек., с. 64); <пѣвчия къ вамъ приѣхали **къ празднику святаго Лазаря**, и за отправленіе их изволите благодарствовать, и посему знатно, что изъ оныхъ пѣвчихъ одинъ нужняя другихъ вамъ былъ, которой **къ Лазореву дню** подѣхаль> (Псм П. I и Ек., с. 160–161). В этот день православные вспоминают чудо воскрешения праведного Лазаря, которое было совершено Иисусом Христом в подтверждение грядущего воскресения всех умерших. Этот день особо чтили и в Петровскую эпоху: именно поэтому Петр I просит прислать певчих, чтобы этот день прошел торжественно, с выполнением всех церковных предписаний.

– **Страшная седмица**: <съ собою привезъ лихоратку изъ Полши, хотя и гораздо осматриваль у себя въ саняхъ и платьѣ, ибо **всю Страшную седмицу** мучимъ отъ нее былъ> (ПБП, т. 7, вып. 1, с. 126). В традиции христианской церкви эта неделя предшествовала Пасхе, в течение которой вспоминали Тайную вечерю, предание на суд, распятие и погребение Иисуса Христа. Именно на Страстной неделе совершались основные приготовления к Пасхе.

– **Великий (страстной) четвертъкъ** – «четверг на Страстной неделе перед Пасхой, отмечающий в народном календаре один из этапов перелома, смены сезонов и даже границу календарного года»¹: <В отпискахъ подлинныя вѣраки; приезжать изволь подлинно **къ Великому четвертъку**> (ПБП, т. 1, с. 336). Так, датой встречи в ПБП был выбран Великий четверг, поскольку «считалось, что все, совершенное в Страстной четверг, должно обернуться удачей и прибылью»².

– Выражение **Вербная неделя** – ‘Шестая неделя Великого поста, цветоносная, неделя ваий’ (СРЯ XVIII) – «получила название в честь своего последнего дня – Вербного воскресенья, празднующегося за неделю до Пасхи»³: <Нынѣ, слава Богу,

¹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под редакцией В. Я. Петрухина и др. Москва: Эллис Лак, 1995. С. 367.

² Там же. С. 368.

³ Панина Ж. А. Значимые недели в традиционной народной культуре Русского Севера (на материале архангельских говоров) // Славянский мир: общность и многообразие: тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры (г. Москва, 22–23 мая 2018 г.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 239. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2018.2.6.2>

отъ оной освободился, толко еще **отъ Вербнова воскресенья** и по сей день улицы не знаю; надѣюсь завтра или четвергъ выттить> (ПБП, т. 7, вып. 1, с. 126–127);

– **Неделя Ваий**: <Вышлите сюда..подьякона..да певчих.., и чтоб они могли сюда поспеть **к неделе Ваий**> (ПБП, т. 12, вып. 1, с. 124–125).

Так, из семи недель Великого поста в памятниках письменности отражены обозначения только последних двух недель (шестой и седьмой). Вероятно, для рассматриваемого периода важное значение имели только эти недели, так как именно они «были связаны с наиболее почитаемыми датами церковного календаря»¹.

В памятниках письменности начала XVIII века также отражены фразеологические сочетания, относящиеся к Фоминой неделе, которая в годовом календарном круге следует за пасхальной. Традиционно в обрядности Фоминой недели преобладает поминальная тематика, на это указывают следующие выражения:

– **на Фоминой недѣль, хотя къ концу; в концѣ Фоминой недели**: <извольте ъхать во Псковъ, а къ намъ неотложно извольте быть къ празднику или **на Фоминой недѣль, хотя къ концу**> (ПБП, т. 1, с. 116), <Изволь ваша милость со еъсеми полками быть сюды **в концѣ Фоминой недели** непремѣнно> (ПБП, т. 1, с. 136). Для Петра важно успеть вернуться домой, чтобы почтить память умерших предков, посетив кладбище: «Поминальные обряды Фоминой недели должны были обеспечить умершим достойное их пребывание на земле и благополучное возвращение на тот свет»².

– **Фомин понедѣльникъ**: <А что изволили упомянуть, что вамъ безъ насъ скучно, и тому вѣрю. Однакожь я чаю, что вашей милості не такъ скучно, какъ намъ; ибо вы всегда можете **Фоминъ понедѣльникъ** тамъ сыскать, а намъ здѣсь трудно сыскать, понеже изволите сами знать – какие здѣсь люди упрямые!> (Псм П. I и Ек., с. 160–161). В памятниках письменности Петровской эпохи встречается только выражение **Фомин понедельник**: в этот день церковью установлено поминовение умерших, проведение панихиды и посещение кладбища.

Петр Великий придает большое значение данному календарному периоду и, несмотря на свою занятость, планирует хотя бы в конце Фоминой недели принять участие в традиционных поминальных обрядах.

В календаре важное место занимают дни, обозначающие церковные праздники и дни памяти святых: «Календари народных примет ориентировались на христианские праздники, а святые получали характерные прозвища, как бы сближающие народ и церковный календарь»³.

Почитание святых лежит в основе народного календаря и начала XVIII века. Также особое место в нем занимают христианские праздники:

¹ Панина Ж. А. Значимые недели в традиционной народной культуре Русского Севера (на материале архангельских говоров) // Славянский мир: общность и многообразие: тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры (г. Москва, 22–23 мая 2018 г.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 240. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2018.2.6.2>

² Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под редакцией В. Я. Петрухина и др. Москва: Эллис Лак, 1995. С. 382.

³ Бортникова Т. Г. Праздник как сфера проявления этнического // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2 (036). С. 222.

– **Праздникъ живоносного Христова Воскресения** (29.IV/10.V): <Поздравляю васъ. Батюшка мой, съ наступающимъ **праздникомъ живоносного Христова Воскресения**, желая отъ всего моего вѣрного сердца сей дражайшии праздникъ въ радости вамъ препроводить при такомъ пожеланомъ благополучи!> [Псм П. I и Ек., с. 159];

– **Успенъевъ день** (15.VIII/28.VIII): <чтобъ всѣмъ нѣтчикамъ, которые (не) явились къ смотру вашему съ Борисомъ Петровичемъ, стать здѣсь **въ Успенъевъ день**, подь смертною казнию> (ПБП, т. 1, с. 182); <**в Успенъевъ день** обѣдать у господина Бутурлина отроду впервые> (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 92);

– **День гуляшей**, или называемый по церковным канонам **Здвиженъе и Здвиженская неделя** (14.IX/27.IX): <также заѣтра къ полднямъ приѣжъжай самъ: зело мнѣ нужда видетца с тобою, также і тебѣ здесь нужда посмотреть, а заѣтра **день гуляшей**> (ПБП, т. 1, с. 220–221).

В памятниках письменности Петровского времени отражены дни памяти святых. Это было характерно для древнерусских летописцев, которые отмечали то или иное событие не только указанием месяца и числа, но и давали имя святого, память которого приходилась на этот день: «Это объясняется, видимо, тем, что святцы стали для древнерусских хронографов подходящей основой для применения языческой традиции относительно счета дней»¹:

– **Праздникъ іюня 28 д.** (28.VI/11.VII) – день перенесения мощей святых бессребнников Кира и Иоанна: <А царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ побить челомъ, чтобъ въ монастырь не изволила ходить, кромѣ Свѣтлова Воскресенія да **на праздникъ іюля 28 д.**, или занемощуетъ> (ПБП, т. 1, с. 269);

– **День святого Самсона** (27.VI/10.VII): <поздравляю вам прошедшим торжеством **дня святого Самсона**> (ПБП, т. 12, вып. 1, с. 261);

– **Петровъ день** (29.VI/12.VII): <при чемъ не забыть і пива на(мъ), пришли въ Гдоѡъ **къ Петрову дни**> (ПБП, т. 3, с. 89); <Вода, слава Богу, дѣйствуетъ хорошо, і надѣюсь **въ недѣлю отъ петрова дни** куръ окончать> (Псм П. I и Ек., с. 71–72);

– **День светыхъ апостоль** (29.VI/12.VII): <**На день светыхъ апостоль** была у насъ гостей мужеска і женска пола болше 1000 ч., і были до света> (ПБП, т. 1, с. 263); <**въ день святыхъ апостоль Петра и Павла** изволиль стрѣлять изъ пушекъ и изъ ружья> (ПБП, т. 1, с. 88); <Поздравляю вамъ **съ симъ празникомъ святыхъ апостоль**> (Псм П. I и Ек., с. 93);

– **День святого Андрея** (30.XI/12.XII): <Благодарствую за пѣлатъе, которое обновиль **въ день с. Андрея**> (Псм П. I и Ек., с. 27). По народным представлениям в этот день начинался зимний цикл. В каждый из этих дней устраивались народные гуляния, проводились церковные службы. При этом особую группу составляли фразеологические выражения, которые обозначали важные для государства военные победы:

– используя выражение **тотъ день оной вашей викторіи**, Екатерина Алексеевна поздравляет мужа с победой в Гангутском сражении: <желаю, дабы въ нынѣшнюю

¹ Иванова Н. П. Церковный календарь-месяцеслов как исторический источник // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 3 (7). С. 24.

компанию такое-жъ получить счастье, какъ имѣли **прошлого 1714-го году июля 27 числа**: будучи шоутбейнахтомъ, взяли шоутбейнахта, а нынѣ-бѣ по своему чину привезли къ намъ равночинца виц-адмирала> (Псм П. I и Ек., с. 77–78); <Поздравляю вашу милость **завтрешнимъ днемъ, то есть викторіи въ 714 году полученной**, ибо, по многодарованнымъ побѣдамъ на земли и на море надъ неприятелемъ, толь преславною побѣдою оружие ваше благословиль> (Псм П. I и Ек., с. 107–108);

– используя выражение **симъ счастливымъ днемъ**, Екатерина поздравляет мужа с днем взятия Шлюссельбурга: <Поздравляю вамъ **симъ счастливымъ днемъ**, в которомъ руская нога въ вашихъ земляхъ оуть взяла, і симъ ключемъ много замковъ отперто> (Псм П. I и Ек., с. 85);

– используя выражение **днемъ полтавской баталіи**, Екатерина поздравляет мужа и с победой в Полтавской битве: <поздравляю предъбудущимъ **днемъ полтавской баталіи**, то есть началом нашего спасения, гдѣ довольно было вашего труда> (Псм П. I и Ек., с. 90–91); <поздравляю Ваше Величество **предбудущимъ днемъ ба(по)лтавской баталіи**, то есть началомъ нашего благополучия, гдѣ Ваше Величество довольно труда имѣли> (Псм П. I и Ек., с. 164);

– используя выражение **торжеством нынѣшняго дня въ 704 году, то есть взятиемъ Нарвы**, Екатерина поздравляет Петра I со взятием Нарвы: <поздравляю вашу милость **торжеством нынѣшняго дня въ 704 году, то есть взятиемъ Нарвы**> (Псм П. I и Ек., с. 115).

Интересно, что такие дни в допетровскую эпоху отдельно не праздновались. В Петровскую эпоху эти даты приобрели такое же важное значение, как и церковные праздники, поскольку сопровождались народными гуляниями.

Также в отдельную группу можно выделить поздравления с тезоименитством и днем рождения, адресованные императору и его приближенным:

– **День тезоименитства**: <поздравляю васъ, батюшка мой, **днемъ вашего дражайшаго тезоименитства** і двумя малинками імянинниками: сыномъ і внукомъ, отъ сердца желая Вашему Величеству сіи торжественныя дни въ радости препроводить і впредь многихъ такихъ достигнуть въ добромъ здравіи; а мы надѣмся въ сіи дни, по отданіи достойного Богу благодарения, нарочито веселитца; такмобъ зѣло желали, чтобъ ваше Величество сами къ намъ пожаловали **къ своему тезоименитству**> (Псм П. I и Ек., с. 165); <поздравляю вашей милости **прешедшимъ днемъ тезоименитства** дорогой імянинницы Аннушки, и просимъ вашу милость, дабы поскорай сюда приезжать изволили> (Псм П. I и Ек., с. 152);

– **День рождения**: <напоминаю вамъ, что позавѣтнее **день рождения** внука нашава, въ которой день надлежитъ у нихъ калациумъ здѣлать> (Псм П. I и Ек., с. 85–86); <Поздравляю васъ, батюшка мой, **днемъ вашего дражайшаго рождения**. Дай, Боже! оной день въ радости вамъ препроводить> (Псм П. I и Ек., с. 163); <Будет ли у кого знатнаго свадьба, или **день рождения**> (СРЯ XVIII).

День рождения и день тезоименитства (именины), согласно представлениям того времени, необходимо торжественно отмечать наравне с традиционными церковными праздниками.

Выводы

Время – одна из центральных системообразующих категорий, рассмотрение которой необходимо для понимания представлений человека о мире. Это отражается в народных обрядах и календарных праздниках и, соответственно, в языке: в его составе встречаются лексемы и устойчивые сочетания, обладающие семантической общностью и вступающие в структурные, словообразовательные, парадигматические отношения: в них отражена связь человека с природой (циклический, природный, годовой круг), церковные и языческие праздники (Великий пост, Масленица). В Петровскую эпоху эти праздники получают дополнительное значение, поскольку теперь они совпадают с важными государственными событиями.

В Петровскую эпоху формируется светский календарь. При этом сохраняются церковные праздники (Рождество, Пасха, Троица). Утверждение Российского государства способствовало появлению соответствующих государственных праздников, среди которых можно назвать коронацию, именины царя, дни великих побед. Однако обновление праздничной культуры не нарушает православный круг праздников. Новые праздники вводятся с учетом как народных, так и христианских представлений и во многом начинают формировать гражданственность русского человека. При этом в памятниках письменности сохраняется ориентир на народные (языческие) и церковные представления о времени: в календаре отводится место для подготовки к Великому посту; отражены названия шестой и седьмой недель Великого поста; названия дней Фоминой недели, а также дней, посвященных памяти святых.

Список литературы / References

Бортникова Т. Г. Праздник как сфера проявления этнического. *Социально-экономические явления и процессы*, 2012, № 2 (036), с. 220–226.

Bortnikova T. G. Festive occasion as a sphere of ethnic diversity development. *Social-Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 2 (036), pp. 220–226. (In Russ.)

Грищенко В. В. Календарь и трудовая деятельность человека. *Аналитика культурологии*, 2009, № 1 (13), с. 227–236.

Grishchenko V. V. Calendar and human labor activity. *Analytics of cultural studies*, 2009, no. 1 (13), pp. 227–236. (In Russ.)

Иванова Н. П. Церковный календарь-месяцеслов как исторический источник. *Известия Алтайского государственного университета*, 1998, № 3 (7), с. 22–26. EDN: TPTMVD

Ivanova N. P. Orthodox calendar as historical source. *Izvestiya of Altai State University*, 1998, no. 3 (7), pp. 22–26. (In Russ.) EDN: TPTMVD

Калинский И. П. *Церковно-народный месяцеслов на Руси*. Москва: ЭКСМО, 2008. 239 с.
Kalinskii I. P. *Church and Folk Calendar in Rus'*. Moscow: EKSMO, 2008. 239 p. (In Russ.)

Козина Т. Н., Ларюшкина Н. В. История формирования русской праздничной культуры. *Вестник Пензенского государственного университета*, 2017, № 4 (20), с. 12–15. EDN: YUPEQV

Kozina T. N., Lariushkina N. V. History of the development of Russian festive culture. *Bulletin of Penza State University*, 2017, no. 4 (20), pp. 12–15. (In Russ.) EDN: YUPEQV

Никифорова О. В. Лексико-фразеологическое поле «Обрядовое время» в Нижегородских говорах. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2016, ч. 4, № 9 (51), с. 157–159. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.51.155>

Nikiforova O. V. Lexical and phraseological field “Ritual time” in Nizhny Novgorod dialects. *International Research Journal*, 2016, part 4, no. 9 (51), pp. 157–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.51.155>

Панина Ж. А. Значимые недели в традиционной народной культуре Русского Севера (на материале архангельских говоров). *Славянский мир: общность и многообразие: тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры (г. Москва, 22–23 мая 2018 г.)*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2018, с. 236–240. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2018.2.6.2>

Panina Zh. A. Significant weeks in the traditional folk culture of the Russian North (based on Arkhangelsk dialects). *Slavic world: community and diversity: Proceedings of the youth scientific conference within the framework of the Days of Slavic writing and culture (Moscow, May 22–23, 2018)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2018, pp. 236–240. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2018.2.6.2>

Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т. Санкт-Петербург; Москва: Государственная типография, 1887–2003.

Letters and papers of Emperor Peter the Great: in 13 vol. St Petersburg; Moscow: Gosudarstvennaia tipografiia, 1887–2003. (In Russ.)

Письма русских государей и других особь царскаго семейства: Переписка. [Ч.] 1: Переписка императора Петра I с государыней Екатериной Алексеевной. Москва: Типография Сергея Орлова, 1861. 166 с.

Letters of Russian sovereigns and other members of the royal family: Correspondence. [Part] 1: Correspondence of Emperor Peter I with Empress Ekaterina Alekseevna. Moscow: Tipografiia Sergeia Orlova, 1861. 166 p. (In Russ.)

Славянская мифология. Энциклопедический словарь; под редакцией В. Я. Петрухина и др. Москва: Эллис Лак, 1995. 416 с.

Slavic mythology. Encyclopedic dictionary; ed. by V. Ya. Petrukhin et al. Moscow: Ellis Lak, 1995. 416 p. (In Russ.)

Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва: Наука, 1975.

Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ.)

Словарь русского языка XVIII века. Ленинград: Наука, 1984. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 10.09.2024).

Dictionary of the Russian language of the 18th century. Leningrad: Nauka, 1984. (In Russ.) Available at: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (accessed: 10.09.2024).

Сведения об авторе

Анна Юрьевна Лемак – соискатель; <https://orcid.org/0009-0002-5769-291X>, LemakAnna2016@gmail.com, Вологодский государственный университет (д. 15, ул. Ленина, 160000 Вологда, Россия); **Anna Yu. Lemak** – Applicant for a degree, <https://orcid.org/0009-0002-5769-291X>, LemakAnna2016@gmail.com, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 14.10.2024.

The article was submitted 13.09.2024; Approved after reviewing 27.09.2024; Accepted for publication 14.10.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 68–76.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 68–76.

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-6>

<https://elibrary.ru/myxegq>

**«Вологодские сказки конца XX – начала XXI века»
как источник для диалектологических разысканий**

Наталья Георгиевна Мельникова

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия

mihovang@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0108-9206>

Аннотация. Данная статья посвящена анализу ярких диалектных явлений в области консонантизма (согласных) – цоканья и чоканья. Данное явление тесно связано с историей языка и историей заселения края – современными западными районами Вологодской области. Именно здесь проходила граница Новгородских и Ростово-Суздальских земель. Территории, освоенные древненовгородскими переселенцами, сохранили особенности произношения, характерные для средневекового новгородского диалекта. До настоящего времени в речи жителей сельской местности некоторых западных округов Вологодской области сохранилось произношение, отражающее явление «цоканья» и «чоканья». Материалом для данной статьи послужили тексты сборника «Вологодские сказки конца XX – начала XXI века», вышедшего в свет в 2018 году, а также карты № 45–47 Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), отражающие ареалы распространения диалектного употребления аффрикат в середине XX века. Тексты указанного сборника ранее не были введены в научный оборот и использовались как фольклорный материал при подготовке мероприятий регионального и локального уровней.

В процессе исследования использовались методы: сплошной выборки (при отборе текстов сказок были рассмотрены все тексты, входящие в цикл сказок о животных), лингвистического анализа, наблюдения и систематизации. Материалы лингвистических карт № 45 «Согласный на месте [ч]», № 46 «Согласный на месте [ц]», № 47 «Различение или совпадение согласных на месте [ч] и [ц]» ДАРЯ были сопоставлены с результатами анализа сказок, выявлены и детализированы границы ареалов и их изменения за последние 75 лет. Теоретическую основу исследования составили работы отечественных лингвистов: Р. И. Аванесова, К. В. Захаровой, В. Г. Орловой, Л. Л. Касаткина.

В результате проведенного исследования было выявлено: на территории современного Череповецкого и Шекснинского округов Вологодской области были распространены мягкое цоканье и твердое чоканье. На картах ДАРЯ, составленных в середине XX века, твердое чоканье не было отмечено на изучаемой территории. Вероятно, данное фонетическое явление встречалось спорадически и не получило подтверждения при сборе материалов, проводимых под руководством Института русского языка. Перспектива исследования видится в дальнейшем изучении текстов, системном описании других диалектных явлений в области вокализма и консонантизма.

© Мельникова Н. Г., 2025

Ключевые слова: диалектология, лингвистическая география, ландшафт, ареал, фольклор, сказки, Вологодская область

Для цитирования: Мельникова Н. Г. «Вологодские сказки конца XX – начала XXI века» как источник для диалектологических разысканий // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 68–76. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-6>; EDN: MYXEGQ

“Vologda fairy tales of the late 20th – early 21st century” as a source for dialectological research

Nataliya G. Melnikova
Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia
mihovang@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0108-9206>

Abstract. This article focuses on the analysis of striking dialect phenomena in the field of consonantism (consonants) – *tsokanye* and *chokanye*. This phenomenon is closely related to the history of the language and the history of the region settlement – modern western districts in Vologda region, where the border of Novgorod and Rostov-Suzdal lands passed. The territories developed by Old Novgorod settlers preserved the pronunciation peculiarities characteristic of the medieval Novgorod dialect. The pronunciation reflecting the phenomenon of ‘tsokanye’ and ‘chokanye’ has been preserved in the speech of the inhabitants in rural areas of some western districts in Vologda region up to the present time. The material for this article was a body of texts from the collection ‘Vologda fairy tales of the late XX – early XXI century’, published in 2018, as well as maps No. 45–47 of the Dialectological Atlas of the Russian Language (DARL), reflecting the distribution of affricate dialectal use in the mid-20th century. The texts of this collection have not been previously introduced into the scientific discourse and were used as folklore material in the preparation of regional and local events.

The following methods were applied in the research: continuous sampling (in selecting the fairy tales, all texts included in the cycle of animal fairy tales were examined), linguistic analysis, observation and systematisation. The materials of linguistic maps No. 45 ‘Consonant in place of [ch]’, No. 46 ‘Consonant in place of [ts]’, No. 47 ‘Distinctions or coincidences of consonants in place of [ch] and [ts]’ from DARL were compared with the results of the analysis of fairy tales; the boundaries of the districts and their changes over the last 75 years were revealed and detailed. The theoretical background of the study was formed by the works of Russian linguists: R. I. Avanesov, K. V. Zakharova, V. G. Orlova, L. L. Kasatkin.

As a result of the study, the author revealed: soft *tsokanye* and hard *chokanye* were widespread in the territory of the modern Cherepovets and Sheksna districts in Vologda region. On the DARL maps made in the middle of the twentieth century, hard *chokanye* was not marked in the studied territory. Probably, this phonetic phenomenon occurred sporadically and was not confirmed during the collection of materials conducted under the guidance of the Institute of the Russian Language. The directions for future research are further text studying and systematic description of other dialectal phenomena in the field of vocalism and consonantism.

Keywords: dialectology, linguistic geography, landscape, area, folklore, fairy tales, Vologda region
For citation: Melnikova N. G. “Vologda fairy tales of the late 20th – early 21st century” as a source for dialectological research. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 68–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-6>; EDN MYXEGQ

Введение

Изучение лингвистического ландшафта на территории Российской Федерации продолжает сохранять актуальность. Диалектология и фольклористика – науки, по-

лучившие в своем взаимодействии новый виток развития за последнее десятилетие. Интерес к русскому наследию, сохранившемуся в регионах нашей страны, финансово поддержан со стороны государства: на федеральном и региональном уровнях выделялись средства на сохранение народных традиций (в том числе и в языке), выделялись гранты на полевые экспедиции, особенно следует указать на значимость спонсорской поддержки, поскольку именно эти средства позволили довести работу, длящуюся несколько лет, до финального результата. Благодаря финансовой спонсорской поддержке на территории современной Вологодской области были организованы поездки с целью сбора и фиксации фольклорного материала. Однако следует отметить, что подобная работа проводилась энтузиастами и ранее, а с выделением финансирования появилась возможность выхода в свет ранее собранного и систематизированного материала.

Известные историки языка, диалектологи, многократно подчеркивали значимость изучения фольклорных текстов с позиции лингвистического подхода. Именно в них сохранялись и сохраняются, передаваясь из поколения в поколение, особенности живой разговорной речи, характерные для конкретных территорий. Так, например, Л. Л. Касаткин в труде «Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка» отмечал: «И если на предыдущем этапе живое языковое явление фиксировалось только в речи старшего поколения, то теперь это явление стало мертвым, ушло из языка. Исследователь может узнать о нем лишь по воспоминаниям современников, по старым текстам, изучать его только по его отражению в этих текстах. Некоторые стороны этого явления навсегда скроются от взгляда лингвиста. Поэтому перед современными диалектологами стоит чрезвычайно важная задача – как можно полнее, всестороннее описать современные диалектные явления, чтобы яснее увидеть их историю¹».

Цель данного исследования – проследить отражение диалектных явлений в области консонантизма в текстах сборника «Вологодские сказки конца XX – начала XXI века». Сопоставление данных, полученных в результате анализа фольклорных текстов, позволит скорректировать и уточнить географическое распространение диалектных явлений.

Материалом для работы послужили тексты из «Вологодских сказок конца XX – начала XXI века». Были отобраны все произведения, входящие в раздел сказок о животных, всего 38 текстов (метод сплошной выборки). Основу данного сборника, изданного в 2018 году в селе Воскресенское Вологодской области (отпечатано в типографии Вологды), составляют сказки разных типов: о животных, волшебные, бытовые, часть материалов – это прибаутки и докучные сказки. Составителями отмечено, что сказки были записаны «во время фольклорно-этнографических экспедиций на территории западных районов Вологодской области в период с 1979 по 2016 годы»². Кроме этого, в сборник вошли тексты из рукописных фондов Кадуйского краеведче-

¹ Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. Москва: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 29.

² Вологодские сказки конца XX – начала XXI века / составитель Т. А. Кузьмина. Воскресенское; Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. С. 3.

ского музея, Череповецкого музейного объединения, музея МОУ «Мяксинская школа».

Важно указать, что составлены комментарии с указанием места записи материала, представлен словарь малоупотребительных и диалектных слов и выражений, топографический указатель, список сказочников и собирателей. Поскольку сказки собирались специалистами в области фольклористики, то и акцент был сделан на указание особенностей сказочных сюжетов и образов. Тем не менее, некоторые диалектные особенности¹ все же были отмечены при фиксации специфики живого рассказывания текста.

Еще одним источником для анализа распространения диалектных явлений послужили лингвогеографические карты Диалектологического атласа русского языка. Сопоставление материалов позволяет точнее увидеть картину диалектного ландшафта, сделать выводы о происходивших изменениях на протяжении последних семидесяти пяти лет.

Основная часть

Изучением качества аффрикат в живой народной речи занимались многие отечественные диалектологи и историки языка. Цоканье было характерно для речи древних новгородцев и было распространено на осваиваемые ими территории. Западные районы Вологодской области – исторически переходная зона, граница между владениями новгородских и ростово-суздальских князей. В процессе почти двадцатилетних наблюдений за живой речью диалектоносителей отмечается разное употребление аффрикат: твердое и мягкое цоканье (в единичных случаях – шепелявое), твердое чоканье. Р. И. Аванесов отмечал: «Кроме того, твердое *ч* известно и в отдельных северных говорах и вообще в говорах *ч* в прошлом цокающих, но усваивающих в настоящее время различие *ц* и *ч* под влиянием литературного языка»². К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова в работе «Диалектное членение русского языка» указывают, что употребление аффрикаты /ц'/ характерно для вологодской и онежской групп говоров. Тогда как территория современных западных районов Вологодской области – ареал, где отмечены «языковые явления Вологодской группы говоров (распространены на территории Белозерских говоров) и ареалов Костромской группы (распространены на территории Бежецких говоров)»³.

Анализ лингвистической карты «Границы между говорами с различным употреблением аффрикат в сочетании с границами между «землями» второй половины XII – первой половины XIII вв.»⁴ показывает, что территория современного Шекснинского округа (именно там были собраны анализируемые тексты) в этот период находи-

¹ Полагаем, что в процессе сбора и фиксации материала были отмечены далеко не все, а наиболее яркие, отличительные диалектные черты, сохранившиеся в речи сказителей. Прежде всего, в сборнике максимально отмечены случаи диалектного консонантизма.

² Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. Москва: Учпедгиз, 1949. С. 131.

³ Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. Москва: УРСС, 2004. С. 120.

⁴ Карта представлена как приложение в работе В. Г. Орловой История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. Москва: Академия наук СССР, 1959. 222 с.

лись на территории исторической Ростово-Суздальской земли. Западные земли современной Вологодской области входили в состав Новгородского княжества. Вероятно, влияние древних диалектов привело к тому, что в одном и том же регионе наблюдается взаимовлияние и смешение диалектного произношения аффрикат. Материалы лингвистических карт Диалектологического атласа русского языка – № 47 «Различение или совпадение согласных на месте [ч] и [ц]» (см. рис. 1 а, б), № 46 «Согласный на месте [ц]», № 45 «Согласный на месте [ч]» (см. рис. 2 а, б) – дают этому подтверждение: на территории современного Шекснинского округа Вологодской области зафиксировано как нормированное произношение аффрикат, так и мягкое цоканье.

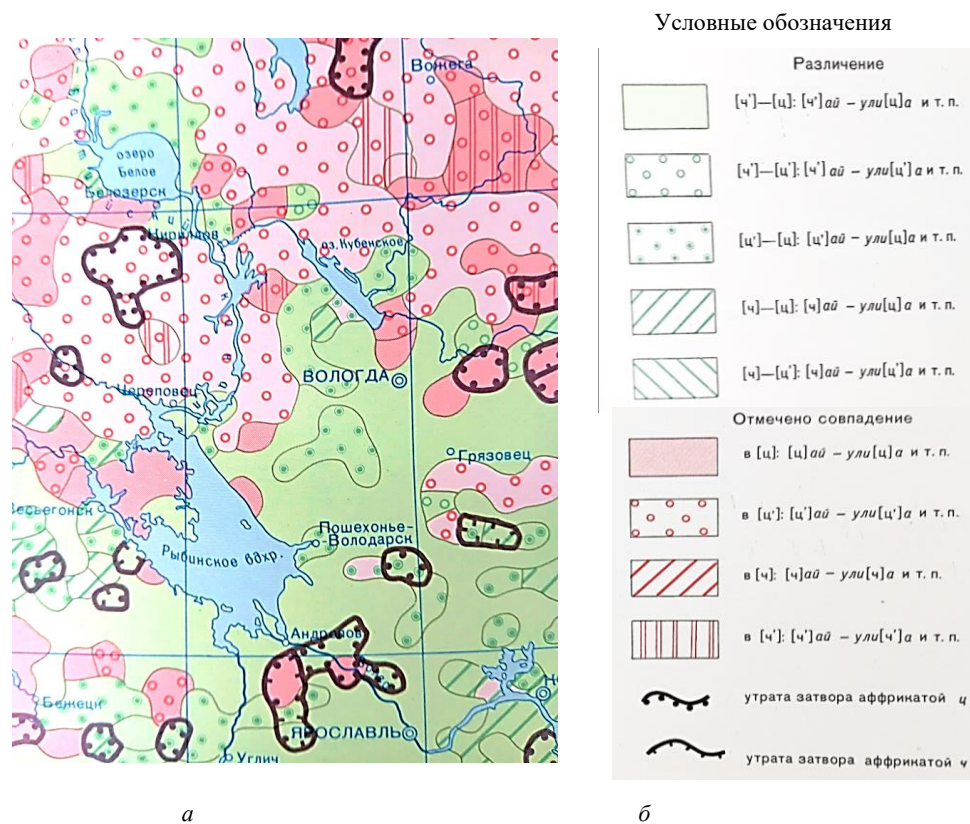

Рис. 1. а – Фрагмент карты ДАРЯ № 47 «Различение или совпадение согласных на месте ч и ц»; б – легенда карты

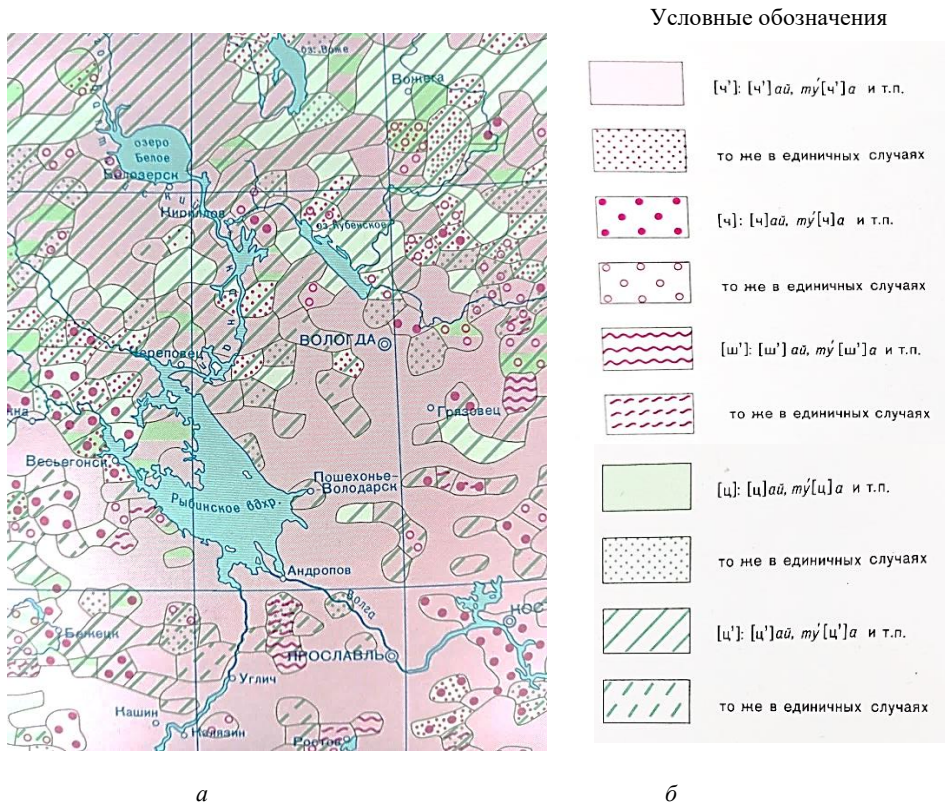

Рис. 2. а – Фрагмент карты ДАРЯ № 45 «Согласный на месте ч»;
б – легенда карты

Тексты сказок демонстрируют распространение мягкого цоканья на территории современного Шекснинского и Череповецкого округов Вологодской области¹ (д. Телибаново, с. Княже, с. Сизьма, д. Кузьминское, д. Никифорово, д. Прядино, д. Киселево, л. Ерёмينو, д. Матвеевская, д. Кошеево, д. Брыкино Шекснинского округа; д. Пленишник, д. Курьяково, д. Надпорожье Череповецкого округа). В сказках, записанных от разных исполнителей на данной территории, можно проследить многочисленные примеры.

Ну, виник, дак зашевелитцы – **уцют**, а шило воткнётцы, дак не уйти, а мыло, дак тожо...² (с. 82, сказка «Как веник, шило и мыло воровать пошли»).

Вот все по-своему: волкушки завыли, медведь заорал с Анастасией Ивановной, **зайцики** тожо заревели (с. 83, «Дядя Вася»).

¹ Шекснинский и Череповецкий округа – пограничные территории, некоторые населенные пункты на протяжении истории края периодически административно относились то к одной, то к другой территории. Считаем, что для анализа распространения диалектных явлений в живой речи следует рассматривать всю территорию в комплексе.

² В работе представлены примеры с сохранением записи, используемой в сборнике сказок.

Вот я взяла лапоточек и говорю: «Куда у меня, – говорит, – *куроцкю* поставить?» (с. 73 «[За лапоток – курочку]). Вот оставила, *знацит*: «Ой, не знай, куды мне маленькую короушку поставить?» (с. 74).

Скрипи, скрипи, нога,
скрипи липовая,
все по присёлкам свят,
одна баушка не спит,
на моёй коже сидит,
она шерску предёт,
рукавицки плетёт (с. 66 «[Скрипи, скрипи, нога]»).

Рано ишо и из лесу идти, старик идёт и чево-то несёт, ногу не ногу, не знаёт и чево несёт *на плече*.

И там же: Старуха не будь глупа: выташшыла два *цюгуна* с кипетком и только мидвидю на глаза ковшиком [плеснула] (ковшик тут под руку ёй попав), вышпарила медвидю глаза. /.../ (с. 59).

– Какова медвидя, *ноцью* где взял? /.../

Знацит, этот, медвид-от лёжит: [Мужики]: «Как? *Цево*?» – «Вот, как и *цovo*, вот давай». А у иф уж, у иф *пецка* топитца, мясо варитца, ак. Медвидя ошкурала, мяса старик всем дал, а это, котороё варилося – у старика целоё застольё, целая изба – праздник и пошол медвидя исти. Вот так и было. (с. 60–61 «Липовая нога»).

В качестве яркого примера употребления цоканья приведем фрагмент текста сказки «[Волк и лиса]»:

(Волк али мидведь) волк увидел, што у лисы много рыбы-то.

– Где ты, – говорит, – взела-та?

– А вот, – говорит, – будет *ноць*-та ясная, ясная, иди, – грит, – на реку, да хвост-то отпусти в реку, в пролубь, и навезнёт рыбы-то.

А *ноць*-то была ясная, он ушол, да у ёво хвост-то толькё пристыл к пролубе-то. Пришли старухи платье мыть: мидвидь сидит, ли волк ли, в пролубе-то, ак вото ево *нацели* хвостать да. Вот он и убежал и хвост тут оторвал. (с. 40 «Волк и лиса»).

Из приведенного фрагмента видно, что цоканье является системной чертой живой речи сельских жителей. Мягкий согласный /ц'/ встречается в разных морфемах, но нами был отмечен при употреблении лишь в середине фонетического слова в позиции перед согласным или перед гласным.

Наблюдается в текстах отмеченное собирателями явление цоканья¹.

Едёт, едёт – выбегаёт *зайтык*: «Дядя Вася, довези меня в Череповец!» (с. 83 «Дядя Вася»).

Вот спорили, спорили – Валя отдала ей *умотку* (с. 79).

¹ Диалектное употребление аффрикаты [ч'] / [ч'] передается в текстах написанием буквы т и последующего гласного.

Ей не во что было дровни-то *занпет*. Нельзя так делать, надо *тестно* поступать (с. 81 «Про Марфу»).

Твердое чоканье было обнаружено только в произведениях, собранных в д. Борисово Сиземского сельского поселения Шекснинского округа и д. Пленишник Ягницкого сельского поселения Череповецкого округа. В других текстах раздела сказок о животных данное диалектное явление не отмечено. Возможно, что к периоду сбора текстов сказок в ходе фольклорных экспедиций в конце XX века оно уже почти исчезло из живой разговорной речи местных жителей как сильно противопоставленное литературному произношению. Однако некоторые архивные материалы г. Череповца свидетельствуют, что на период начала XX века чоканье было распространено достаточно широко (об этом свидетельствуют архивные записи ЧерМО в школьных тетрадях 1–3 классов учениц Череповца и методические рекомендации педагогам по исправлению диалектных явлений в речи школьников). Заметим, что и на лингвистических картах Диалектологического атласа русского языка № 45, 47 (см. рис. 1, 2, представленные ранее) явление твердого чоканья на изучаемых территориях не обозначено. Вероятно, к периоду сбора материала (середина XX века) указанное явление встречалось в живой речи спорадически или просто не было зафиксировано собирателями.

В. Г. Орлова в своем фундаментальном труде «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров» отмечает, что изучение функционирования аффрикат позволяет проследить историю развития говора. Четкие изоглоссы, очерчивающие ареал функционирования диалектных явлений, представленные на лингвистических картах, отражают передвижение и расселение групп восточных славян в процессе истории¹. Исследование процесса изменений ареала диалектных явлений позволяет понять, какие диалектные явления исчезают раньше, а какие воспринимаются носителями как «допустимые».

Выводы

Материалы полевых экспедиций последних десяти лет свидетельствуют о том, что в настоящее время цоканье и чоканье исчезло из живой речи сельских жителей. Яркие диалектные особенности исчезают вместе с носителями, усвоившими подобную речевую традицию с раннего возраста. Полагаем, что влияние литературного языка, безусловно, наблюдалось, однако степень его влияния была преувеличена. Диалектные явления в меньшей степени наблюдались в речи людей, изначально получивших длительное среднее образование (например, школа-семилетка), за период которого они смогли уйти от народных речевых традиций. Те информанты, которые с ранних лет усвоили «правила» произношения на своей территории, сохраняли их до последнего времени, даже понимая, что их речь отличается от «городской».

Анализ архивных и фольклорных источников позволяет внести некоторые коррективы, уточнения в лингвистические карты, понять, как изменялось функционирование диалектных явлений в народной речи на протяжении десятилетий. Обращение к материалам, собранным не только профессиональными филологами, позволяет выявить интересные факты о распространении особенностей говора. Продолжение

¹ Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 17.

данного исследования видится в дальнейшем изучении всех текстов сборника, цельном (системном) описании отраженных диалектных черт, сопоставлении подученной информации с другими источниками (картотеками, хрестоматиями, словарями, атласами и др.).

Список литературы / References

Аванесов Р. И. *Очерки русской диалектологии. Часть 1*. Москва: Учпедгиз, 1949. 335 с.
Avanesov R. I. *Essays on Russian dialectology. Part 1*. Moscow: Uchpedgiz, 1949. 335 p. (In Russ.)

Вологодские сказки конца XX – начала XXI века; составитель Т. А. Кузьмина. Воскресенское; Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. 347 с.

Vologda fairy tales of the late 20th – early 21st centuries; compiled by T. A. Kuzmina. Voskresenskoye; Vologda: Poligraf-Periodika, 2018. 347 p. (In Russ.)

Диалектологический атлас русского языка. Т. 1: Фонетика; под редакцией Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Москва, 1986. 214 с.

Dialectological atlas of the Russian language. Vol. 1: Phonetics; ed. by R. I. Avanesov, S. V. Bromley. Moscow, 1986. 214 p. (In Russ.)

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. *Диалектное членение русского языка*. Москва: УРСС, 2004. 176 с.

Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialect division of the Russian language*. Moscow: URSS, 2004. 176 p. (In Russ.)

Касаткин Л. Л. *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. 528 с.

Kasatkin L. L. *Modern Russian dialectal and literary phonetics as a source for the history of the Russian language*. Moscow: Nauka; Shkola "Iazyki russkoi kultury", 1999. 528 p. (In Russ.)

Орлова В. Г. *История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. 211 с.

Orlova V. G. *History of affricates in the Russian language in connection with the formation of Russian local dialects*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 211 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Наталья Георгиевна Мельникова – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-0108-9206>, ngmelnikova@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Nataliya G. Melnikova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0108-9206>, ngmelnikova@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 05.06.2025.

The article was submitted 03.03.2025; Approved after reviewing 25.04.2025; Accepted for publication 05.06.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 77–88.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 77–88.

Научная статья

УДК 81'282(470.11)(045)

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-7>

<https://elibrary.ru/nhmjvq>

Приложение «Копилка слов» в диалектологической практике в вузе

Лариса Викторовна Ненашева^{1✉}, Людмила Сергеевна Шурыкина^{2✉},
^{1, 2} Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

^{1✉} l.nenasheva@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8580-5980>

^{2✉} l.shurykina@narfu.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8547-1967>

Аннотация. Составление диалектных карточек во время и после полевой диалектологической и фольклорной практики требует серьезного ручного труда. В настоящей статье рассматривается приложение «Копилка слов», разработанное для упрощения сбора и обработки диалектных материалов и заполнения электронной базы данных, а также его практическое применение. Приложение активно используется в диалектологической практике и глубоко интегрировано в учебный процесс, что позволило увеличить объем обработанного материала и поддержать заинтересованность студентов в предмете.

Ключевые слова: архангельские говоры, диалектология, диалектный корпус, диалектологическая практика, обработка естественного языка, тематический словарь

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-28-01380, «Тематический словарь архангельских говоров с электронной поддержкой» (<https://rscf.ru/project/23-28-01380/>)

Для цитирования: Ненашева Л. В., Шурыкина Л. С. Приложение «Копилка слов» в диалектологической практике в вузе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 77–88. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-7>; EDN: NHMJVQ

Application “Word Bank” in dialectological practical session at university

Larisa V. Nenasheva^{1✉}, Lyudmila S. Shurykina^{2✉},
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia

^{1✉} l.nenasheva@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8580-5980>

^{2✉} l.shurykina@narfu.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8547-1967>

Abstract. Dialect cards compilation during and after field dialectological practical session requires a lot of manual labor. In this paper, we describe our application “Word Bank” and implementation of this tool in educational practice to simplify collecting and processing of dialect materials. It is actively used in dialectological practical session and is deeply integrated into the educational

process, which allows increasing the amount of processed material and supporting students' interest in dialect studies.

Keywords: Arkhangelsk dialects, dialectology, dialect corpus, dialectological practical session, natural language processing, thematic dictionary

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01380, "Thematic dictionary of Arkhangelsk dialects with electronic support" (<https://rscf.ru/project/23-28-01380/>)

For citation: Nenasheva L. V., Shurykina L. S. Application "Word Bank" in dialectological practical session at university. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 77–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-7>; EDN: NHMJVQ

Введение

На факультете русской филологии в университетах, а также ранее в педагогических институтах студенты проходили диалектологическую практику, в результате которой были накоплены диалектные записи на бумажных и аудионосителях и на базе этих записей составлены картотеки и изданы региональные словари.

На филологическом факультете Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, направление подготовки 45.03.01 «Филология», после третьего курса проводится учебная языковая практика. Учебная языковая практика имеет две формы проведения: стационарная, которая проходит на базе кафедры русского языка и речевой культуры, и выездная, которая подразумевает выезд в районы Архангельской области для сбора и анализа диалектного и фольклорного материала. Стационарная практика позволяет студентам закрепить навыки, приобретенные на занятиях по курсу «Русская диалектология»: изучить записи, сделанные в диалектологических экспедициях, познакомиться с полевой транскрипцией, которую используют во время записывания спонтанной речи информанта. В то же время студенты получают возможность обогатить знания о фонетических и морфологических особенностях архангельских говоров.

Выездная практика нацелена на приобретение студентами навыков собирательской работы, на знакомство с бытованием конкретной фольклорной традиции, на фиксацию новой диалектной лексики и новых значений слов, на сбор источников для ее изучения. Во время выездной практики при сборе языкового и фольклорного материала студенты используют следующие методы: наблюдение, беседа, опрос, анкетирование, формализованное и полужформализованное интервью. В период обработки языкового и фольклорного материала используются такие методы, как: анализ, систематизация, статистическая сводка.

В последние годы стационарная практика предполагает обработку результатов, полученных в предшествующих диалектологических экспедициях, и подготовку материала для диалектных словарей. Это подразумевает следующую учебную активность: тематическая выборка лексических единиц, создание региональной картотеки, составление словарных статей. Попутно диалектные материалы сохраняются на электронных носителях. Диалектологическая практика предполагает работу в кабинете истории языка и диалектологии на кафедре русского языка и речевой культуры. Студенты обрабатывают материалы предыдущих экспедиций: фиксируют тексты с

аудиокассет, выбирают диалектные слова и проверяют их по словарям, составляют первичные карточки, заносят их в базу данных. Работа такого рода позволяет сформировать у студентов представление о лексическом богатстве русских народных говоров, в частности, северных говоров, выработать навык установления точного значения диалектного слова с учетом местных этнографических условий.

В последние годы студенты в рамках дисциплины «Учебная практика, языковая практика» помогают в работе над «Тематическим словарем архангельских говоров». Первый выпуск словаря «Одежда, обувь, головные уборы, украшения, ткани» уже опубликован¹, второй выпуск «Жилые и хозяйственные постройки и их части» и третий выпуск «Традиционные северные блюда и напитки и способы их приготовления» готовятся к печати.

В целях упрощения работы и снижения объема ручного труда при работе с карточками разработано приложение «Копилка слов» для заполнения базы данных, сбора и обработки словарных карточек.

Цель настоящей работы заключается в демонстрации достигнутых результатов, а именно использовании названного приложения в учебном процессе, и оценке эффективности подобного подхода.

Основная часть

Методы, материалы, обзор

В настоящей работе использовались следующие методы:

- компьютерный эксперимент, заключающийся в том, что студентам было предложено воспользоваться в рамках стационарной практики разработанным приложением «Копилка слов» для обработки собранного ранее диалектного материала;
- наблюдение за тем, как студенты в процессе практики работают с приложением;
- опрос студентов по результатам проделанной работы;
- анализ полученных отзывов и выявление достоинств предложенного подхода;
- сопоставление традиционного и предложенного подходов и определение эффективности нового подхода.

В помощь студентам и преподавателям опубликованы учебные пособия и методические рекомендации по проведению диалектологических практик. Учебное пособие «Диалектологическая практика», подготовленное авторами Санкт-Петербургского университета, состоит из двух частей: в первой части даны теоретические и практические сведения, во второй части представлен материал для самостоятельной работы студентов в аудитории и в полевых условиях².

В первой части учебного пособия В. П. Васильева, Е. В. Васильевой представлен многолетний опыт по организации и проведению учебной диалектологической практики как в полевых условиях, так и в учебных аудиториях. В пособие включены иллюстрации из сибирских говоров, таким образом учебное пособие восполняет отсут-

¹ Ненашева Л. В. Тематический словарь архангельских говоров. Вып. 1: Одежда, обувь, головные уборы, украшения, ткани. Архангельск: КИРА, 2023. 192 с.

² Лутовинова И. С., Тарасова М. А. Диалектологическая практика. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. 227 с.

ствии учебной литературы по региональному профилю. Материалы данного пособия не только помогают студентам в работе с диалектными материалами в учебных аудиториях и полевых условиях, но и в работе с лексикографированием сибирских говоров¹.

При составлении тематического словаря была изучена структура диалектных словарей: «Архангельский областной словарь»², «Словарь русских народных говоров»³, «Словарь говоров Карелии и сопредельных областей»⁴, «Словарь говоров Русского Севера»⁵. Также для изучения привлекались тематические словари: «Тематический словарь говоров Тверской области»⁶ и др.

При разработке приложения для сбора и обработки диалектного материала учитывались построение словарных статей, принятое в перечисленных выше диалектных и тематических словарях, а также структура словарных карточек, которые заполняются во время выездных практик.

Обширный диалектный материал, который записан на этих карточках, включает не только речь носителей диалектов, но и иллюстрации, наглядно поясняющие использование диалектных слов. Материал на карточках имеет четкую структуру (см. рис. 1).

Обязательный элемент каждой карточки – диалектное слово. У слова выставляется ударение; если нужно, то отмечается мягкость согласного звука. Приводится толкование значения, записываются примеры употребления. Указывается место, в котором слово было услышано: так, например, приведенная словарная карточка была записана в селе Пинега Пинежского района Архангельской области. Если слово было записано в разных местах, то каждому месту будет соответствовать своя словарная карточка. Дополнительные значения также отражаются на новых словарных карточках. Карточки могут повторяться и в том случае, если примеры были собраны в разные годы. Такой подход позволяет отследить динамику, если она есть.

¹ Васильев В. П., Васильева Е. В. Русские народные говоры: способы сбора, обработки и описания диалектного материала: в 2 ч. Ч. 1. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. 230 с.

² Архангельский областной словарь / под редакцией О. Г. Гецовой. Москва: Издательство Московского университета, 1980–1996.

³ Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2021.

⁴ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / под редакцией И. С. Лутовинова, Л. П. Михайлова. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994–2005.

⁵ Словарь говоров Русского Севера: в 7 т. / под редакцией А. К. Матвеева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001–2018.

⁶ Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1–5 / составитель Т. В. Кириллова и др. Тверь: Тверской государственный университет, 2002–2006.

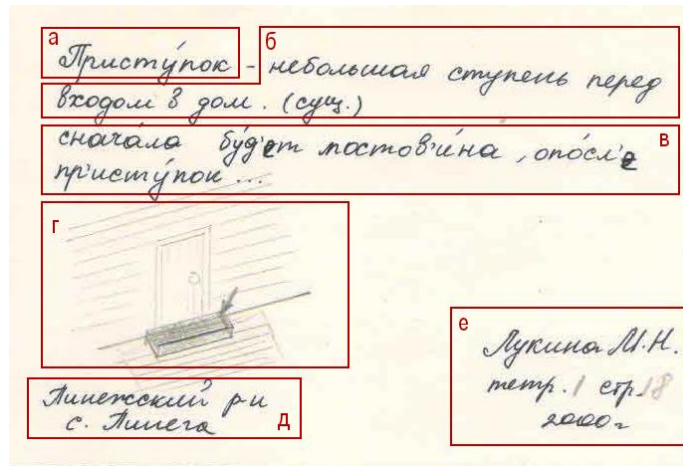

Рис. 1. Пример словарной карточки: а – слово, б – толкование, в – пример употребления, г – иллюстрация, д – место записи слова, е – информация о карточке

Словарные статьи имеют схожее строение: в первую очередь указывается слово, приводятся его грамматические особенности, разъясняется его значение, приводятся примеры употребления, сгруппированные по районам; внутри группы примеры отделены друг от друга двумя косыми чертами. Дополнительные значения слова, если они есть, оформляются таким же образом и перечисляются под номерами. Так, по информации, которая записана на словарной карточке на рис. 1, составляется следующая словарная статья:

«**ПРИСТУ́ПОК**, м. – Небольшая ступень перед входом в дом. Сначала́ бу́дет постовина, опóсле присту́пок. Линеж.»

Тем не менее, для написания словарной статьи требуется предобработка собранного материала: набор в текстовом редакторе, редактирование, сортировка, компоновка в структуру статьи.

Поскольку и карточки, и статьи имеют определенную целостную структуру, можно автоматизировать обработку диалектного материала и снизить объемы ручного труда. Эта задача решается при помощи «Копилки слов».

Предварительно было проведено исследование подобных решений – цифровизации диалектологических исследований – в практике различных регионов России и других стран.

Диалектологические материалы хранятся при помощи диалектных корпусов. Под диалектными корпусами мы понимаем коллекции диалектных текстов (расшифровки аудиозаписей разговоров с носителями диалектов, выписки из диалектных тетрадей и т. п.), снабженных различной вспомогательной информацией: аудио- или видеозаписями, иллюстрациями, грамматическими или иными характеристиками ис-

пользуемых диалектных слов. Подобные корпуса удобно использовать как в исследованиях, так и для обучения студентов¹.

Диалектные тексты, собранные в диалектных корпусах, дают основу для исследований, например, местной культуры. Так, Н. В. Свешникова анализирует специфику категории рода существительных в среднерусском говоре на основе материалов Саратовского диалектного корпуса². Ю. Н. Драчева рассматривает и подчеркивает роль электронного корпуса диалектных текстов в изучении динамики культурных концептов, опираясь на примеры из мультимедийного корпуса вологодских текстов³.

Диалектные корпуса могут иметь различную форму: так, например, в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете активно применяется лексический атлас Волгоградской области⁴.

Некоторые корпуса предлагают дополнительные возможности для изучения диалектологии: доступны фотоиллюстрации, лексический атлас, созданные на основе корпуса словаря. Многие корпуса также снабжены десктопными или мобильными приложениями, благодаря которым работа с материалами из баз данных становится удобнее.

Аналогичным образом приложение «Копилка слов», при помощи которого автоматизируется сбор и обработка диалектного материала, сопровождает диалектный корпус архангельских говоров. В базу данных удобно добавлять данные в формате .csv, которые формируются посредством занесения материалов со словарных карточек в «Копилку слов» и экспорта в нужный вид. Далее эти материалы показываются в диалектном корпусе, представленном в виде веб-сайта. Веб-сайт и диалектный корпус подробнее описываются в статье «Электронный словарь архангельских говоров»⁵.

¹ Dash N. S. Documentation of a Dialect through the Use of a Dialect Corpus // Janajati Darparm: A Multilingual International Series on Tribals and Dalits of India. 2020. Vol. 7, no. 1. P. 42–58. URL: https://www.researchgate.net/publication/348482915_Documentation_of_a_Dialect_through_the_Use_of_a_Dialect_Corpus (дата обращения: 08.07.2024).

² Свешникова Н. В. Специфика категории рода существительных в Среднерусском говоре (на материале Саратовского диалектного корпуса) // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: материалы международной научной конференции: в 2 ч. Ч. I. (г. Псков, 26–28 апреля 2012 г.). Псков: Псковский государственный университет, 2012. С. 110–116. EDN: YSUGIS

³ Драчева Ю. Н. Электронный корпус диалектных текстов в аспекте изучения динамики культурных концептов (на примере мультимедийного корпуса вологодских текстов) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография: сборник Всероссийской школы-семинара. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С. 114–121. EDN: TORXYH

⁴ Кузнецова Е. В. Информационная система «Лексический атлас Волгоградской области»: научный материал в учебном процессе вуза // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 335–344. EDN: SWRCCD

⁵ Ненашева Л. В., Шурыкина Л. С. Электронный словарь архангельских говоров // Арктика и Север. Архангельск. 2024. № 55. С. 243–252. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.243>

Обзор приложения «Копилка слов»

Для того чтобы не допустить попадания в базу данных ошибочных материалов, внесение данных отделено от их обработки. Студенты, работая с приложением, могут добавлять, изменять и удалять свои записи, при этом вся информация хранится локально на их устройствах. По окончании работы студенты при помощи приложения формируют из словарных карточек словарные статьи и передают накопленный материал на модерацию эксперту (преподавателю). Полученные словарные статьи при необходимости редактируются, после чего могут быть использованы для составления диалектных словарей. Также проверенный диалектный материал служит для формирования наборов данных (формат *.csv), которые далее вносятся в базу данных.

Преподавателю (эксперту) при работе с приложением доступны те же возможности, что и студентам, а также импорт данных из формата *.csv и объединение собранных данных в более крупные наборы, которые можно далее отредактировать и экспортировать в любой из двух форматов. Таким образом, оцифровывать карточки может одновременно группа людей.

Интерфейс приложения представлен на рис. 2.

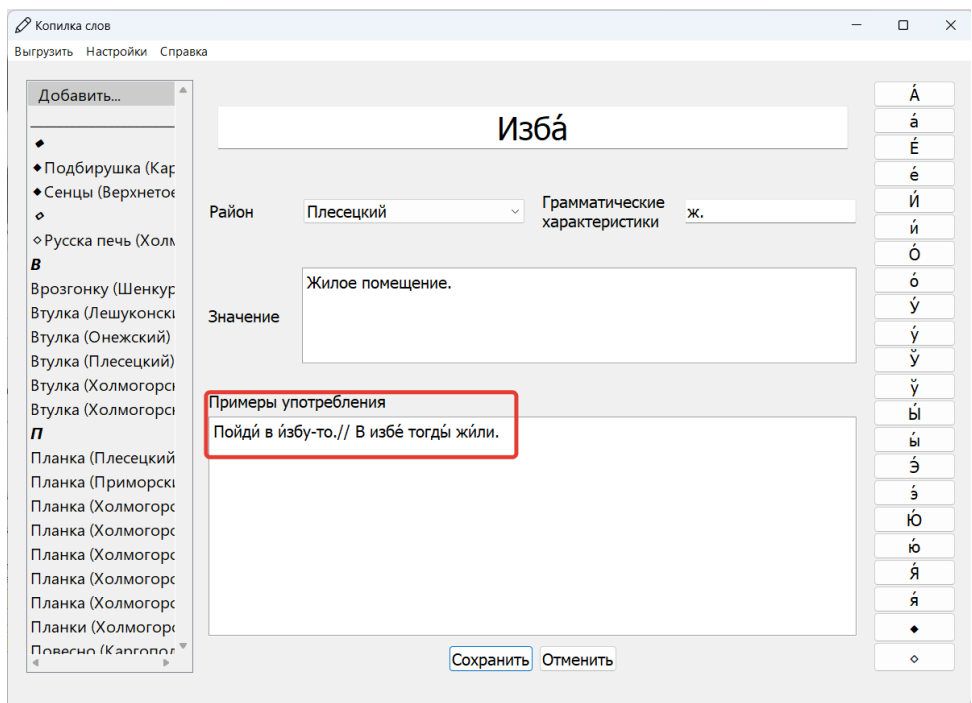

Рис. 2. Набор словарных карточек в «Копилке слов»

Слева расположен организатор слов, посередине – область словарной карточки, справа – панель дополнительных символов, на которую вынесены ударные гласные

в верхнем и нижнем регистре, краткость, символы дополнительной информации. Электронная словарная карточка имеет ту же структуру, что и бумажная.

Под районами понимаются районы Архангельской области. Их предлагается выбирать из выпадающего списка, в который уже внесены нужные названия в подходящем формате.

Все поля словарной карточки, кроме поля, в которое вводится слово, можно не заполнять сразу, а вернуться к карточке позднее и отредактировать ее. Указание слова, которому посвящена карточка, необходимо для возможности ее сохранения.

При необходимости лишние слова можно удалить. Для этого нужно нажать на слово правой кнопкой мыши и выбрать соответствующее действие в выпадающем меню. Подтверждение действия запрашивается дважды для защиты от случайного удаления. В режиме редактирования органайзер слов заблокирован для защиты от случайных нажатий.

Слова в органайзере автоматически группируются в алфавитном порядке. Ударения отражены только в словарных карточках во избежание визуального шума, но в органайзере указываются районы. Органайзер также снабжен всплывающими подсказками: если навести курсор мыши на слово, то будет показано его значение.

Собранные слова можно экспортировать в другие форматы при помощи подменю «Выгрузить». Доступно два варианта: экспорт собранных слов в виде набора данных («csv») и в виде набора словарных статей, отсортированных в алфавитном порядке («word»). Сформированные словарные статьи построены по проанализированным образцам и подходят для составления диалектных словарей.

С другой стороны, наборы данных (см. рис. 3) можно анализировать машинными средствами: составить облако слов, собрать статистические показатели, найти закономерности и т. д.

	Слово	Значение	Пример употребления	Регион	Категория
0	базáрский, ая, ое	Покупной, купленный на базаре	А эте базáрьские-те, са́ма – неце́го, но́ги к ...	Верхнетоем.	Общее название одежды
1	базáрский, ая, ое	Покупной, купленный на базаре	Базáрски-ти не всё могли купить Домоткán...	Лешук.	Общее название одежды
2	базáрский, ая, ое	Покупной, купленный на базаре	Базáрска одéжда, не самоткána.	Пинеж.	Общее название одежды
3	дерно́ва, ж.	Общее название носильной женской одежды	[]	Холмог.	Общее название одежды
4	изгрéбно, ср.	Верхняя одежда из изгребины	[]	Лешук.	Общее название одежды

Рис. 3. Набор данных, сгенерированный из словарных карточек

В меню содержатся вспомогательные функции: например, можно изменить размер шрифта в приложении или открыть справку, в которой описаны функции при-

ложения и приведены рекомендации по его использованию, а также даны контакты разработчика для обратной связи.

В числе рекомендаций по использованию отмечены следующие моменты.

На одной словарной карточке может быть выбран только один район. Если слово используется в нескольких районах, нужно заполнить несколько словарных карточек, каждый раз выбирая конкретный район.

У слова может быть несколько значений, которые используются в одном районе. Для того чтобы однозначно соотнести значение и примеры употребления, на одной карточке следует указывать только одно значение. В результате должно быть создано столько карточек, сколько у слова значений.

Если пользователю неудобно в процессе заполнения карточки использовать мышь, чтобы нажать на кнопки с ударениями, то он может обозначить ударную гласную, поставив после нее апостроф. Когда работа с полем будет завершена, т. е. пользователь нажмет на любой другой элемент приложения, сочетание гласной буквы и апострофа будет заменено на символ ударной гласной.

«Копилка слов» в учебном процессе

Приложение «Копилка слов» было предложено для работы студентам, обучающимся по направлению подготовки 45.03.01 «Филология», во время учебной практики в 2023–2024 гг. Студенты внимательно изучили функционал разработанного приложения и в первый год работы с приложением обработали суммарно 592 словарные карточки. Собранный в результате набор данных был проанализирован: определена его структура и статистические характеристики, создано облако слов. В первый год приложение показало себя достаточно эффективно. Некоторые недостатки, о которых говорили студенты, были исправлены. Во второй год работы с приложением, во время второй практики, студенты обработали 1446 словарных карточек. Приложение подтвердило свою эффективность, активнее использовалось в практике, глубже интегрировалось в учебный процесс, позволило увеличить объем обработанного материала. Приложение также позволило поддержать заинтересованность студентов.

После практик студенты оставили обратную связь по использованию приложения, отметив удобство графического интерфейса и облегчение работы по оцифровке карточек.

Также были названы следующие положительные моменты:

- приложение легко устанавливается;
- приложение не требует подготовки перед началом работы;
- в приложение добавлена возможность поставить буквы с ударениями, не нужно самостоятельно разыскивать необходимые символы.

Приведем один из отзывов:

«Программа легко и быстро устанавливается на ноутбук, работает без зависаний. Все понятно и прозрачно; очень удобно, что есть клавиши с ударными буквами и их не надо копировать из других мест, есть выпадающий список с районами. Уже внесенные карточки удалить можно только после двойного выпадающего окна, что помогает избежать случайного удаления нужных карточек».

Выводы

Приложение «Копилка слов», безусловно, обладает потенциалом для дальнейшего развития. Так, например, в приложение внедряются инструменты лингвистического анализа, в том числе с использованием нейронных сетей. Кроме того, в приложение можно внедрить технологии распознавания письменного текста, чтобы дополнительно снизить потребность в ручном труде по оцифровке словарных карточек. В настоящий момент разрабатывается аналогичное мобильное приложение, которое будет возможно использовать во время выездных практик для сбора и обработки диалектного материала, когда нет возможности воспользоваться компьютером.

Список литературы / References

Архангельский областной словарь; под редакцией О. Г. Гецово́й. Москва: Издательство Московского университета, 1980–1996.

Arkhangelsk regional dictionary; ed. by O. G. Getsova. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980–1996. (In Russ.)

Васильев В. П., Васильева Е. В. *Русские народные говоры: способы сбора, обработки и описания диалектного материала: в 2 ч. Ч. 1*. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. 230 с.

Vasilev V. P., Vasileva E. V. *Russian folk dialects: methods of collecting, processing and describing dialect material: in 2 parts. Part 1*. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2015. 230 p. (In Russ.)

Драчева Ю. Н. Электронный корпус диалектных текстов в аспекте изучения динамики культурных концептов (на примере мультимедийного корпуса вологодских текстов). *Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография: Сборник Всероссийской школы-семинара*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014, с. 114–121. EDN: TORXYH

Dracheva Iu. N. The electronic corpus of dialect texts in the aspect of studying the dynamics of cultural concepts (based on the multimedia corpus of Vologda texts). *Modern Russian lexicology, lexicography and linguogeography: Collection of the All-Russian school-seminar*. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, pp. 114–121. (In Russ.) EDN: TORXYH

Кузнецова Е. В. Информационная система «Лексический атлас Волгоградской области»: научный материал в учебном процессе вуза. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. с. 335–344. EDN: SWRCCD

Kuznetsova E. V. The information system “Lexical Atlas of Volgograd region”: scientific material in the educational process at university. *Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research)*. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2013, pp. 335–344. (In Russ.) EDN: SWRCCD

Лутовинова И. С., Тарасова М. А. *Диалектологическая практика*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. 227 с.

Lutovinova I. S., Tarasova M. A. *Dialectological practice*. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2003. 227 p. (In Russ.)

Ненашева Л. В. *Тематический словарь архангельских говоров. Вып. 1: Одежда, обувь, головные уборы, украшения, ткани.* Архангельск: КИРА, 2023. 192 с.

Nenasheva L. V. *Thematic dictionary of Arkhangelsk dialects. Ed. 1: Clothing, shoes, hats, jewelry, fabrics.* Arkhangelsk: KIRA, 2023. 192 p. (In Russ.)

Ненашева Л. В., Шурыкина Л. С. Электронный словарь архангельских говоров. *Арктика и Север. Архангельск*, 2024, № 55, с. 243–252. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.243>

Nenasheva L. V., Shurykina L. S. Electronic dictionary of Arkhangelsk dialects. *Arctic and North*, 2024, no. 55, pp 243–252. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.243>

Свешникова Н. В. Специфика категории рода существительных в Среднерусском говоре (на материале Саратовского диалектного корпуса). *Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: материалы Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. I. (г. Псков, 26–28 апреля 2012 г.)*. Псков: Псковский государственный университет, 2012, с. 110–116. EDN: YSUGIS

Sveshnikova N. V. The specifics of the category of the noun gender in the Central Russian dialect (based on the material of the Saratov dialect corpus). *Russian language and literature in a multi-cultural communicative space: Proceedings of the International Scientific Conference: in 2 parts. Part I.* Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi universitet, 2012, pp. 110–116. (In Russ.) EDN: YSUGIS

Словарь говоров Русского Севера: в 7 т.; под редакцией А. К. Матвеева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001–2018.

Dictionary of dialects of the Russian North: in 7 vol.; ed. by A. K. Matveev. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001–2018. (In Russ.)

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6; под редакцией И. С. Лутовиновой, Л. П. Михайловой. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994–2005.

Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions. Ed. 1–6; ed. by I. S. Lutovinova, L. P. Mikhailova. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1994–2005. (In Russ.)

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2021.

Dictionary of Russian folk dialects. Ed. 1–52. Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka, 1965–2021. (In Russ.)

Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1–5.; составитель Т. В. Кириллов и др. Тверь: Тверской государственный университет, 2002–2006.

Thematic dictionary of dialects of Tver region. Ed. 1–5.; compiled by T. V. Kirillov et al. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2002–2006. (In Russ.)

Dash N. S. Documentation of a Dialect through the Use of a Dialect Corpus. *Janajati Darparm: A Multilingual International Series on Tribals and Dalits of India*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 42–58. Available at: https://www.researchgate.net/publication/348482915_Documentation_of_a_Dialect_through_the_Use_of_a_Dialect_Corpus (accessed: 08.07.2024).

Сведения об авторах

Лариса Викторовна Ненашева – доктор филологических наук, профессор; l.nenasheva@narfu.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Larisa V. Nenasheva** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0001-8580-5980>, l.nenasheva@narfu.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnaya Dvina, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Людмила Сергеевна Шурыкина – ассистент; <https://orcid.org/0009-0004-8547-1967>, l.shurykina@narfu.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Lyudmila S. Shurykina** – Assistant Lecturer, <https://orcid.org/0009-0004-8547-1967>, l.shurykina@narfu.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnaya Dvina, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 14.10.2024.

The article was submitted 09.09.2024; Approved after reviewing 30.09.2024; Accepted for publication 14.10.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 89–99.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 89–99.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-8>

<https://elibrary.ru/hggguf>

Речевой жанр «разговор по душам» в русскоязычном фанфикшне по «Гарри Поттеру»

Римма Юрьевна Петрова

Вологодский научный центр Российской академии наук,
Вологда, Россия

rimma-petrova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2044-3498>

Аннотация. В фокусе исследования – интерпретация фикрайтерами речевого жанра «разговор по душам» в фанфикшне. Необходимость осуществления подобного исследования основывается на недостаточной изученности речевых практик, используемых наивным автором в фанатских текстах. Материалом для исследования стали наиболее популярные среди русскоязычных читателей фанфики о Гарри Поттере. Мы делаем акцент на модификации речевого жанра «разговор по душам», а также на причинах этих изменений. В результате проведенного анализа становится возможным утверждать, что, несмотря на интуитивное использование фикрайтерами данного речевого жанра как одного из главных средств для движения сюжета, разговор по душам, отвечающего всем требованиям, в фанфикшне обычно не происходит, как из-за неподходящих сюжетных обстоятельств, так и из-за неумения автора-непрофессионала такой разговор прописать.

Ключевые слова: разговор по душам, наивный автор, русскоязычный фанфикшн, теория речевых жанров, поттериана

Для цитирования: *Петрова Р. Ю.* Речевой жанр «разговор по душам» в русскоязычном фанфикшне по «Гарри Поттеру» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 89–99. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-8>; EDN: HGGGUF

Speech genre “heart-to-heart talk” in Russian fanfiction about Harry Potter

Rimma Yu. Petrova

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Vologda, Russia

rimma-petrova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2044-3498>

Abstract. The focus of the study is the interpretation of the speech genre “heart-to-heart talk” in fanfiction by fictional writers. The necessity of such a research is based on the insufficient study of speech practices used by a naive author in fanfiction texts. The material for the study was the most popular Harry Potter fanfics among Russian readers. The author of the article emphasizes the modification of the speech genre “heart-to-heart talk” in the text and makes the conclusion on the reasons of these changes. As a result of the analysis, it becomes possible to state that, despite

© Петрова Р. Ю., 2025

fictional writers' intuitive use of this speech genre as one of the main means of plot movement, a heart-to-heart conversation that meets all the requirements usually does not take place in fanfiction. The most suitable reasons are: inappropriate plot circumstances and the inability of the non-professional author to write such a conversation.

Keywords: heart-to-heart talk, naive author, Russian fanfiction, speech genre theory, Harry Potter novels and movies

For citation: Petrova R. Yu. Speech genre “heart-to-heart talk” in Russian fanfiction about Harry Potter. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 89–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-8>; EDN: HGGGUF

Введение

Фанфикшн – это любительское сочинение по мотивам оригинальных произведений, фильмов, сериалов, комиксов и т. д.¹ На русском языке написано большое количество фанфиков, относящихся к разным фандомам: популярные книги («Гарри Поттер», «Гордость и предубеждение»), фильмы / сериалы («Стартрек», «Бриджертоны», «Отель дель Луна»), компьютерные игры («Геншин»), жизнь известных людей из мира шоу-бизнеса (азиатские айдолы, американские певицы и актеры, русские комики и стендаперы).

Количество фанатских текстов по Поттериане (серии романов о Гарри Поттере, а также по их экранизациям) огромно, отличается языковым разнообразием и не поддается точному подсчету (как минимум из-за дублирования одних и тех же текстов на разных сайтах). Новые фанфики на русском языке появляются ежедневно, пользуются популярностью, обсуждаются фанатским сообществом и даже обзаводятся собственными приквелами / сиквелами, фанартами, видео- и аудиоверсиями. Установились наиболее популярные пейринги (романтические отношения между героями), для которых были придуманы соответствующие термины: «Драмиона» (Драко + Гермиона), «Снейджер» (Снейп + Грейнджер), «Ромиона» (Рон + Гермиона) и т. д.

Существуют исследования русскоязычного фанфикшна лингвистического, литературоведческого, социологического и социокультурного характера и работы, в которых фанатские тексты относятся к постфольклорным явлениям, но особой популярностью в последнее десятилетие пользуется подход, относящий фанфики к сетевым феноменам².

¹ Молокова Л. В., Зуева С. И. Явление «фанфикшн» как литературный феномен конца XX – начала XXI века // Молодежный вестник ИРГТУ. 2021. Т. 11, № 3. С. 151–155. EDN: KUSMNL

² Прасолова К. А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века: творчество поклонников Дж. К. Ролинг: дис. ... канд. филол. наук. Калининград: [б. и.], 2009. 259 с.; Булдакова Ю. В. Фанфикшн: научное осмысление маргинального жанра // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2015. № 7 (20). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2348> (дата обращения: 30.03.2025); Антипина Ю. В. Жанровые особенности фанатской прозы (на примере фанфикшна по творчеству братьев Стругацких) // *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 54, № 13 (228). С. 21–25.; Прокофьева В. Ю. Жанровые трансформации непрофес-

Вопрос об употреблении речевого жанра «разговор по душам» в фанфикшне представляет интерес в рамках подхода к фанатским текстам как к произведениям наивного автора. В перспективе результаты проведенного анализа могут быть встроены в исследование речевой практики наивного автора на материале фанфикшна.

Основная часть

Связанное с «требованиями / нормами “этического дискурса” понятие “актуализатора”» наиболее полно отображается в художественном тексте через русский коммуникативный идеал – речевой жанр «разговор по душам»¹. Кооперативно-актуализаторский подтип речевого поведения (по терминологии К. Ф. Седова) отражает «высший уровень коммуникативной компетенции человека, зависящий от его способности к речевой кооперации»². Основное правило такой коммуникации – стремление понять собеседника, оказаться на его месте, взглянув на ситуацию его глазами.

Подобный подход к взаимодействию между людьми налагает определенные ограничения на форму речи: становятся несущественными внешняя изощренность, забота о форме речи, вежливость³. В. В. Дементьев отмечает следующие присущие актуализаторству как явлению русской коммуникации и культуры признаки: искренность, неофициальность, оппозитивность, содержательная насыщенность, общая формальная неизощренность. К. Ф. Седов предполагает, что актуализаторское поведение пересекается с такими ключевыми для русской культуры идеями / концептами, как искренность, дружба, душа, правда, справедливость.

Н. А. Арутюнова выделяет в своей «очень общей схеме жанров общения» диалог, целью которого является «установление или регулирование межличностных отношений»⁴; подвид такого взаимодействия – унисон, имплицитный искренние признания. В процессе подобного диалога, схожего по сути с разговором по душам, инициатор беседы стремится воздействовать на собеседника, побудить его к поступку, предоставляя определенную информацию; такое высказывание, склонное выражать деонтическую установку персонажа, может быть построено в форме «совета, пожелания, правила поведения»⁵.

Н. В. Самутина, цитируя Г. Дженкинса, утверждает: «Социальное положение ряда авторов русского фанфикшна подпадает под емкую характеристику, данную со-

сиональной сетевой литературы: фанфики и пирожки // Жанровые трансформации в литературе и фольклоре. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 299–320. EDN: SJDESA

¹ Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2022. 831 с.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Арутюнова Н. Д. и др. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. Москва: Наука, 1992. 281 с.

⁵ Байдицкая Л. И., Сабурова Н. А. Деонтическая модальность и лингвистические средства ее репрезентации в кодексе профессиональной этики // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 5 (19). С. 105–110.

временным фанатам Генри Дженкинсом: «Фанаты очень часто – люди, образование которых намного превышает уровень задач, которые они вынуждены выполнять на работе, чьи интеллектуальные способности не задействуются в их профессиональной жизни»¹. В то же время нестабильность существования на постсоветском пространстве, причудливость профессиональных, географических, личных траекторий граждан бывшего Советского Союза приводят к большому разнообразию комбинаций, и это разнообразие находит свое полное выражение в русском фандоме»². Если интеллектуальный уровень фикрайтеров, как утверждает Г. Дженкинс и вслед за ним Н. В. Самутина, выше уровня их окружения, то вполне закономерно было бы предположить, что в своих текстах такие авторы изображают высшую модель коммуникации – речевой жанр «разговор по душам».

Прежде чем переходить к анализу фанатских текстов, следует учесть, что профессиональными литераторами фикрайтеры не являются, следовательно, в качестве «дискурсивных дилетантов» могут создать только «наивную» литературную продукцию»³.

Материалом для анализа стали следующие популярные в русскоязычном фандоме тексты: «Платина и Шоколад» (автор Настя Чацкая), «Ну уж нет, Грейнджер» (автор Kolumnist), «Иммунитет» (автор Mazai-Krasovskaya Jana), «Мать-и-мачеха» (автор Кицунэ Миято).

Выбранные тексты обладают чертами, присущими разным литературным жанрам. «Платина и шоколад» и «Ну уж нет, Грейнджер» построены по законам женского любовного романа (с добавлением детективной линии и признаков готического романа); в «Ну уж нет, Грейнджер» также присутствуют черты классической американской романтической комедии. «Иммунитет» – история об ученичестве и наставничестве, с описанием особых уз, связывающих ученика и учителя, таинственных и недоступных простым смертным ритуалов, уходящих корнями как в традиции средневековой Европы, так и в восточные практики (например, упоминается тройственный ритуал наставничества в Китае). «Мать-и-мачеха» – наиболее необычный текст из всей подборки: Алиса (персонаж романа «Дневной дозор» С. Лукьяненко) попадает в тело матери Северуса Снейпа. Это история направления fix-it: как сложилась бы судьба одного из наиболее противоречивых героев поттерианы, если бы его матерью стала женщина, которая, по мнению автора, наиболее грамотно подошла бы к воспитанию ребенка.

Тон разговора по душам в фанфике задают присущие каждому отдельному тексту жанровые черты.

Настя Чацкая в фанфике «Платина и шоколад» использует разговор по душам, если необходимо показать сближение героев, выстраивание новых отношений с друзьями и укрепление прежних, осознание персонажами своего личностного роста и

¹ Jenkins H. Textual poachers: television fans and participatory culture. New York: Routledge, 1992. 354 p.

² Самутина Н. В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 137–194.

³ Лурье М. С. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. Москва: РГГУ, 2001. С. 15–28.

принятие себя, просьбу о поддержке. По сюжету фанфика Нарциссу Малфой лишают памяти, оставляя ее сына Драко практически сиротой. В одном из наиболее ярких в анализируемом тексте примеров разговора по душам, посвященном ключевому для русской культуры концепту «семья», Драко и Блейз Забини обсуждают происходящее (слова автора убраны здесь и далее нами. – Р. П.):

«Драко: Мой сын Драко. Так она меня называет.

Блейз: Послушай меня. Нарцисса... Она не знает, кто ты, Малфой. Она увидела тебя впервые в начале лета.

Драко: Я знаю.

Блейз: Дай ей шанс.

Драко: Шанс на что?

Блейз: Стать твоей семьей.

Драко: Она и есть моя семья. То, что от нее осталось.

Блейз: Тогда дай ей шанс узнать тебя.

Драко: Узнать?

Блейз: Драко. Ей тоже тяжело.

Драко: Я знаю.

Блейз: Из меня такой же фиговый советчик, как и из тебя, но я хочу тебе помочь.

Драко: Я знаю, Блейз».

Блейз, в ответ на искреннее признание Драко, поддерживает его, дает совет в форме деонтической установки, т. е. побуждает к определенному поступку (попытаться заново выстроить отношения с матерью; далее по сюжету именно это обстоятельство спасает жизнь Гермионе Грейнджер).

Важность семьи активно подчеркивает и Гарри, пытаясь инициировать обмен искренними признаниями в своей беседе с Гермионой (примечательно, однако, что разговор по душам у студентов Гриффиндора в этот момент не складывается):

«Гарри: Послушай. Просто помни, что ты можешь поговорить со мной. С нами. Обо всем, понимаешь? Обо всем. Ты моя семья, Гермиона. Ты и Рон. Больше у меня никого не осталось, понимаешь? Я никому не позволю вам навредить. Если война меня чему-то и научила, то... Мерлин, смотришь на Малфоя – ну и фиг с ним! Правда. Смотри на Малфоя, если хочешь. Но если он навредит тебе – я сверну ему шею. И все. Поняла? Я пытаюсь сказать, что никогда не смогу этого понять, но...

Гермиона: Не надо, Гарри. Пожалуйста. Давай просто... не будем больше говорить об этом бреде. Никогда».

В фанфике «Ну уж нет, Грейнджер» разговоров по душам меньше всего (что логично для жанра романтической комедии, пришедшего к нам из Европы, где в русском его понимании он отсутствует). Автор использует разговор по душам только ближе к концу повествования, когда герои уже изменились и способны более эффективно реализовать актуализаторские навыки. Например, в эпизоде, когда герои обсуждают одну из самых болезненных тем потерятианы (как в каноне, так и в фаноне) – явно уходящее корнями в евгенику и расизм различие между «чистой» (магической) и «грязной» (немагической) кровью (т. е. происхождением), и переходят к обсуждению их будущего ребенка:

«Гермиона: Тебя волнует мое происхождение?»

Драко: Уже давно не волнует, но в моей семье не будут рады тому, что мать моего ребенка – магглорожденная.

Гермиона: Они не знают?

Драко: Нет. Я не знаю, как они отреагируют. Но предполагаю, что отец в качестве поздравления пришлет мне какое-нибудь проклятие за то, что связался с тобой, а мама заставит жениться.

Гермиона: Ни за что!

Драко: Именно такую реакцию я и предполагал. Но у ребенка будет моя фамилия.

Гермиона: Мерлин. Дай ему хотя бы родиться! Ты уже наверняка расписал его жизнь на годы вперед.

Драко: Нет. Ну, ладно, не совсем! Но разве плохо, что я думаю о его будущем?

Гермиона: Нет. Неплохо. Но не переусердствуй, пожалуйста. Он же тоже должен будет принимать в своей собственной жизни хоть какое-то участие и самостоятельные решения.

Драко: Я понимаю».

Разговоры по душам в фанфике «Иммунитет» несколько парадоксальны: они носят дидактически-назидательный характер со стороны учителя / наставника и одновременно с самого начала повествования отличаются высоким уровнем откровенности; в этом фанфике деонтические установки героев раскрываются наиболее подробно во время разговора по душам в форме советов и правил поведения. Кульминацией взаимодействия изначально не доверявших друг другу Гарри и Снейпа стала беседа о прощении своих и чужих ошибок, после которой отношения между учителем и учеником коренным образом изменились:

«Снейп: Неужели вы смогли за все простить меня, Поттер?..

Гарри: А... разве я вам судья?

Снейп: Кто же, кроме вас?

Гарри: Вы сами. Кстати, судью было бы неплохо поменять, вы слишком пристрастны и не совсем справедливы.

Снейп: Я? Да что вы себе...

Гарри: Раз вы сами сейчас дали мне это право, то сидите и слушайте. Я же вижу, что вы сами себе не прощаете и вам так... хреново, почему еще и я должен считать вас виноватым?.. Мне кажется, это чересчур. Неправильно. Давайте... давайте просто жить, профессор. Со всем этим. Жил же я раньше как-то... фигово жил, если честно, не то, что теперь. Значит, дальше тем более смогу. Вы столько лет искупаєте свои ошибки... Может, хватит?

Снейп: Драная легилименция...

Гарри: То, что прошло – прошло, и этого ничто не изменит. Ни то, что вы терзаете себя виной – я же все это чувствую! – ни то, кто из нас кого простит... Да какая разница! Может, лучше, чтобы я совсем не родился, ведь, если бы маме не пришлось защищать меня, у нее был бы шанс? Да на них вообще бы никто не напал, если бы меня не было. Можно сколько угодно казнить себя, но ничего не изменится. А главное, кому это нужно? Изменить мы можем только то, как живем сейчас.

Сделать все возможное, чтобы жить стало лучше. Интересней. И вам, и мне. У нас ведь уже стало здорово получаться! Вашу руку, профессор.

Кицунэ Миято, рассказывая в интервью о своем подходе к написанию текстов, характеризует свою работу следующим образом: «Я использую методы нейролингвистического программирования – минимум описаний, которые очень скупые, но каждый читатель все прекрасно понимает. Это достигается путем использования ассоциативных шаблонов: например, упоминая в тексте “лес, похожий на парк” и “зловещая чащоба” – читатель определит, в чем разница, это легко представить, не углубляясь в ботанику. Такие короткие емкие описания позволяют читателю не “выскакивать” из вашей истории, продолжать видеть образы, а не буквы. Длинные описания (например, березы) читатель проматывает, а если читатель этого не читает, то зачем это писать? Пишите только то, что важно... читатель не дурак, он сам все представит, как только вы зададите вектор»¹. Прочитированный отрывок позволяет понять, что автор представляет в общих чертах, как создается текст, и может выбрать подходящие для определенной ситуации языковые средства. Именно в фанфике авторства Кицунэ Миято «Мать-и-мачеха» наиболее разносторонне представлен разговор по душам: этот фанатский текст обладает чертами романа взросления, в него включен широкий спектр тем: самопознание и принятие себя, потеря близких, буллинг в школе, адаптация к новым условиям и т. д.

Например:

«Элис: Ты поступил бы, как Темный. Светлый, скорее всего, послушал бы Лили, полез на бандита, сам попался и ее бы не спас, все такое. Либо, не знаю, потратил бы все силы на то, чтобы как-то обездвигнуть злодея, и героически погиб на руках рыдающей подружки.

Северус: Как-то глупо.

Элис: Ну так Свет всегда на виду, им нужны зрители и показной героизм, а настоящие герои держатся в тени и не выпячиваются. Но помогают только тем, кто им нравится, а не всем подряд. Иначе это же не будет ни минуты покоя.

Северус: Тогда я бы хотел стать Темным, как ты.

Элис: Ты мне будешь нравиться, даже если станешь Светлым. Для меня ничего не изменится, ведь ты мой».

В. В. Дементьев отмечает различие систем ценностей, лежащих в основе представлений о «мужском» и «женском» разговоре по душам. Как в «мужском», так и в «женском» разговоре по душам «психологический выигрыш» говорящих состоит в обретении чувства родства с собеседником и в ощущении себя социально полноценной личностью, но для мужчин важнее испытать чувство душевного родства с собеседником и принять участие в рождении сокровенного знания, в то время как для женщин социальная полноценность проявляется «только в ощущении себя достойной поддержки и сочувствия»², а способность принимать участие в генерации сокровенного знания, по мнению исследователя, необходимой для ощущения себя со-

¹ Интервью с автором «Книги Фанфиков» Кицунэ Миято. URL: <https://youtu.be/ESeGoY4j7RU?si=DgF1L6ftPOXdrbX> (дата обращения: 30.03.2025).

² Дементьев В. В. Разговор по душам // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. Москва: Лабиринт, 2007. С. 231–246.

циально значимой не является. В фанфикшне разговор по душам немного меняет свою роль: в тексте «Мать-и-мачеха» мать-ведьма передает сыну тайные знания об устройстве мира и взаимодействии с ним. Для мальчика эта беседа становится одним из решающих моментов для его последующей жизни.

Выводы

Примеры использования разговора по душам как русского коммуникативного идеала в фанатских текстах показывают, что, несмотря на все признаки наивного автора в проанализированных работах, фикрайтеры пытаются изобразить языковую личность, обладающую качествами актуализатора. Возможно, так происходит из-за интуитивного понимания непрофессиональными писателями (которыми в большинстве своем являются авторы фанатских текстов) законов построения литературного произведения, способов придать глубину и выпуклость своим персонажам.

Разговор по душам, как ключевой для русской культуры речевой жанр, приобретает особую важность для фикрайтеров, становясь основообразующим элементом в фанатском тексте. Во время разговоров по душам герои могут обсуждать следующие темы: правила взаимодействия в семье, взаимодействие с неприятными людьми из окружения, ксенофобия, смерть близких, взросление, личностный рост, принятие себя, принятие близких вне зависимости от их качеств и внешних / магических данных, создание семьи, поиски своего места в жизни и в социуме, самоопределение, будущее детей, буллинг в школе, магическая сущность, самоубийство матери, адаптация в новой школе, бессмертие, как принять уход близких, как изменить будущее, проблемы в семье, осознание своей инаковости, признание истинного (порицаемого в классовом обществе поттерианы) происхождения родителей, травмирующие события из прошлого и прощение ранивших героиню людей.

Разговор по душам в фанфиках происходит в те моменты, когда герои испытывают личностный кризис, кризис самоопределения, пытаются найти свое место в социуме, построить отношения с окружающими и разрешить создавшиеся недопонимания с близкими людьми (друзьями, детьми, родителями).

Не всегда разговор по душам, как его представляют в фанфикшне, соответствует канону данного речевого жанра. На это есть несколько причин: 1) по логике повествования герои, которые только начали сближаться, не всегда могут применить навыки актуализаторства во время коммуникативного взаимодействия с неприятным им человеком; 2) не всегда герои могут быть настроены на откровенное обсуждение создавшихся коммуникативных неудач; 3) фикрайтеру, как наивному автору, не всегда удастся правдоподобно прописать разговор по душам, не теряя при этом в качестве текста.

На примере использования речевого жанра «разговор по душам» проявляется «дискурсивный дилетантизм» русскоязычных фикрайтеров: интуитивно наивные авторы используют именно русский вариант разговора по душам для изображения наиболее важных сюжетных сцен, при этом фанатский текст представляет собой сплав из первоисточника (поттерианы) и явно обладающих чертами русского менталитета наработками фикрайтера. Следует отметить, что, несмотря на прилагаемые

наивными авторами старания, отобразить идеал русской коммуникативной ситуации в создаваемом тексте у них получается нечасто.

Список литературы / References

Антипина Ю. В. Жанровые особенности фанатской прозы (на примере фанфикшна по творчеству братьев Стругацких). *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение*, 2011, вып. 54, № 13 (228), с. 21–25.

Antipina Iu. V. Fanfiction genre system: the experience of comparative analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art history*, 2011, iss. 54, no. 13 (228), pp. 21–25. (In Russ.)

Арутюнова Н. Д. и др. *Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис*. Москва: Наука, 1992. 281 с.

Arutiunova N. D. et al. *The human factor in language: Communication, modality, deixis*. Moscow: Nauka, 1992. 281 p. (In Russ.)

Байдицкая Л. И., Сабурова Н. А. Деонтическая модальность и лингвистические средства ее репрезентации в кодексе профессиональной этики. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2015, № 5 (19), с. 105–110.

Baiditskaia L. I., Saburova N. A. Deontic modalities and linguistic means of its representation in the code of professional ethics. *Bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2015, no. 5 (19), pp. 105–110. (In Russ.)

Балашова Л. В., Дементьев В. В. *Русские речевые жанры*. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2022. 831 с.

Balashova L. V., Dement'ev V. V. *Russian speech genres*. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK, 2022. 831 p. (In Russ.)

Булдакова Ю. В. Фанфикшн: научное осмысление маргинального жанра. *Universum: Филология и искусствоведение*, 2015, № 7 (20). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/234> (дата обращения: 30.03.2025).

Buldakova Iu. V. Fan fiction: scientific reflection of marginal genre. *Universum: Philology and Art History*, 2015, no. 7 (20). (In Russ.) Available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/234> (accessed: 30.03.2025).

Дементьев В. В. Разговор по душам. *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация*. Москва: Лабиринт, 2007, с. 231–246.

Dement'ev V. V. Heart-to-heart conversation. *Anthology of speech genres: everyday communication*. Moscow: Labirint, 2007, pp. 231–246. (In Russ.)

Интервью с автором «Книги Фанфиков» Кицунэ Миято. URL: <https://youtu.be/ESeGoY4j7RU?si=DgF1L6fltPOXdrbX> (дата обращения: 30.03.2025).

Interview with Kitsune Miyato, the author of the "Book of fanfiction". (In Russ.) Available at: <https://youtu.be/ESeGoY4j7RU?si=DgF1L6fltPOXdrbX> (accessed: 30.03.2025).

Лурье М. С. О феномене наивного сочинительства. *«Наивная литература»: исследования и тексты*. Москва: РГГУ, 2001, с. 15–28.

Lur'e M. S. *On the phenomenon of naive writing. "Naive literature": studies and texts*. Moscow: RGGU, 2001, pp. 15–28. (In Russ.)

Молокова Л. В., Зуева С. И. Явление «фанфикшн» как литературный феномен конца XX – начала XXI века. *Молодежный вестник ИРГТУ*, 2021, т. 11, № 3, с. 151–155. EDN: KUSMNL

Molokova L. V., Zueva S. I. The phenomenon of “fan fiction” as a literary phenomenon of the late XX – early XXI century. *Young Researchers' Journal of ISTU*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 151–155. (In Russ.) EDN: KUSMNL

Прасолова К. А. *Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века: творчество поклонников Дж. К. Ролинг: дис. ... канд. филол. наук*. Калининград: [б. и.], 2009. 259 с.

Prasolova K. A. *Fanfiction: a literary phenomenon of the late twentieth and early twenty-first centuries: the works of J. K. Rowling's fans: Cand. thesis in Philological Sciences*. Kaliningrad, 2009. 259 p. (In Russ.)

Прокофьева В. Ю. Жанровые трансформации непрофессиональной сетевой литературы: фанфики и пирожки. *Жанровые трансформации в литературе и фольклоре*. Челябинск: Энциклопедия, 2012, с. 299–320. EDN: SJDESA

Prokof'eva V. Yu. Genre transformations of non-professional online literature: fanfiction and “pies”. *Genre transformations in literature and folklore*. Cheliabinsk: Entsiklopediia, 2012, pp. 299–320. (In Russ.) EDN: SJDESA

Самутина Н. В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта. *Социологическое обозрение*, 2013, т. 12, № 3, с. 137–194.

Samutina N. V. The great female readers: fan fiction as a literary experience. *Russian Sociological Review*, 2013, vol. 12, no. 3, pp. 137–194. (In Russ.)

Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности. *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000, с. 298–312.

Sedov K. F. Speech behavior and types of linguistic personality. *Cultural and speech situation in modern Russia*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000, pp. 298–312. (In Russ.)

Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. *Очерк английского коммуникативного поведения*. Воронеж: Истоки, 2003. 183 с.

Sternin I. A., Larina T. V., Sternina M. A. *An essay on English communicative behavior*. Voronezh: Istoki, 2003. 183 p. (In Russ.)

Jenkins H. *Textual poachers: television fans and participatory culture*. New York: Routledge, 1992. 354 p.

Сведения об авторе

Римма Юрьевна Петрова – редактор; <https://orcid.org/0009-0004-2044-3498>, rimma-petrova@mail.ru, отдел редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (д. 56а, ул. Горького, 160014 Вологда, Россия); **Rimma Yu. Petrova** – Editor, <https://orcid.org/0009-0004-2044-3498>

0004-2044-3498, rimma-petrova@mail.ru, Editorial & Publishing Activity and Science-Information Support Department, FSBIS Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56А, ul. Gorky, 160014 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 06.04.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 26.05.2025.

The article was submitted 06.04.2025; Approved after reviewing 12.05.2025; Accepted for publication 26.05.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 100–111.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 100–111.

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-9>

<https://elibrary.ru/kphnru>

Подростковая драма: к вопросу о генезисе и специфике жанра

Анна Андреевна Сеничева

Вологодский государственный университет,

Вологда, Россия

annasenicheva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3627-6570>

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение подростковой драмы через призму культурного феномена “young adult”, с акцентом на ее генезис в сопоставлении европейского и российского опыта. Исследование направлено на выявление взаимовлияющих тенденций, отражающих эволюцию отношения к подростку в культуре. Анализируются причины и ключевые особенности проявления подростковой драмы в новейшей драматургии XXI века, а также предпринимается попытка классификации основных типов конфликтов, характерных для данного жанра.

Ключевые слова: young adult, новейшая драма, подростковая драма, драматический конфликт, подросток

Для цитирования: Сеничева А. А. Подростковая драма: к вопросу о генезисе и специфике жанра // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 100–111. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-9>; EDN: KPHNRU

Teen drama: on the genesis and specificity of the genre

Anna A. Senicheva

Vologda State University,

Vologda, Russia

annasenicheva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3627-6570>

Abstract. The aim of this article is to examine teen drama through the lens of the cultural phenomenon known as young adult, with a focus on its genesis in comparison between European and Russian contexts. The research seeks to identify interrelated trends that reflect the evolving cultural perception of adolescence. The article analyzes the causes and key features of teen drama as manifested in the 21st-century contemporary playwriting and attempts to classify the main types of conflicts characteristic of the genre.

Keywords: young adult, contemporary drama, teen drama, dramatic conflict, teenager

For citation: Senicheva A. A. Teen drama: on the genesis and specificity of the genre. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 100–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-9>; EDN: KPHNRU

Введение

В XXI веке подростковая драма в России приобретает особую значимость, что обусловлено влиянием культурного феномена “young adult”. Развитие явления тесно связано с процессами культурной, социальной и литературной трансформации, где ключевыми этапами стали: антропологический (осмысление подросткового возраста как особого периода жизни); социальный (признание молодежи как самостоятельной группы); культурологический (утверждение специфических ценностей и идентичности); литературоведческий (формирование жанровых традиций); а также лингвистический (закрепление терминологии). Анализ данных этапов позволяет глубже понять генезис подростковой драмы как явления, интегрированного в литературный процесс.

Основная часть

Одной из первых, кто аналитически подошел к литературе для юных читателей, стала Сара Триммер, британская писательница и критик XVIII – начала XIX вв. В 1802 году в журнале *The Guardian of Education* она использовала понятие “young person” для обозначения аудитории 14–21 года¹. Эта работа положила начало канону литературы для подростков, актуальному и сегодня.

Как самостоятельный этап развития, обладающий биологической и психологической спецификой, подростковый возраст был осмыслен наукой только спустя сто лет. В 1904 году американский психолог Г. Стэнли Холл в работе “*Adolescence*” назвал его «новым рождением», временем формирования высших человеческих качеств. Он сравнивал этот период с периодом бури и натиска – фазой эмоционального поиска смысла жизни². Термин “young adult”, по наблюдению исследователей, в литературном контексте впервые появился в 1937 году, но стал широко использоваться только с 1958 года. Несмотря на активное применение в науке, в словарях он встречается редко³.

Значительный вклад в понимание подростковой среды внес социолог Телкотт Парсонс. В статье “*Age and Sex in the Social Structure of the United States*” (1942) он ввел понятие «молодежной культуры» как системы поведенческих паттернов, важной для социализации подростков⁴. Джон Сэвидж в книге “*Teenage: The Creation of Youth Culture 1875–1945*” показал, что подростковая культура формировалась постепенно под влиянием социальных, экономических и культурных факторов. Он про-

¹ Talley L. A. *Young Adult // Keywords for Children’s Literature* / ed. by P. Nel, L. Paul. New York: NYU Press, 2011. P. 228–232. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt9qg46g.53> (дата обращения: 26.11.2024).

² Hall G. S. *Adolescence: its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education*. New York: D. Appleton and Company, 1904. Vol. 1. 589 p.

³ Talley L. A. *Young Adult // Keywords for Children’s Literature* / ed. by P. Nel, L. Paul. New York: NYU Press, 2011. P. 228–232. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt9qg46g.53> (дата обращения: 26.11.2024).

⁴ Parsons T. *Age and Sex in the Social Structure of the United States // American Sociological Review*. 1942. Vol. 7, no. 5. P. 604–616.

следил, как термин “teenager” вошел в обиход в США в 1940-х гг. и обозначил подростков как самостоятельную культурную категорию. Закрепляется данное понятие и в Оксфордском словаре начала XX века: молодой человек 13–19 лет¹ – возраст близкий к современному пониманию целевой аудитории подростковой драмы в России. В русском языке термину “teenager” соответствуют «подросток», «юноша», «отрок». Несмотря на лексикографическую фиксацию в литературоведческой традиции долгое время игнорировалась возрастная дифференциация.

В отечественной литературе также предпринимались попытки осмысления специфики и классификации детской литературы. Важным событием стало издание в XVIII веке первого журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), учрежденного Н. И. Новиковым. Тем самым была заложена концепция признания за ребенком потенциала будущего взрослого и автономного читателя.

Развитие этих идей получило импульс в XIX веке в трудах первого детского литературного критика В. Г. Белинского. В своих статьях он поднял принципиальные проблемы отрицательной репутации детской литературы, которую «просто презирают»², и возрастной своевременности художественного материала. Особое внимание к взрослению проявил в своей трилогии «Детство. Отрочество. Юность» (1852–1857) Л. Н. Толстой. Автор подробно описывает переходные психологические этапы и вводит метафору «пустыни отрочества» – мотива, ставшего центральным в подростковой драме конца XX–XXI вв. В 1862 году Ф. Г. Толль выпускает первый систематический указатель детской книги «Наша детская литература», классифицируя тексты согласно возрасту читателей: 5–8, 8–12, 12–16 лет³. Параллельно педагог К. Д. Ушинский в работе «Человек как предмет воспитания» (1868–1869) также подчеркивает необходимость учитывать подростковую специфику.

Значимый теоретический вклад в трактовку подросткового возраста внес Л. С. Выготский, определяя его как нормативно-кризисный этап между детством и взрослением, возникающий в ходе исторического расширения границ детства. Он определяет 13 лет как точку перелома, что соответствует современному понятию «тинейджер».

К началу XX века в литературоведении был обоснован интерес к внутреннему миру и самоопределению юного героя. Эти идеи подготовили почву для искусства советского периода, когда после 1917 года внимание к процессу взросления было переосмыслено в контексте задач социалистического воспитания и формирования нового типа личности.

Нами предпринята попытка выделения ключевых этапов наиболее яркого проявления подростковой культуры в России на протяжении насыщенного событиями XX века.

¹ Murray J. A. N. The Oxford English Dictionary. Oxford: At the Clarendon Press, 1919. 906 p.

² Белинский В. Г., Чернышевский Н. Г., Добролюбов Н. А. О детской литературе. Москва: Детская литература, 1983. С. 88.

³ Толль Ф. Г. Наша детская литература: опыт библиографии современной отечественной детской литературы, преимущественно в воспитательном отношении. Санкт-Петербург: Типография Э. Веймара, 1862. С. 1.

1. Подросток как человек будущего – институциональная поддержка государства (1917–1940-е гг.).

Подростковая литература получает институциональную поддержку, которая находит свое выражение в создании специализированного «Детского государственного издательства» (1919) и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина (1922). Эти структуры формируют литературное пространство, ориентированное на подростковую аудиторию и включающее журналы «Северное сияние» (1919–1920) и «Пионер» (1924–2016), которые способствуют формированию образа подростка как активного строителя социалистического общества.

По всей стране открываются театры юного зрителя (первые в 1920 году в Харькове, в 1921 году в Москве). В программном «Положении об устройстве детского художественного театра» выдвигалось четкое требование к репертуару, который должен был черпать вдохновение «главным образом в сказке, фантастике и классических произведениях»¹, отвлекая детей от суровой реальности. Аудитория театров при этом подразделялась по возрастному признаку на младший и старший школьный возраст.

Этот период можно охарактеризовать как время поиска. По воспоминаниям Н. И. Сац, особенно остро ощущалась нехватка качественного драматургического материала для юного зрителя: «Но самая горячая энергия не могла в те времена повернуть драматургов театров для взрослых лицом к детям»². Постепенно появляются пьесы, созданные современниками (К. Тренев «Гимназисты», А. Крон «Винтовка № 49216», А. Афиногенов «Черный Яр»³), формируется новый образ юного героя времени.

2. От детства к долгу – окончательное становление идеологического канона (1940-е гг.).

В период Великой Отечественной войны окончательно формируется представление о новом типе юного героя как о маленьком взрослом. Именно в эти годы закрепляется канонический образ подростка – активного творца социалистического будущего. Война актуализирует вопрос самоидентичности и коллективной ответственности. На первый план выходят подростки-герои, готовые на подвиг (жертву).

Появляются пьесы различной тематики: о подвигах подростка на войне (постановка пьесы «Сын полка» В. П. Катаева, М. Алигер «Сказка о правде» (о Зое Космодемьянской), о трудовом подвиге («Где-то в Сибири» И. Ирошникова, «Товарищи» В. Пистоленко, «Далекий край» Е. Шварц), о детях, оказавшихся в интернатах за границей («Дорога на родину» («Федя Колосов») В. Пистоленко, «Я хочу домой» С. Михалков). Государство ставит перед драматургом конкретные идеологические задачи: «Всячески способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, с особой силой выявившихся во время Великой Отечественной

¹ Вестник театра. 1919. № 44. С. 9–10.

² Сац Н. И. Дети приходят в театр: страницы воспоминаний. Санкт-Петербург: Лань; Планета музыки, 2022. С. 185.

³ Там же. С. 26.

войны»¹. Социалистический идеал закрепляется на различных уровнях социальной структуры: от школьного класса и пионерской дружины до образа героической личности. Пионерские объединения борются за право носить имя юного героя, участника Великой Отечественной войны (Леня Голиков, Валя Котик, Саша Ковалев, Петя Клыпа и др.).

3. Юность как интуиция времени (1950–1960-е гг.).

Время «оттепели» характеризуется смягчением идеологического давления, обращением искусства к внутреннему миру личности. Молодость становится новой формой познания действительности, а общество словно вырастает из рамок сталинских идеалов. В этот период открываются ведущие театры второй половины XX века – «Современник», Театр драмы и комедии на Таганке. Появляются выдающиеся режиссеры: Ю. Любимов, Г. Товстоногов, А. Эфрос, О. Ефремов, а также драматурги нового поколения: В. Розов, А. Володин, М. Рошин и др.

В своих произведениях художники слова все чаще обращаются к юным героям как к интуитивным носителям правды будущего: «Молодежь всегда знает меньше взрослых, но интуитивно чувствует жизнь правильнее»². Героями времени оказываются вчерашние школьники, однако ключевым конфликтом эпохи становится столкновение «старого» и «нового», поколенческий разлом. Он находит свое отражение как в драме – «Моя старшая сестра» А. Володин; «В добрый час», «В поисках радости», «Неравный бой» В. Розов, – так и в кинематографе: А. Зархи «Мой младший брат» (1962).

4. Советский подросток между системой и хаосом (1970–1980-е гг., время позднего СССР).

В период упадка идеологии и поиска новой идентичности пьесы становятся более жестокими, абсурдными и исповедальными, а их герои мыслятся жертвами системы или ее циничными игроками. Подросток постепенно перестает быть объектом воспитания, превращаясь в зеркало социальной катастрофы («В день свадьбы» В. Розов, «Жестокие игры» А. Арбузов, «Уроки музыки» Л. Петрушевская, «Рогатка» Н. Коляда).

Следует отметить, что, как и в предыдущий период, в драматургии сохраняется устойчивый интерес к юному герою, который чаще всего репрезентируется через две ключевые стратегии: либо как фигура, интерпретируемая в контексте поколенческого конфликта, либо как персонаж, стоящий на пороге взрослой жизни (юноша, окончивший / покинувший школу, студент).

Именно в это время начинают появляться подростковые пьесы в их современном понимании, где подросток – не просто объект конфликта, но самостоятельный субъект действия. Характерным примером может служить драма Л. Разумовской «Дорогая Елена Сергеевна». В подобных пьесах все еще ощущается страх перед новым поколением: драматург наблюдает за подростками со стороны, часто через призму укорененных представлений о «норме», не сближаясь с героями, а скорее видя в них

¹ Советский театр и современность. Москва: ВТО, 1947. С. 11–12.

² Розов В. С. Избранное: [пьесы]. Москва: Искусство, 1983. С. 644.

отголоски травматического времени, его вывихи и искажения. Подросток здесь – тревожный знак перемен, а не партнер по диалогу.

В России этого периода формируется запрос на личную свободу, через который все отчетливее проявляется индивидуальность. Распространяются субкультуры: хиппи, рок, панки и т. д. Выходят культовые фильмы Д. Асановой «Не болит голова у дятла» (1974), И. Фрэза «Вам и не снилось» (1980), Р. Быкова «Чучело» (1983), К. Шахназарова «Курьер» (1986).

5. Подросток как субъект культуры и экономики (1990-е гг. – настоящее время).

Начало 1990-х гг. в российской культуре отмечено одновременно и как период глубокого кризиса, и как время стремительного прорыва. Значительное влияние на культуру оказывает падение «железного занавеса», сопровождавшееся разрушением советского мифа, эстетизацией маргинальности и художественным осмыслением травматического опыта. На фоне общего социального распада происходит расцвет молодежных субкультур, в страну проникает западная массовая культура: бренды, мультфильмы Disney, поп-музыка, глянец, что влечет за собой глобальную трансформацию культурной чувствительности. Происходит перелом и в литературном сознании: массовая культура активно вступает в диалог с уже укоренившимся пост-модернизмом, привнося в его природу элементы наивности, игры, симулякра и виртуальных технологий.

Обозначим причины актуализации интереса к подростковой драме в современной России.

1. Формирование подростковой культуры как самостоятельного явления, во многом соотносимого с западной категорией “young adult”. Существенную роль в этом процессе играют внелитературные факторы, способствующие становлению жанра и его медийной среды. Формируется целый пласт культурных продуктов, ориентированных на подростковую аудиторию: телевизионные программы («До 16 и старше», «Джунгли зовут», «Звездный час», «Фабрика звезд» и т. д.), гляцевые журналы (COOL, «Молоток», Oops! и т. д.), а также первые цифровые платформы и социальные сети, которые именно подростки осваивают наиболее активно (форумы, “LiveJournal”, «ВКонтакте», «Одноклассники» и др.). Подросток начинает восприниматься как особая целевая аудитория, способная формировать тренды, поддерживать медийные продукты и влиять на культурную повестку.

2. Осознание подростков как отдельной самостоятельной читательской группы. Так, на официальных сайтах крупных издательств появляются специальные разделы, ориентированные исключительно на подростков: «Книги для подростков» на платформе издательства «МИФ», рубрика «Подросткам» у «Самоката». Формируются отдельные импринты, направленные на аудиторию “young adult”: серия “Freedom” у издательства «Эксмо», специализированные издательства “Like Book”, “Popcorn Books” и др.

3. С цифровизацией общества существенно изменилось само отношение к детству и ребенку. Появляется понятие “kidult” («взрослый ребенок»), которое противопоставлено понятию “young adult” («маленький взрослый»). Ускоренные темпы жизни, глобализация Интернета и распространение цифровой культуры привели к

снятию традиционных табу, отделявших «детский» и «взрослый» мир. Можно говорить о размывании границ допустимого в публичной репрезентации детства, а в детской литературе все отчетливее звучит «тема ответственности ребенка за мир взрослого»¹.

На сегодняшний день термин «подростковая драма» в отечественном литературоведении остается неустоявшимся, что обусловлено рядом методологических и социокультурных трудностей. Сомнения вызывает и нечеткая граница возрастного периода, охватываемого подростковой литературой. Ключевой проблемой является кроссоверность художественного материала. Так, многие произведения, изначально адресованные подросткам, активно читаются взрослой аудиторией. Кроме того, сохраняется стереотипное отношение к подростковой литературе, укоренившееся еще в XIX веке, как к второстепенной, «вспомогательной» по отношению к «большой» литературе. Это сопровождается низким уровнем интереса со стороны профессиональной критики.

Тем не менее, в последние годы наблюдается устойчивый рост внимания к подростковой драме как к самостоятельному явлению, активно функционирующему в современном культурном пространстве. Несмотря на отсутствие устоявшегося статуса в академических исследованиях, востребованность и динамичное развитие жанра в театре и драматургии свидетельствуют о формировании устойчивого социокультурного запроса на подростковый театр. Особую роль в этом процессе играет новейшая драматургия и независимый театр, ориентированные на подлинные потребности и вкусы зрителя. Появление негосударственных театров с гибким репертуаром, развитие региональных и локальных проектов, а также инициативы в издательской и фестивальной сферах усиливают институциональное присутствие подростковой драмы. Показательны конкретные вехи: в 2019 году издательство «Самокат» выпускает сборник «Современная подростковая драма»; в этом же году на сайте журнала «Театр» в разделе «новости» как отдельная рубрика появляется хештег #театрдляподростков; с 2020 года в рамках конкурса «Ремарка» учреждается отдельная номинация «Маленькая Ремарка» (12+); в 2024 году выходит 114-й номер «Петербургского театрального журнала», полностью посвященный подростковой драматургии; проводятся всероссийские конкурсы драматургии «Школьная пьеса», «Молодые люди», направленные на поддержку авторов, работающих с подростковой аудиторией.

На фоне этих процессов меняется и роль драматурга: он перестает быть только рассказчиком или воспитателем и становится медиатором, проводником в пространство проблем, форм и языков, с которыми работает сама подростковая культура.

В качестве эксперимента нами был проведен анализ пьес, ставших лауреатами конкурса современной драматургии «Время драмы», проводимого с 2014 года. Всего было рассмотрено 705 пьес (за период 2014–2023 гг.). Из них 59 произведений (около 8,4 %) включали персонажей-подростков (либо как главных героев, либо как часть центральной группы персонажей). Из этих пьес 40,7 % стали победителями в

¹ Руднев П. А. Драма памяти: очерки истории российской драматургии: 1950–2010-е. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. С. 460.

номинации «Пьеса для детей», 40,7 % – в номинации «Пьеса», и 18,6 % – в номинации «Пьеса малого формата», что свидетельствует о размытости жанровых границ и неоднозначности восприятия подростковой тематики самими драматургами.

По количеству пьес с подростковыми персонажами, вошедших в шорт-лист, пиковыми стали 2015 и 2021 гг., после чего наблюдается значительное снижение интереса (до трех пьес в 2023 году). Мы связываем рост интереса с рядом культурных событий, оказавших влияние на театральную повестку: так, в 2012 году в Америке вышел культовый роман Дж. Грина о подростковой трагедии «Виноваты звезды», невероятную популярность в литературе и культуре приобретает серия книг о Гарри Поттере Дж. К. Роулинг, в 2009 году в России опубликован роман М. Петросян «Дом, в котором», а в 2021 году был принят закон о создании школьных театров в каждой общеобразовательной организации. Уменьшение количества пьес к 2023 году, на наш взгляд, не свидетельствует о потере внимания к подростковой теме, а, напротив, связано с появлением новых конкурсов, ориентированных на специализированную драматургию, где подростковая тематика уже становится фокусной.

В современных исследованиях мы можем встретить следующие определения: школьная драма, драма для тинейджеров, драма для подростков. Во всех случаях в основе понятия главной является возрастная характеристика адресата. Таким образом, первым параметром выделения жанра оказывается ориентация на подростковую аудиторию. В таких драмах молодые люди становятся главными действующими героями либо входят в группу центральных персонажей. Во-вторых, это определенная тематическая специфика: вопросы самоопределения, становления личности, первая любовь, первая потеря близкого человека, измена одного из родителей и т. д. В-третьих, это стремление к идентификации с аудиторией, поэтому язык подростковых пьес адаптирован к стилю и общению тинейджеров. Драматурги используют сленг, образы массовой культуры (героев компьютерных игр, мультсериалов, киноиндустрии), предметы времени (гаджеты). Появляются новые формы организации речи (переписка в мессенджерах). В-четвертых, это образовательный аспект. Герои-подростки еще только «наращивают» жизненный опыт, поэтому конфликт таких драм будет связан с приобретением первого опыта посредством прохождения героем различных испытаний или конфликт будет затрагивать важные социальные или этические вопросы, сталкивая подростков с различными моральными дилеммами. В-пятых, подростковые пьесы имеют более динамичную структуру и формат, чтобы удерживать внимание молодых зрителей.

Наравне с драмами, где подростки составляют основу главных действующих лиц, можно выделить пьесы, где подростки являются только частью группы центральных персонажей. По нашим наблюдениям, обычно в таких пьесах представлено три поколения, что фокусирует внимание на диахроничности конфликта или позволяет раскрыть диалектику системы ценностей различных возрастных групп.

Таким образом, подростковая драма становится сценическим воплощением процессов становления личности, где кризис порождает конфликт, а конфликт способствует раскрытию персонажа в рамках художественного произведения.

Значимым центром в таких драмах оказывается ситуация подросткового кризиса. В возрастной психологии ряд ученых отмечают этот период как один из самых важ-

ных в становлении личности (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.). Следуя эпигенетической модели Э. Эриксона, подростковый возраст соответствует пятой стадии (от 11 до 20 лет), когда юноша проходит через череду кризисов: первые – роль в сообществе, разрыв с детским «я» – готовят личность к главному кризису цельности или «чувству внутренней идентичности»¹. По утверждению Э. Эриксона: «Молодой человек должен чувствовать свою связь между тем, чем он стал за долгие годы детства, и тем, чем он предположительно может стать в будущем; между его собственным представлением о себе и тем, каким его видят, по мнению других, и чего они от него ждут»². Подросток постоянно примеряет на себя различные роли и либо приходит к их синтезу, либо оказывается в состоянии «смешения ролей»: «Не синтезирует, а противопоставляет»³.

Согласно литературоведческим исследованиям, драматический конфликт последнего времени определяется «кризисом идентичности»⁴. Подростковый кризис в новейшей драме о подростках не только отражает доминирующий конфликт времени, но оказывается его концентрированным художественным выражением. Поэтому мы видим интерес к подростковой драме не только у юношей, но и у взрослого поколения, которое не достигло целостности.

Ситуацию кризиса усиливают тенденции XXI века, когда границы между виртуальным и реальным размываются, «внутренняя сцена», на которой происходит становление личности, выходит за пределы физического. Виртуальное пространство (социальные сети, цифровые платформы, компьютерные игры) превращается в метафорическую сцену, на которой подросток репетирует возможные версии своего «я». Это позволяет рассматривать подростковое существование в сети как своего рода театр в театре, где сам субъект является и драматургом своей жизни, и актером, и зрителем, а неписанные правила существования в социальной сети по сути отражают повседневный перформанс. Поиск идентичности в современной подростковой драме обретает театральную форму не только в пределах сценического, но и в рамках общекультурного пространства, включающего в себя символические и медиальные уровни. Отображение внутреннего конфликта подростка усложняется, поскольку кризис идентичности становится и темой, и формой, и способом существования текста.

С учетом сказанного нами предпринята попытка систематизировать формы драматического конфликта, характерные для подростковой пьесы, с опорой на категории психосоциального развития и ситуацию кризиса идентичности:

1. Кризис экзистенциального самоопределения (в субъектном соотношении: Я и Я). Подросток сталкивается с необходимостью выбора жизненной позиции, модели будущего, самоопределения. Пример: «Эльфы, орки и другие жители Вологды»

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва: Флинта; МПСИ, 2006. С. 96.

² Там же.

³ Там же. С. 97.

⁴ Болотян И. М., Лавлинский С. П. Конфликт драматический // Экспериментальный словарь новейшей драматургии. Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2019. С. 137–142.

А. Гейжан, «Бог ездит на велосипеде» И. Васьковская, Д. Уткина. Характерные особенности: тема личного «апокалипсиса», ощущение внутренней неустойчивости, поиска смысла жизни.

2. Кризис межпоколенческого отчуждения (Я и родственники).

Конфликт «отцов и детей», потеря доверия к старшему поколению, измена одного из родителей, разрушение авторитетов. Пример: «Ганди молчал по субботам» А. Бункерева. Характерные особенности: бунт, разрыв с прошлым, стремление к автономии.

3. Кризис социальной идентичности (Я и другие). Буллинг, невозможность соответствовать навязываемым нормам, давление массовых стереотипов, клише массовой культуры. Пример: «На Луне» И. Яковлев, «Мама, мне оторвало руку» М. Конторович, «Лучшее платье Офелии» В. Сорокин, «Час сорок с двумя пересадками» А. Кизикова. Характерные особенности: цифровая сцена, отсылки к массовой культуре, виртуальное «зеркало» – энантиоморфизм (по Ю. М. Лотману).

4. Кризис первой утраты (онтологический кризис – Я и смерть). В основе такого конфликта принятие смерти близкого человека. Пример: «Бог ездит на велосипеде» И. Васьковская, Д. Уткина, «Лес на горе печали» Е. Шабалина, «Почталон из Николаевки» А. Гейжан, «Монетка летит вверх» К. Бердникова, «Место преступления» М. Дадыченко. Характерные особенности: мифологизация смерти, образ потустороннего, фантастические элементы как форма проживания горя. По нашим наблюдениям, это один из самых распространенных конфликтов в подростковой драме.

5. Кризис первой любви (Я и любимый другой). В основе такого конфликта первая любовь и предательство или невозможность быть вместе. Пример: «Наташина мечта» Я. Пулинович, «Час сорок с двумя пересадками» А. Кизикова. Характерные особенности: эмоциональный экстремум, идеализация, деструктивная страсть, трагизм несовпадения.

В большинстве современных подростковых пьес наблюдается иерархическая структура конфликтов, при которой один функционирует как центральный (структурообразующий), а остальные – как второстепенные (поддерживающие, модулирующие). Центральный конфликт, как правило, соответствует ключевому кризису идентичности, через который проходит герой, и определяет траекторию его трансформации. Побочные конфликты обычно усиливают или обостряют центральный.

Выводы

Подростковая драма в современной России оформляется как самостоятельное художественное и социокультурное явление, отражающее кризисы идентичности, характерные для переходного возраста. Ее развитие обусловлено как историко-культурными предпосылками, так и влиянием глобального феномена “young adult”. Эволюция подростковой драмы сопряжена с изменением общественного отношения к подростку – от идеологического объекта воспитания до самостоятельного героя с подлинным внутренним конфликтом. Пропорционально росту самостоятельности подростка в культурном поле возрастает и страх драматурга перед новым поколением – этот страх становится доминантой драматургии второй половины XX века. В XXI веке по отношению к подростку драматург приобретает новую функцию – ме-

диатора, посредника между различными поколенческими и культурными кодами. При этом основной конфликт (поиск идентичности) проявляется как универсальная проблема, выходящая за возрастные рамки. Перспективы исследования связаны с необходимостью дальнейшего теоретического осмысления жанровых границ, а также разработки методологии анализа подростковой драмы в условиях медиакультуры XXI века.

Список литературы / References

Белинский В. Г., Чернышевский Н. Г., Добролюбов Н. А. *О детской литературе*. Москва: Детская литература, 1983. 430 с.

Belinskii V. G., Chernyshevskii N. G., Dobroliubov N. A. *On children's literature*. Moscow: Detskaia literatura, 1983. 430 p. (In Russ.)

Болотян И. М., Лавлинский С. П. Конфликт драматический. *Экспериментальный словарь новейшей драматургии*. Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpiński, 2019, с. 137–142.

Bolotian I. M., Lavlinskii S. P. Dramatic conflict. *Experimental Dictionary of Contemporary Drama*. Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpiński, 2019, pp. 137–142. (In Russ.)

Вестник театра, 1919, № 44, с. 9–10.

Theater Bulletin, 1919, no. 44, pp. 9–10. (In Russ.)

Розов В. С. *Избранное: [пьесы]*. Москва: Искусство, 1983. 703 с.

Rozov V. S. *Selected Works: [Plays]*. Moscow: Iskusstvo, 1983. 703 p. (In Russ.)

Руднев П. А. *Драма памяти: очерки истории российской драматургии: 1950–2010-е*. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 610 с.

Rudnev P. A. *Drama of memory: Essays on the history of Russian drama, 1950s–2010s*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie, 2018. 610 p. (In Russ.)

Сац Н. И. *Дети приходят в театр: страницы воспоминаний*. Санкт-Петербург: Лань; Планета музыки, 2022. 308 с.

Sats N. I. *Children come to the theatre: memoir pages*. St Petersburg: Lan'; Planeta muzyki, 2022. 308 p. (In Russ.)

Советский театр и современность. Москва: ВТО, 1947. 256 с.

Soviet theatre and the present day. Moscow: VTO, 1947. 256 p. (In Russ.)

Толль Ф. Г. *Наша детская литература: опыт библиографии современной отечественной детской литературы, преимущественно в воспитательном отношении*. Санкт-Петербург: Типография Э. Веймара, 1862. 332 с.

Toll F. G. *Our children's literature: a bibliographical review of contemporary domestic children's literature, primarily in its educational aspect*. St Petersburg: Tipografiia E. Veimara, 1862. 332 p. (In Russ.)

Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. Москва: Флинта; МПСИ, 2006. 341 с.
Erikson E. *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Flinta; MPSI, 2006. 341 p. (In Russ.)

Hall G. S. *Adolescence: its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education*. New York: D. Appleton and Company, 1904, vol. 1. 589 p.

Murray J. A. H. *The Oxford English Dictionary*. Oxford: At the Clarendon Press, 1919. 906 p.

Parsons T. Age and Sex in the Social Structure of the United States. *American Sociological Review*, 1942, vol. 7, no. 5, pp. 604–616.

Talley L. A. Young Adult. *Keywords for Children's Literature*; ed. by P. Nel, L. Paul. New York: NYU Press, 2011, pp. 228–232. Available at: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt9qg46g.53> (accessed: 26.11.2024).

Сведения об авторе

Анна Андреевна Сеничева – соискатель; <https://orcid.org/0009-0002-3627-6570>, annasenicheva@mail.ru, Вологодский государственный университет (д. 15, ул. Ленина, 160000 Вологда, Россия); **Anna A. Senicheva** – Applicant for a degree, <https://orcid.org/0009-0002-3627-6570>, annasenicheva@mail.ru, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 26.05.2025.

The article was submitted 14.04.2025; Approved after reviewing 28.04.2025; Accepted for publication 26.05.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 112–123.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 112–123.

Научная статья

УДК 81'373.46

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-10>

<https://elibrary.ru/kseeow>

Лексико-семантические особенности терминов, используемых для обозначения антитрендов в среднем и высшем образовании США

Юлия Борисовна Цверкун

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал),

Одинцово, Россия

y.cverkun@odin.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9084-5880>

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению лексико-семантических особенностей терминологических единиц, используемых для обозначения антитрендов в американском среднем и высшем образовании. Материалом исследования послужили «модные слова» (“buzzwords”), функционировавшие в американском образовательном медиадискурсе в период с января 2023 по июль 2024 гг. В результате выявлено, что термины, используемые для обозначения антитрендов в среднем и высшем образовании США, обладают рядом лексико-семантических особенностей (первичная и вторичная генерализация значения, возникновение / изменения коннотативного компонента значения и др.) в контексте влияния различных социальных, политических и культурных факторов на американское образование.

Ключевые слова: термин, терминология, антитренд, система среднего и высшего образования США, лексико-семантические особенности

Для цитирования: Цверкун Ю. Б. Лексико-семантические особенности терминов, используемых для обозначения антитрендов в среднем и высшем образовании США // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 112–123. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-10>; EDN: KSEEOW

Lexical and semantic features of terms used to denote anti-trends in the US secondary and higher education

Yulia B. Tsverkun

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of

the Russian Federation (Odintsovo Branch),

Odintsovo, Russia

y.cverkun@odin.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9084-5880>

Abstract. The article aims to determine the lexical and semantic features of terms used to denote anti-trends in the US secondary and higher education. Current anti-trends are studied on the basis of the “buzzwords” functioning in the US educational media discourse from January 2023 to July 2024.

As a result, it is revealed that terms used to denote anti-trends in the US secondary and higher education have acquired a number of lexical and semantic features (primary and secondary generalization of meaning, occurrence of the connotative component of meaning, change in connotation) in the conditions of various social, political, and cultural factors influencing the US education.

Keywords: term, terminology, anti-trend, the US secondary and higher education system, lexical and semantic features

For citation: Tsverkun Yu. B. Lexical and semantic features of terms used to denote anti-trends in the US secondary and higher education. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 112–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-10>; EDN: KSEEOW

Введение

Современное образование нацелено на академическую и профессиональную подготовку, кроме того, оно направлено на общее личностное развитие, позволяющее человеку успешно взаимодействовать с обществом в условиях глобализации и цифровизации. Ввиду того что на современном этапе развития общества цифровизация начала играть ключевую роль в области образования, в учебном процессе стали применяться новые стратегии, методы, технологии обучения. Поиск и разработка инновационных технологий в образовании заставляют мировое академическое сообщество использовать новые термины для их обозначения. Следовательно, в условиях процессов глобализации и цифровизации большинства сфер деятельности человека трансформируется и область образования, а также соответствующая терминология.

В контексте влияния различных факторов (социальных, политических, экономических и культурных) на сферу образования в исследуемой области появляются новые понятия, которые требуют определения, происходит уточнение ранее используемых терминов, изменение семантической структуры большого количества терминологических единиц, в том числе происходят семантические сдвиги, возникают новые значения. Одним из таких феноменов, оказавших существенное воздействие на разработку и внедрение новых методов, форм, технологий обучения и на терминологию данной области, стала пандемия COVID-19. Однако в рамках проводимого исследования важным является тот факт, что ряд терминологических единиц потерял актуальность из-за отмены ковидных ограничений, возврата к очной форме обучения, возникновения новых понятий в области образования.

Подробно специфика англоязычной терминологии сферы образования уже рассматривалась в контексте влияния различных политических¹, социальных² и культурных¹ факторов.

¹ Иконникова В. А., Цверкун Ю. Б. Лингвокультурологические исследования англоязычных отраслевых терминологий и современные технологии в лингвистике. Москва: Русайнс, 2021. 186 с.

² Цверкун Ю. Б. Лексико-семантические особенности англоязычной терминологии школьного и высшего образования в условиях пандемии и постпандемии COVID-19 // Мир науки, куль-

Целью данной работы является выявление лексико-семантических особенностей терминов, использующихся для обозначения антитрендов в среднем и высшем образовании США. Указанные особенности исследуются на материале «модных слов» (“buzzwords”), использующихся для обозначения антитрендов в образовании США и функционирующих в американском образовательном медиадискурсе в период с января 2023 по июль 2024 гг.

Для достижения цели представляется необходимым решение следующих задач:

- 1) методом сплошной выборки выявить терминологические единицы, входящие в терминосистему среднего и высшего образования США, в научно-популярных статьях об американском образовании, опубликованных в период с января 2023 по июль 2024 гг.;
- 2) изучить антитренды в среднем и высшем образовании США и терминологические единицы, использующиеся для их обозначения;
- 3) выявить лексико-семантические особенности терминологических единиц, использующихся для обозначения антитрендов в среднем и высшем образовании США, в контексте воздействия социальных, политических и культурных факторов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые лексико-семантическому анализу подверглись единицы, входящие в терминологию среднего и высшего образования США, которые используются для обозначения антитрендов в данной области и функционируют в медиатекстах об образовании США в период с января 2023 по июль 2024 гг.

Современные образовательные тенденции уже становились объектом исследования в работах отечественных и зарубежных ученых. Так, например, В. С. Волегов и К. О. Сомхишвили рассматривают основные тенденции воспроизведения педагогических кадров в системе российского общего образования. Проанализировав теоретико-методологические подходы и некоторые эмпирические исследования, авторы приходят к выводу о «значимости стабильного восполнения профессиональной структуры, в том числе на уровне общего образования, а также наличия ряда факторов, влияющих на его успешность»². По мнению Ю. Н. Эбзеевой и Ю. Б. Смирновой, высшее образование играет важнейшую роль «в процессе передачи знаний, умения, навыков и ценностей для достижения и продвижения Цели устойчивого развития № 4 “Качественное образование для устойчивого развития”»³. В исследовании

туры, образования. 2023. № 4 (101). С. 434–439. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-4101-434-439>

¹ Цверкун Ю. Б. Культура отмены в высшем образовании США и Канады (терминологический аспект) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 283–287. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-5102-283-287>

² Волегов В. С., Сомхишвили К. О. Воспроизводство педагогических кадров в системе общего образования: тенденции и противоречия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Т. 10, № 1 (37). С. 24–38. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-24-38>

³ Эбзеева Ю. Н., Смирнова Ю. Б. Современные тенденции развития образования: дорожная карта высшего образования ЮНЕСКО // Вестник Российского университета дружбы народов.

Г. Г. Головенчик изучаются актуальные тенденции цифровой трансформации сферы образования, рассматривается воздействие цифровизации на современное школьное и высшее образование, а также анализируются преимущества и недостатки данного феномена для современного образования¹.

Для изучения антитрендов в области американского среднего и высшего образования в терминологическом аспекте в данной работе были применены метод сплошной выборки, метод дефиниционного анализа и лексико-семантический анализ.

Материалом исследования послужили 65 научно-популярных статей, опубликованных на сайтах об американском среднем и высшем образовании² в период с января 2023 по июль 2024 гг. Методом сплошной выборки из этих статей было отобрано 372 термина среднего и высшего образования США, составляющих широкий корпус исследования. В результате анализа словарных дефиниций был сделан вывод о том, что 22 термина из широкого корпуса исследования являются единицами, используемыми для обозначения антитрендов в американском среднем и высшем образовании. Именно эти термины и составляют узкий корпус исследования.

Для дефиниционного анализа терминов широкого корпуса исследования и лексико-семантического анализа терминов узкого корпуса использовались следующие лексикографические источники: словари современного английского языка³, словари терминов образования США⁴, этимологический словарь английского языка⁵.

Основная часть

Поскольку в данной статье выявляются лексико-семантические особенности терминов, использующихся для обозначения антитрендов в американском среднем и высшем образовании, представляется целесообразным обратиться к происхождению и семантике лексической единицы *anti-trend*. Согласно Online Etymology Dictionary⁶, имя существительное *trend* образовано от глагола *to trend*:

Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 2. С. 329–337. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-2-329-337>; EDN: SPPFBJ

¹ Головенчик Г. Г. Современные тенденции цифрового реформирования образования // Цифровая трансформация. 2020. № 4 (13). С. 5–20. <https://doi.org/10.38086/2522-9613-2020-4-5-20>; EDN: TVWMLT

² Education Week – K-12 education news and information. URL: <https://www.edweek.org/> (дата обращения: 22.07.2024); News. U.S. Department of Education. URL: <https://www.ed.gov/news> (дата обращения: 22.07.2024); US News Education. URL: <https://www.usnews.com/education> (дата обращения: 22.07.2024).

³ Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 22.07.2024); Collins English Dictionary. URL: <https://collinsdictionary.com/> (дата обращения: 22.07.2024).

⁴ The Glossary of Education Reform. Portland, 2014. URL: <http://edglossary.org/> (дата обращения: 22.07.2024); The Greenwood Dictionary of Education / ed. by J. W. Collins, N. P. O'Brien. Santa Barbara: Greenwood, 2011. 581 p.

⁵ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 22.07.2024).

⁶ Там же.

trend (v.)

"1590s, "to run or bend in a certain direction" (of rivers, coasts, etc.), from Middle English *trenden* "to roll about, turn, revolve," from Old English *trendan* "turn round, revolve, roll," from Proto-Germanic **trandijan* (source also of Old English *trinde* "round lump, ball," Old Frisian *trind*, Middle Low German *trint* "round," Middle Low German *trent* "ring, boundary," Dutch *trent* "circumference," Danish *trind* "round"); origin and connections outside Germanic uncertain. Sense of "**have a general tendency**" (used of events, opinions, etc.) is first recorded 1863, from the nautical sense".

Таким образом, значение **to have a general tendency** глагола **to trend** возникло в результате вторичной номинации – метафорического переноса. В свою очередь имя существительное **trend** образовано от глагола **to trend** в результате конверсии.

trend (n.)

"the way something bends" (coastline, mountain range, etc.), 1777, earlier "round bend of a stream" (1620s), from **trend** (v.); sense of "general course or direction" is from 1884. Sense of "a prevailing new tendency in popular fashion or culture" is from c. 1950"¹.

Согласно определению Cambridge Dictionary, **trend** is "a general development or change in a situation or in the way that people are behaving"². Таким образом, под терминологическим сочетанием **trend in education** ('тренд в образовании') понимаются методы, стратегии и формы обучения, которые являются актуальными, обладают большой эффективностью и вносят свой вклад в развитие общества. Поскольку объектом данного исследования являются антитренды в американском образовании, поясним, что в данной работе под **антитрендами в образовании** ('*anti-trends in education*') понимаются *такие методы, стратегии и формы обучения, которые не получили широкой популяризации или потеряли свою актуальность в условиях воздействия социальных, политических, исторических, культурных и других факторов*.

Анализ широкого корпуса исследования позволил выявить 22 термина, используемых для обозначения **антитрендов** в среднем и высшем образовании США, вошедших в узкий корпус исследования, среди которых следующие терминологические единицы: *Self-care, Growth mindset, PLC (professional learning community), Restorative / Restorative justice, Inclusion, Fidelity, Rigor, DEI, Woke, Social-Emotional Learning, Learning Loss, Equity, Differentiation, Pivot, Standardized Tests, Data-Driven, COVID-19, Critical Race Theory* и др.

Далее перейдем к лексико-семантическому анализу некоторых из перечисленных терминов. Для анализа единицы **learning loss** обратимся к определению данного терминосочетания, приведенному в The Glossary of Education Reform:

*The term **learning loss** refers to any specific or general loss of knowledge and skills or to reversals in academic progress, most commonly due to extended gaps or discontinuities in a student's education*³.

¹ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 22.07.2024).

² Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 22.07.2024).

³ The Glossary of Education Reform. Portland, 2014. URL: <http://edglossary.org/> (дата обращения: 22.07.2024).

Поясним, что последние изменения в данное определение на сайте The Glossary of Education Reform были внесены в 2013 году. Во время пандемии коронавируса в структуре значения данного терминосочетания произошли семантические сдвиги. Для их уточнения обратимся к другому определению данного термина, сформулированному в 2020 году:

*Learning loss refers to the decline in K-12 student academic achievement during the Covid-19 pandemic*¹.

Если сравнить эти определения, можно сделать вывод о том, что в структуре значения анализируемого терминосочетания произошло сужение значения. В первом из приведенных определений подразумевается любая потеря академических навыков и знаний, во втором определении речь идет о потере академических навыков и знаний именно в период пандемии коронавируса. Следовательно, произошла спецификация значения в контексте влияния пандемии коронавируса на сферу образования. Важно обратить внимание: в настоящее время отмечается², что данный термин потерял свою актуальность ввиду отмены ковидных ограничений, возвращения к очной / переходу к гибридной форме обучения. Можно сделать вывод о том, что наблюдается генерализация значения данной единицы, поскольку в анализируемых научно-популярных статьях термин используется в первом из приведенных выше значений.

Следующим термином для анализа является *fidelity*. Отметим, что Cambridge Dictionary определяет данную лексическую единицу следующим образом:

*fidelity the degree to which a copy of something shows the true character of the original*³.

Данная лексическая единица подверглась процессу терминологизации общеупотребительного значения в рамках англоязычной терминологии образования. Далее произошла спецификация значения данного термина, в настоящее время он используется в следующем значении:

*The implementation of a practice or program as intended by the researchers or developers is referred to as fidelity of implementation*⁴.

Лексико-семантический анализ данного термина показал, что произошли изменения в коннотативном компоненте значения единицы. Ранее данный термин обозначал «организацию учебного процесса в соответствии с учебной программой», сейчас возник коннотативный компонент значения «чрезмерной строгости» такого соответствия, что не позволяет преподавателям самим выбирать методы, средства, технологии и формы обучения для повышения эффективности обучения в зависимости от различных факторов. Таким образом, денотативный компонент значения тер-

¹ Learning loss. URL: <https://fordhaminstitute.org/glossaries/learning-loss> (дата обращения: 22.07.2024).

² Prothero A., Solis V. 10 Buzzwords Teachers Can't Stand. November 10, 2023. URL: <https://www.edweek.org/teaching-learning/10-buzzwords-teachers-cant-stand/2023/11> (дата обращения: 22.07.2024).

³ Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 22.07.2024).

⁴ What is fidelity of implementation? URL: https://iris.peabody.vanderbilt.edu/module/ebp_02/cresource/q1/p01/ (дата обращения: 22.07.2024).

мина остался неизменным, однако возник коннотативный компонент значения в семантической структуре данной единицы.

Рассмотрим другой термин, использующийся для обозначения антитрендов в американском образовании, – *Social-Emotional Learning*. Для выявления лексико-семантических особенностей данного термина обратимся к его определению:

*Social-Emotional learning (SEL) is a methodology that helps students of all ages to better comprehend their emotions, to feel those emotions fully, and demonstrate empathy for others*¹.

В статье “The Glossary of Education Reform” отмечается², что за последние несколько лет значительно возрос интерес к социально-эмоциональному обучению как способу поддержать студентов, особенно когда речь идет об изменениях в поведении студентов во время учебы, с одной стороны, и как средству поддержания психического здоровья обучающихся, с другой стороны. Важно отметить, что в последнее время наблюдается семантический сдвиг в структуре значения термина, поскольку данное терминосочетание становится все более политизированным в контексте его упоминания консерваторами как средства пропаганды либеральных ценностей в учебных учреждениях³. Таким образом, в коннотативном компоненте значения данного терминосочетания произошли изменения – возник оценочный тип коннотации.

Похожая трансформация (в контексте воздействия политического фактора на сферу образования в США) произошла в структуре значения другого термина – *woke*. Важно пояснить, что лексическая единица *woke* стала употребляться в образовательной сфере с 2018 года, когда вышла в свет статья А. Кальдера “Woke Pedagogy: A Framework for Teaching and Learning”, где вводятся такие терминосочетания, как: *woke pedagogy*, *woke teacher*, *woke education*⁴. Данная лексическая единица ранее принадлежала группе неформальной лексики (слэнгу)⁵, затем в контексте функционирования в политическом медиадискурсе перешла в разряд общепотребительной лексики. С 2018 года рассматриваемая единица входит в англоязычную специальную лексику образовательной сферы. В своем исследовании А. Кальдера формулирует следующее определение термина *woke teacher*:

Woke teachers are those who have a critical disposition, which can be summarized as willingness to examine the root causes of disparities and to question why social groups have inequitable lived experiences. Woke teachers are aware of how laws and policies

¹ What is Social Emotional Learning (SEL): Why It Matters. URL: <https://www.nu.edu/blog/social-emotional-learning-sel-why-it-matters-for-educators/#:~:text=Broadly%20speaking%2C%20social%20and%20emotional,values%20that%20help%20direct%20students> (дата обращения: 22.07.2024).

² Prothero A., Solis V. 10 Buzzwords Teachers Can't Stand. November 10, 2023. URL: <https://www.edweek.org/teaching-learning/10-buzzwords-teachers-cant-stand/2023/11> (дата обращения: 22.07.2024).

³ Там же.

⁴ Caldera A. Woke Pedagogy: A Framework for Teaching and Learning. URL: <https://scholarworks.uttyler.edu/dsjel/vol2/iss3/1/> (дата обращения: 22.07.2024).

⁵ Woke // Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/woke_adj1?tab=meaning_and_use-paywall (дата обращения: 22.07.2024).

*impact their students' lives and integrate intellectual discussions about systemic oppression – in all its forms – into their curriculum and instruction*¹.

В то же время А. Кальдера поясняет, что введенные ею в 2018 году терминосочетания *woke pedagogy*, *woke teacher*, *woke education* потеряли свою актуальность из-за семантических сдвигов в структуре значения единицы **woke**. Так, в 2023 году лексическая единица **woke** стала употребляться политиками-консерваторами для характеристики и описания учебных планов, разработанных социал-либералами². Следовательно, произошли изменения в коннотативном компоненте значения лексической единицы **woke**, а именно: появилась пейоративная, уничижительная окраска в контексте воздействия политического фактора на образование в США.

Далее рассмотрим еще один термин сферы образования США, использующийся для обозначения антитрендов в американском образовании – **Data-Driven**. В проанализированных в рамках проведенного исследования статьях встречаются следующие терминосочетания: *data-driven instruction*, *data-driven approach*, *data-driven learning*, *data-driven decision-making* и др. Для анализа лексико-семантических особенностей данного термина представляется важным пояснить, что термин **Data-Driven** получил широкое распространение в американском образовании после принятия закона *The No Child Left Behind Act of 2001 (NCLB)*, который был призван обеспечить всем детям доступ к высококачественному образованию, независимо от расовой или этнической принадлежности, пола, инвалидности или социально-экономического положения³. Термин **Data-Driven** являлся одним из ключевых в рамках указанного закона, поскольку теперь преподаватели должны были систематически анализировать данные ('*data*'), полученные в результате различных видов оценивания уровня усвоения знаний учащимися, для планирования и дальнейшего осуществления учебного процесса с учетом полученных данных – **Data-Driven Instruction**⁴. Следовательно, под данными ('*data*') в этом случае понимались исключительно результаты оценивания уровня усвоения знаний учащимися. Важно отметить, что в 2015 году был принят другой закон *the Every Student Succeeds Act (ESSA)*, где ключевым термином стала единица *Big Data*. Приведем ключевые характеристики данного термина:

Big Data is defined as having the characteristics of:

Volume: involving large quantities of data.

Variety: having a large number of data sources.

Velocity: ensuring the data is continuously updated.⁵

¹ Woke // Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/woke_adj1?tab=meaning_and_use-paywall (дата обращения: 22.07.2024).

² Caldera A., Bernstein D., Parker-Hill K., Testen K. The Case for Woke Education. URL: <https://www.edweek.org/teaching-learning/opinion-the-case-for-woke-education/2023/07> (дата обращения: 22.07.2024).

³ Inside the Outcomes: Data-driven Instruction. URL: <https://crowdmark.com/inside-the-outcomes-data-driven-instruction> (дата обращения: 22.07.2024).

⁴ Data-Driven Decision-Making. URL: <https://rsetasc.pnwbooces.org/data-driven-decision-making/> (дата обращения: 22.07.2024).

⁵ Inside the Outcomes: Data-driven Instruction. URL: <https://crowdmark.com/inside-the-outcomes-data-driven-instruction> (дата обращения: 22.07.2024).

Отмечается, что с принятием нового закона в 2015 году в обучении на основе данных (*'data-driven instruction'*) произошло смещения фокуса от «того, чему учили» (*from "what was taught"*) на «то, что выучили» (*to "what was learned"*)¹. Таким образом, происходит генерализация значения (изменения в денотативном компоненте значения рассматриваемой лексической единицы): теперь под данными (*'data'*) понимаются не только результаты оценивания уровня усвоения знаний учащимися, но и подробная информация о содержании усвоенного материала для разработки и выявления наиболее эффективных стратегий, методов и форм обучения.

Важно обратиться к дефиниции термина *data-driven instruction*, в котором так же определяется единица *data*:

*Data-driven instruction is an approach that utilizes various forms of data to inform and guide teaching practices. It involves collecting and analyzing student data on performance, behavior, and other relevant factors to make data-informed decisions. By leveraging these insights, educators can personalize instruction, identify areas of improvement, and provide timely interventions to support student success*².

Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что в семантической структуре рассматриваемого термина *data* произошла вторичная генерализация значения, поскольку под единицей *data* понимаются сведения об успеваемости обучающихся, их поведении и других факторах, которые собираются и анализируются преподавателями для осуществления персонализированного подхода в обучении, выявления зон роста и своевременного вмешательства для поддержки успеваемости. Отметим также, что данный термин обозначает антитренд в американском образовании ввиду использования лексической единицы *data* в широком значении («любой вид данных, информации») в контексте процессов цифровизации в образовании³.

Выводы

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1) чрезвычайно возросла роль социальных, политических и культурных факторов, воздействующих на область среднего и высшего образования, в частности США, что неизбежно находит свое отражение в терминологии, обслуживающей данную сферу;

2) в семантической структуре терминов, использующихся для обозначения антитрендов в сфере среднего и высшего образования США, произошли следующие изменения: генерализация значения (первичная и вторичная), возникновение / изменение коннотативного компонента значения термина и др.;

¹ Inside the Outcomes: Data-driven Instruction. URL: <https://crowdmark.com/inside-the-outcomes-data-driven-instruction> (дата обращения: 22.07.2024).

² A Complete 2024 Guide to Data Driven Instruction in Education. URL: <https://innovaresip.com/resources/blog/data-driven-instruction-in-education-guide/> (дата обращения: 22.07.2024).

³ Prothero A., Solis V. 10 Buzzwords Teachers Can't Stand. November 10, 2023. URL: <https://www.edweek.org/teaching-learning/10-buzzwords-teachers-cant-stand/2023/11> (дата обращения: 22.07.2024).

3) в контексте воздействия различных факторов на сферу образования, в частности США, возрастает необходимость систематического исследования семантики актуальных терминов образования, поскольку в кратчайшие сроки в структуре их значений происходят семантические сдвиги и другие изменения.

Следовательно, рассмотрение антитрендов в среднем и высшем образовании США в терминологическом аспекте способствует более глубокому пониманию разнообразных процессов, происходящих в современном обществе, которые неизбежно воздействуют на образование как важнейший социальный институт и на соответствующую терминологию. Перспективными направлениями дальнейшего исследования терминов, функционирующих в англоязычном образовательном медиадискурсе, представляется анализ терминологических единиц, использующихся для обозначения антитрендов в австралийском, канадском и британском образовании, а также в других национальных образовательных системах. В дальнейшем представляется целесообразным рассмотреть такие термины с точки зрения мотивированности их значения и в лингвокультурологическом аспекте.

Список литературы / References

Волегов В. С., Сомхишвили К. О. Воспроизводство педагогических кадров в системе общего образования: тенденции и противоречия. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 2024, т. 10, № 1 (37), с. 24–38. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-24-38>

Volegov V. S., Somkhishvili K. O. Teacher training in secondary education: trends and contradictions. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2024, vol. 10, no. 1 (37), pp. 24–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-1-24-38>

Головенчик Г. Г. Современные тенденции цифрового реформирования образования. *Цифровая трансформация*, 2020, № 4 (13), с. 5–20. <https://doi.org/10.38086/2522-9613-2020-4-5-20>; EDN: TVWMLT

Golovenchik G. G. Current trends in digital education reform. *Digital transformation*, 2020, no. 4 (13), pp. 5–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.38086/2522-9613-2020-4-5-20>; EDN: TVWMLT

Иконникова В. А., Цверкун Ю. Б. *Лингвокультурологические исследования англоязычных отраслевых терминологий и современные технологии в лингвистике*. Москва: Русайнс, 2021. 186 с.

Ikonnikova V. A., Tsverkun Yu. B. *Linguistic and cultural research on Anglo-American terminologies and modern technologies in linguistics*. Moscow: Rusains, 2021. 186 p. (In Russ.)

Цверкун Ю. Б. Культура отмены в высшем образовании США и Канады (терминологический аспект). *Мир науки, культуры, образования*, 2023, № 5 (102), с. 283–287. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-5102-283-287>

Tsverkun Yu. B. Cancel culture in the US and Canadian higher education (terminological aspect). *World of Science, Culture, and Education*, 2023, no. 5 (102), pp. 283–287. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-5102-283-287>

Цверкун Ю. Б. Лексико-семантические особенности англоязычной терминологии школьного и высшего образования в условиях пандемии и постпандемии COVID-19. *Мир науки, культуры, образования*, 2023, № 4 (101), с. 434–439. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-4101-434-439>

Tsverkun Iu. B. Lexical and semantic features of the English school and higher education terminology during and after the COVID-19 pandemic. *World of Science, Culture, and Education*, 2023, no. 4 (101), pp. 434–439. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-4101-434-439>

Эбзеева Ю. Н., Смирнова Ю. Б. Современные тенденции развития образования: дорожная карта высшего образования ЮНЕСКО. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 2023, т. 23, № 2, с. 329–337. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-2-329-337>; EDN: SPPFBJ

Ebzeeva Iu. N., Smirnova Iu. B. Contemporary trends in educational policy: UNESCO higher education roadmap. *RUDN Journal of Sociology*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 329–337. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-2-329-337>; EDN: SPPFBJ

A Complete 2024 Guide to Data Driven Instruction in Education. Available at: <https://innovaresip.com/resources/blog/data-driven-instruction-in-education-guide/> (accessed: 22.07.2024).

Caldera A. *Woke Pedagogy: A Framework for Teaching and Learning*. Available at: <https://scholarworks.uttyler.edu/dsjel/vol2/iss3/1/> (accessed: 22.07.2024).

Caldera A., Bernstein D., Parker-Hill K., Testen K. *The Case for Woke Education*. Available at: <https://www.edweek.org/teaching-learning/opinion-the-case-for-woke-education/2023/07> (accessed: 22.07.2024).

Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 22.07.2024).

Collins English Dictionary. Available at: <https://collinsdictionary.com/> (accessed: 22.07.2024).

Data-Driven Decision-Making. Available at: <https://rsetasc.pnwboces.org/data-driven-decision-making/> (accessed: 22.07.2024).

Education Week – K-12 education news and information. Available at: <https://www.edweek.org/> (accessed: 22.07.2024).

Inside the Outcomes: Data-driven Instruction. Available at: <https://crowdmark.com/inside-the-outcomes-data-driven-instruction> (accessed: 22.07.2024).

Learning loss. Available at: <https://fordhaminstitute.org/glossaries/learning-loss> (accessed: 22.07.2024).

News. U.S. Department of Education. Available at: <https://www.ed.gov/news> (accessed: 22.07.2024).

Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 22.07.2024).

Oxford English Dictionary. Available at: <https://www.oed.com/> (accessed: 22.07.2024).

Prothero A., Solis V. *10 Buzzwords Teachers Can't Stand*. November 10, 2023. Available at: <https://www.edweek.org/teaching-learning/10-buzzwords-teachers-cant-stand/2023/11> (accessed: 22.07.2024).

The Glossary of Education Reform. Portland, 2014. Available at: <http://edglossary.org/> (accessed: 22.07.2024).

The Greenwood Dictionary of Education; ed. by J. W. Collins, N. P. O'Brien. Santa Barbara: Greenwood, 2011. 581 p.

US News Education. Available at: <https://www.usnews.com/education> (accessed: 22.07.2024).

What is fidelity of implementation? Available at: https://iris.peabody.vanderbilt.edu/module/ebp_02/cresource/q1/p01/ (accessed: 22.07.2024).

What is Social Emotional Learning (SEL): Why It Matters. Available at: <https://www.nu.edu/blog/social-emotional-learning-sel-why-it-matters-for-educators/#:~:text=Broadly%20speaking%2C%20social%20and%20emotional,values%20that%20help%20direct%20students> (accessed: 22.07.2024).

Сведения об авторе

Юлия Борисовна Цверкун – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-9084-5880>, y.cverkun@odin.mgimo.ru, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал (д. 3, ул. Новоспортивная, 143007 Одинцово, Россия); **Yulia B. Tsverkun** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-9084-5880>, y.cverkun@odin.mgimo.ru, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch (3, ul. Novosportivnaya, 143007 Odintsovo, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.08.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 18.12.2024.

The article was submitted 08.08.2024; Approved after reviewing 05.11.2024; Accepted for publication 18.12.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 124–136.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 124–136.

Научная статья

УДК 811.111:81'42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-11>

<https://elibrary.ru/kkcqyo>

Темпоральность как категориальный компонент хронотопа англоязычного научного дискурса

Сергей Алексеевич Церковнов

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет,
Саранск, Россия

s-cerkovnov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2794-069X>

Аннотация. В статье рассматриваются формы вербализации темпоральности как элемента хронотопа в текстах современного англоязычного научного дискурса. Проведен анализ англоязычных научных статей и материалов конференций из семи дисциплинарных областей: биология, экономика, инженерия, юриспруденция, лингвистика, дидактика и агрономия. По итогам исследования обнаружено, что англоязычные тексты научного регистра демонстрируют эксплицированную темпоральную характеристику в следующих формах: темпоральность публикации, темпоральность истории вопроса, темпоральность актуальности и новизны, темпоральность дальнейших исследований, а также темпоральность материала исследования.

Ключевые слова: время, научный дискурс, темпоральность, темпоральный компонент, темпоральные маркеры, хронотоп

Для цитирования: Церковнов С. А. Темпоральность как категориальный компонент хронотопа англоязычного научного дискурса // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 124–136. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-11>; EDN: KKCQYO

Temporality as a category component of the chronotope in English academic discourse

Sergey A. Tserkovnov

N. P. Ogarev National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

s-cerkovnov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2794-069X>

Abstract. The article explores the forms of verbalization of temporality as an element of chronotope in the texts of modern English scientific discourse. An analysis of English scientific articles and conference proceedings from seven disciplinary areas (biology, economics, engineering, law, linguistics, didactics and agronomy) was carried out. Based on the results of the study, it has been found that English texts of the scientific register demonstrate an explicit temporal characteristic in

the following forms: temporality of publication, temporality of the research background, temporality of relevance and novelty, temporality of further research, as well as temporality of the material under study.

Keywords: time, scientific discourse, temporality, temporal component, temporal markers, chronotope

For citation: Tserkovnov S. A. Temporality as a category component of the chronotope in English academic discourse. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 124–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-11>; EDN: KKCQYO

Введение

Филологическая концепция хронотопа берет начало в трудах М. М. Бахтина, а именно в работе «Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике», и определяется как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»¹. Зародившись как литературоведческий термин, хронотоп в дальнейшем получил лингвистическую трактовку и в последние годы активно используется не только в литературоведении², но и в парадигме дискурсивных исследований как один из принципов описания того или иного типа дискурса: рекламного³, банковского⁴ и др.

Применительно к научно-академическому дискурсу хронотоп понимается учеными как темпорально-локальные условия протекания научно-академической коммуникации. Так, Ю. С. Сергеева при описании хронотопических черт академического дискурса принимает за временной компонент (хронос) – наиболее типичное время ведения академической коммуникации⁵. При этом далее автор приводит вывод о том, что в силу распространения в академической среде информационно-коммуникационных технологий «пространственно-временные рамки в академическом дискурсе расширяются»⁶. В качестве примера расширения хронотопа автор приводит размытие пространственных границ через создание виртуального пространства обучения, однако потенциальное изменение временного компонента академической коммуникации остается без внимания.

Концепции хронотопа как категории, формирующей ситуационные условия коммуникации, также придерживаются О. Г. Орлова и В. Л. Каракчиева. Раскрывая сущностные характеристики научного дискурса, авторы приходят к выводам, что

¹ Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Языки славянских культур, 1997–2012. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). 2012. С. 341.

² Екабсонс А. В. Концепция времени и пространства в современном литературоведении // *Academic research in educational sciences*. 2022. № 3. С. 377–391. <https://doi.org/10.24412/2181-1385-2022-3-371-391>

³ Прокофьева В. Ю., Прончатова Е. Г. Хронотоп рекламы: лексический аспект // *Научный диалог*. 2014. № 10 (34). С. 39–69. EDN: TCVOPD

⁴ Нагибина И. Г., Савкин Д. А. Компоненты китайского банковского дискурса // *Известия Восточного института*. 2021. № 3 (51). С. 96–107. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/96-107>

⁵ Сергеева Ю. С. Конститутивные признаки академического дискурса: цифровые трансформации // *Казанский лингвистический журнал*. 2020. Т. 3, № 4. С. 361–372. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.4.361-372>; EDN: KPHKBE

⁶ Там же. С. 367.

хронотоп научного дискурса имеет разный уровень определенности в зависимости от формы коммуникации: «Письменный научный дискурс имеет распределенный хронотоп, устный привязан к конкретному месту и времени»¹. При этом хроносом научного дискурса, по мнению авторов, становится «конкретное заданное время, отводимое для научной коммуникации»². Стоит отметить, что при описании хронотопических свойств научного дискурса авторы не рассматривают его внутритекстовую сторону, определяя хронотоп как «экстратекстуальный, контекстуальный элемент дискурса»³.

Схожие представления в отношении временных параметров хронотопа научно-академического дискурса разделяют О. А. Обдалова и О. В. Харапудченко⁴, Т. А. Полтавец⁵, Л. И. Зубкова⁶ и др.

Таким образом, обратившись к современным трактовкам хронотопа научно-академического дискурса, мы столкнулись с рядом вопросов.

1. Современные исследования сфокусированы на затекстовой стороне хронотопа, регламентирующей условия протекания научно-академической коммуникации, и не рассматривают хронотоп как внутритекстовую категорию, определяющую законы научного текстопостроения. Тем не менее, наличие в научном тексте объективных локально-темпоральных маркеров (например, обязательного указания года и места публикации работы, года и места публикации используемых источников в списке литературы) говорит о явном присутствии компонентов хронотопа во внутритекстовом пространстве научной работы.

2. В современных работах отмечается тенденция к расширению / неопределенности хронотопа научно-академического дискурса, что ставит под сомнение возможность установления точных границ хронотопа отдельно взятого акта коммуникации (устной или письменной). Если хронотоп научного дискурса движется в сторону неопределенности, его категориальный статус также теряет свою релевантность, что противоречит самой природе хронотопа представлять конституэнтные характеристики научного дискурса. В этой связи видится справедливым обратить внимание на возможные альтернативные формы хронотопа научно-академического дискурса, помимо реального места и времени, потенциально рассматриваемые как категориальные компоненты научно-академического дискурса.

¹ Орлова О. Г., Каракчиева В. Л. Концептуальные подходы к научному дискурсу и некоторым особенностям его функционирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 2 (86). С. 528. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-521-531>; EDN: BVYRRP

² Там же. С. 523.

³ Там же. С. 522.

⁴ Обдалова О. А., Харапудченко О. В. Экскурсионный научно-академический дискурс и его жанровые особенности // Язык и культура. 2018. № 43. С. 88–113. <https://doi.org/10.17223/19996195/43/6>

⁵ Полтавец Т. А. Влияние дискурсивных параметров на функционально-стилистическое своеобразие научно-популярных текстов // Филология и человек. 2016. № 4. С. 144–153.

⁶ Зубкова Я. В. Конститутивные признаки академического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5 (39). С. 28–32. EDN: LAPWPB

Решение поставленных проблем предопределяет актуальность настоящего исследования, выраженную в необходимости уточнить категориальный статус хронотопа научного дискурса в его современной интерпретации.

Целью настоящего исследования стало рассмотрение формы вербализации хронотопа в текстах современного англоязычного научного дискурса: дискурсивные и контекстуальные референты и их лингвистические манифестации. В рамках настоящего исследования, основываясь на определении М. М. Бахтина, мы трактуем хронотоп научного дискурса как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, когнитивно освоенных в науке»¹.

Основной фокус был направлен на выявление уровня вербализации темпоральных маркеров – лингвистических единиц, актуализующих темпоральный компонент хронотопа научного дискурса. Сформулированные концепции темпоральности научного дискурса определили новизну настоящего исследования.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили англоязычные научные статьи, а также материалы конференций. Отбор материала проводился с учетом принадлежности статей к разным тематическим областям. Таким образом, в ходе исследования проанализированы статьи из следующих источников (общее количество – 28 научных работ):

- 1) научный журнал BioSystems (биология);
- 2) научный журнал Global Finance Journal (экономика);
- 3) научный журнал Engineering (инженерия);
- 4) научный журнал International Journal of Law, Crime and Justice (юриспруденция);
- 5) материалы конференции “Austronesian Formal Linguistics Association (AFLA XXIX 2022)” (лингвистика);
- 6) материалы конференции “Adult Education Research Conference (AERC 2023)” (дидактика);
- 7) материалы конференции “International Grassland Congress (IGC 2023)” (агрономия).

В процессе работы с материалом использовались методы контекстного анализа, описательный и сопоставительный методы.

Основная часть

В ходе исследования были обнаружены следующие формы репрезентации темпоральности в текстах научного дискурса: темпоральность публикации, темпоральность истории вопроса, темпоральность актуальности и новизны, темпоральность дальнейших исследований, а также темпоральность материала исследования.

На первой ступени анализа мы обратили внимание на темпоральность публикации – маркер, обозначающий время издания статьи. Интерес к данной форме вызван

¹ Церковнов С. А. Дисциплинарно-тематическое поле как категориальный элемент топоса в хронотопе англоязычного академического дискурса // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18, № 2. С. 278. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-2-276-285>

тем, что темпоральность публикации воспринимается нами как прямое условие формирования научного знания. Мы полагаем, что научный текст переходит в стадию дискурса и вступает в диалогические отношения с другими научными текстами в том случае, если данный текст прошел процессы принятия, рецензирования и, наконец, публикации, что должно быть отмечено маркерами темпоральности как минимум года публикации работы, а как максимум более подробно в виде даты поступления, рецензирования и принятия работы. Особый интерес в этом случае представляли потенциальные различия в фиксации темпоральности публикации в научных текстах разной жанровой тематики: статьях из научных журналов и материалах конференции.

В ходе анализа было выявлено, что дата публикации фиксируется на первой странице каждой статьи, однако ее размещение варьируется. Так, в журналах *Bio-Systems*, *Global Finance Journal* и *International Journal of Law, Crime and Justice* дата публикации размещена в сноске внизу страницы, в то время как журнал *Engineering* фиксирует данную информацию в специальном разделе “Article Info” перед основным текстом статьи. При этом в материалах конференции “AFLA XXIX 2022” данная информация не фиксируется применительно к каждой статье, а приводится в начале сборника, в то время как в материалах конференции “AERC 2023” она приводится только на сайте конференции.

Стоит отметить, что лингвистическая вербализация темпоральности публикации также вариативна в зависимости от жанровой специфики научного текста. Так, в статьях, опубликованных в научных журналах, маркировка темпоральности публикации разбита на несколько компонентов: дата получения статьи, дата рецензирования статьи, дата принятия статьи к публикации и дата размещения статьи в открытом доступе. Например:

1) *Received 1 July 2023; Received in revised form 18 August 2023; Accepted 7 September 2023; Available online 9 September 2023.*¹

При этом в материалах конференции “AFLA 2022” публикация датируется только годом (2023) без отметки о получении и принятии статьи, но с указанием на время проведения конференции (“between the 28th June and the 1st July 2022”). Те же формы маркировки отмечены в материалах конференции “IGC 2023”: год публикации (2023) и время проведения конференции (“from May 14 through May 19, 2023”).

Примечательно, что маркировка темпоральности публикации в той или иной форме была зафиксирована в 100 % проанализированных работ и очевидно является системным требованием.

Следующей формой вербализации темпоральности научного дискурса стала история вопроса – маркер, обозначающий временной период цитируемых работ от наиболее раннего до наиболее современного. Данный маркер представляет собой манифестацию объема научных исследований, ставшего когнитивной основой научной статьи, и выраженный временным показателем. Интерес к данной форме темпоральности вызван тем, что автор научной работы при создании текста не может иг-

¹ Maki K. Analytical tool for COVID-19 using an SIR model equivalent to the chain reaction equation of infection // *Biosystems*. 2023. Vol. 233. <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.105029>

норировать проведенные ранее исследования. В связи с этим мы предположили, что маркеры истории вопроса обязательно будут обнаружены в научных статьях вне зависимости от их жанра и тематики. Согласно нашей гипотезе, подтверждение этому может быть найдено в том, что каждая научная статья сопровождается списком использованной литературы, где данный параметр может быть эффективно отслежен через темпоральность публикаций цитируемых работ, что также отражается в тексте работы через ссылки и цитаты из используемых источников с указанием года публикации данных источников.

Как показало исследование, темпоральность истории вопроса маркируется в научной работе двумя формами: в виде ссылок на цитируемые работы в тексте статьи и в виде списка использованной литературы после основного текста статьи.

Например, в статье “Trade credit, creditor protection and banking crisis” из журнала *Global Finance Journal* во введении автор приводит результаты ранее проведенных исследований в сфере коммерческого кредита. История вопроса данной статьи представлена ссылками на 37 используемых источников, среди которых наиболее ранний опубликован в 1981 году, а наиболее современный – в 2021 году. Таким образом, история вопроса данной статьи охватывает 40 лет.

Стоит отметить, что маркировка истории вопроса может быть выражена не только указанием на темпоральность публикации источников, но и с помощью лексических маркеров, указывающих на ранее выполненные исследования. Так, в данной статье лексическая маркировка истории вопроса отмечена во введении (1) и в заключительном разделе статьи (2) лексемой *previous*:

1) *This paper differs from **previous research** in several ways....*¹

2) *Our results complete the **previous literature** in several ways....*²

В ходе исследования было выявлено, что история вопроса вербализована в 100 % проанализированных статей. При этом маркировка времени публикации цитируемых работ присутствует во всех статьях, а текстовая вербализация отмечена не во всех работах (20 из 28).

Стоит отметить, что вербализация истории вопроса варьируется в своей протяженности. Так, статьей с наименьшим показателем стала работа из журнала *Engineering* с историей вопроса, охватывающей всего 8 лет (2014–2022 гг.). Работой с наиболее протяженной историей вопроса стала статья из журнала *BioSystems*, источники которой маркируются 1867–2023 гг., что составляет 156 лет. При этом средний показатель по всем статьям, включая материалы конференции, составил 42 года.

Еще одной формой репрезентации темпоральности научного дискурса стала темпоральность актуальности и новизны – маркер, описывающий релевантность и уникальность проведенного исследования для времени, которое собственно в статье принимается за время создания текста.

¹ Baños-Caballero S., García-Teruel P. J., Martínez-Solano P. Trade credit, creditor protection and banking crisis // *Global Finance Journal*. 2023. Vol. 57. <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2023.100834>

² Там же.

В ходе анализа было выявлено, что темпоральность актуальности и новизны представлена разнообразными лексическими маркерами. Так, в статье “Highly Conductive Proton Selectivity Membrane Enabled by Hollow Carbon Sieving Nanospheres for Energy Storage Devices” журнала *Engineering* актуальность исследования эксплицитно маркируется во введении в следующих формах:

- 1) *At present, the perfluorosulfonic polymer membranes...*¹
- 2) *Recently, aromatic polymers such as sulfonated poly...*²

Данные маркеры (*at present, recently*) демонстрируют разработанность данной темы в научной литературе в последние годы, отражая ее актуальность на момент написания работы.

Темпоральность новизны, в свою очередь, может быть отмечена прямым указанием на уникальные аспекты работы (определения, подходы, контексты), преимущественно с помощью лексем *new, unique, pioneer* и т. д., например:

- 1) ... *this new analysis for Javanese has important broader implications*;³
- 2) ... *in a unique Nordic context of Iceland where this has not yet been explored*;⁴
- 3) ... *this context makes our study a pioneer in attempting to ...*⁵

С помощью данных маркеров авторы раскрывают концептуальную релевантность своих исследований для современной науки.

Примечательно, что в ходе анализа были обнаружены примеры вербализации новизны исследования не только через темпоральные, но и через условно пространственные семантические единицы. Так, в статье “Responding to ‘image-based domestic abuse’” журнала *International Journal of Law, Crime and Justice* новизна исследования вербализована пространственной лексемой *gap*:

- 1) ... *a significant gap in the literature; I aim to address this gap by examining how ...*⁶

Таким образом, автор фиксирует новизну посредством указания на неисследованную область в тематическом топосе научного дискурса по выбранной теме. Данный пример позволяет допустить, что новизна, как категория научного текста, имеет не только темпоральную, но и привязанную к ней пространственную характеристику, что указывает на системность категории хронотопа в исследуемом типе дискурса.

¹ Huang K., Lin Sh., Xia Yu., Xia Y., Mu F., Lu Yu., Cao H., Wang Y., Xing W., Xu Zh. Highly Conductive Proton Selectivity Membrane Enabled by Hollow Carbon Sieving Nanospheres for Energy Storage Devices // *Engineering*. 2023. Vol. 28. <https://doi.org/10.1016/j.eng.2022.11.008>

² Там же.

³ Patrianto H., Chen V. Two sides to the same coin: Reappraising Indonesian-type ‘passive’ and object voice in Javanese // *The Proceedings of TripleAFLA (Manchester, 28 June–1 July 2022)*. P. 59–74.

⁴ Pakes F. Out in the cold? The experiences of foreign national prisoners in Iceland's open prisons // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2023. Vol. 75. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2023.100626>

⁵ Raghavendra Ch., Sharif T., Mahesh R., Yadav M. P., Abedin M. Z. Do market, resource and knowledge distance impact inbound cross-border acquisition? // *Global Finance Journal*. 2023. Vol. 57. <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2023.100862>

⁶ Welsh K. Responding to ‘image-based domestic abuse’ // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2023. Vol. 75. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2023.100631>

Стоит отметить, что частотность маркеров актуальности и новизны зависит от жанровой специфики научного текста. Как показал анализ, эксплицитные маркеры актуальности зафиксированы в 11 из 12 статей из научных журналов, что демонстрирует высокую частотность, однако в проанализированных материалах конференций темпоральность актуальности вербализована лишь в 4 из 16 статей. В свою очередь, темпоральность новизны отмечена в равной степени: в общей сложности в 20 из 28 проанализированных работ.

Следующей формой вербализации темпоральности научного текста стала темпоральность дальнейших исследований – маркер, раскрывающий потенциал научного исследования как дискурсивной единицы к последующему развитию в научном диалоге. Наиболее популярной формой вербализации хроноса дальнейших исследований стало использование лексических единиц *future* и *further* преимущественно в заключительном разделе проанализированных статей:

1) *Future research can explore these contract terms and utilize an updated sample that includes more countries;*¹

2) *While further studies are in need to understand how Balutia spp interacts with other bacteria and host....*²

По итогам анализа было выявлено, что эксплицитное маркирование темпоральности дальнейших исследований присутствует в 16 статьях из 28 вне зависимости от их жанровой и тематической принадлежности.

Заключительной формой актуализации темпоральности в научных текстах была выявлена темпоральность материала исследования – маркер, обозначающий временные характеристики материала научной статьи и/или методологической процедуры работы с ним.

Примером активной вербализации темпоральности материала исследования является статья на биологическую тематику “Analytical tool for COVID-19 using an SIR model equivalent to the chain reaction equation of infection”. В разделе “Results” автор приводит примеры применения разработанного метода на основе данных о распространении инфекции в Токио, которые активно маркированы темпоральными единицами. Автор отмечает временную характеристику самого материала: “*the data of new positive cases in Tokyo until September 11, 2022*”. Помимо этого, временные маркеры активно применяются далее при дальнейшем анализе:

1) *... infection with the Omicron variant since January 2022;*³

2) *... variant became more prominent after July 8, 2022;*⁴

¹ Baños-Caballero S., García-Teruel P. J., Martínez-Solano P. Trade credit, creditor protection and banking crisis // Global Finance Journal. 2023. Vol. 57. <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2023.100834>

² Golovko G., Khanipov K., Reyes V., Pinchuk I., Fofanov Yu. Identification of multivariable Boolean patterns in microbiome and microbial gene composition data // Biosystems. 2023. Vol. 233. <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.105007>

³ Maki K. Analytical tool for COVID-19 using an SIR model equivalent to the chain reaction equation of infection // Biosystems. 2023. Vol. 233. <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.105029>

⁴ Там же.

3) ... *the number of infections during the period when the Omicron variant was predominant in Tokyo*.¹

В ходе анализа было выявлено, что темпоральность материала исследования маркирована в 11 из 12 рассмотренных статей из научных журналов. При этом в материалах конференций вербализация данного параметра встретила значительно реже: в 3 из 16 работ.

Таким образом, выявленные формы темпоральности научного дискурса демонстрируют следующий уровень частотности:

- 1) темпоральность публикации – 100 % (28 из 28 работ);
- 2) темпоральность истории вопроса – 100 % (28 из 28 работ);
- 3) темпоральность актуальности – 53 % (15 из 28 работ);
- 4) темпоральность новизны – 71 % (20 из 28 работ);
- 5) темпоральность дальнейших исследований – 57 % (16 из 28 работ);
- 6) темпоральность материала исследования – 50 % (14 из 28 работ).

Данные показатели позволяют заключить, что наиболее манифестированными категориями темпоральности научного дискурса являются темпоральность публикации и истории вопроса. Маркеры этих категорий представлены во всех проанализированных статьях, вне зависимости от их жанровой и тематической специфики. Видится справедливым допустить, что темпоральность публикации и истории вопроса могут быть отнесены к конституэнтным характеристикам хронотопа научного дискурса.

Примечательно, что темпоральность создания научного текста в этом ключе может быть оставлена без внимания в силу ряда причин. Прежде всего, процесс написания научной работы или подготовки научного доклада, как показало исследование, не отражен в научном тексте (за исключением материалов конференций, где указаны даты их проведения). Читая научную работу, мы не можем с точностью определить, в какой временной период она была написана, во всяком случае применительно к малым академическим формам: статье и материалам конференций.

Помимо этого, мы полагаем, что процесс создания научной работы в принципе не может быть четко ограничен временными рамками. Особенно проблематичным в данном случае является вопрос о временной точке, которую мы можем считать началом работы над научным текстом, – считаем ли мы началом работы, когда автор приступает к написанию текста, проведению исследования или когда у автора зарождается идея, – что в современной теории хронотопа остается позицией нерегламентированной. По-видимому, хронология создания научной статьи не предопределяет ее конституэнтных характеристик и в этом смысле оказывается малорелевантной в научном диалоге.

Относительно высокий уровень частотности (71 % и 57 %) также демонстрируют темпоральность новизны и темпоральность дальнейших исследований. Полученные данные позволяют заключить, что авторы научных работ в большинстве своем фиксируют уникальность исследования в хронотопе парадигмы современного научного

¹ Maki K. Analytical tool for COVID-19 using an SIR model equivalent to the chain reaction equation of infection // *Biosystems*. 2023. Vol. 233. <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.105029>

знания, равно как и отмечают потенциал исследования к дальнейшему разворачиванию в научном диалоге в рамках своей предметно-дисциплинарной области. Исходя из результатов анализа, мы полагаем, что категории темпоральности новизны и темпоральности дальнейших исследований также могут быть рассмотрены в качестве потенциальных конституэнтных характеристик хронотопа научного дискурса.

Средний уровень частотности был выявлен при анализе темпоральности актуальности и материала исследования (53 % и 50 % соответственно). Стоит подчеркнуть, что оба параметра, как показало исследование, активно маркированы в статьях научных журналов и редко маркированы в материалах конференций. Видится логичным в этой связи рассмотреть данные параметры на примере большего количества научных работ разной жанровой специфики для уточнения статуса темпоральности актуальности и материала исследования как категориальных единиц хронотопа научного дискурса.

Однако в отношении темпоральности материала исследования мы полагаем, что ее маркирование может быть предопределено дисциплинарно-тематической спецификой научной работы. Так, отсутствие темпорального маркирования материала в работах по формальной лингвистике может быть обусловлено тем, что материалом исследования данных работ выступают примеры общего употребления лингвистических единиц (лексем или грамматических форм), специфика которых не предполагает их яркого представления в хроноспективной парадигме.

Таким образом, видится справедливым продолжить рассмотрение темпоральных параметров научного дискурса, в особенности их функционирование в рамках того или иного дисциплинарно-тематического пространства научного текста.

Выводы

В ходе настоящего исследования мы пришли к следующим выводам:

1) англоязычные тексты научного регистра демонстрируют ярко выраженную эксплицированную темпоральную характеристику, что позволяет переосмыслить концепцию времени в хронотопе научного дискурса;

2) внутритекстовая темпоральность англоязычного научного дискурса представлена разнообразием форм: темпоральность публикации, темпоральность истории вопроса, темпоральность актуальности, темпоральность новизны, темпоральность дальнейших исследований и темпоральность материала исследования;

3) наиболее частотными, и следовательно, значимыми формами времени в хронотопе англоязычного научного дискурса, являются темпоральность публикации и темпоральность истории вопроса;

4) концепция темпоральности создания научного текста представляется несущественной при выявлении конституэнтных характеристик хронотопа англоязычного научного дискурса.

В дальнейшем предлагается рассмотреть темпоральные характеристики научного дискурса вместе с его пространственными параметрами для установления особенностей функционирования хронотопа англоязычного научного дискурса как его категориальной единицы.

Список литературы / References

Бахтин М. М. *Собрание сочинений: в 7 т.* Москва: Языки славянских культур, 1997–2012. Т. 3. 2012. Теория романа (1930–1961 гг.). 877 с.

Bakhtin M. M. *Collected works: in 7 vol.* Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 1997–2012. Vol. 3. 2012. The theory of the novel (1930–1961). 877 p. (In Russ.)

Екабсонс А. В. Концепция времени и пространства в современном литературоведении. *Academic research in educational sciences*, 2022, № 3, с. 377–391. <https://doi.org/10.24412/2181-1385-2022-3-377-391>

Ekabsons A. V. The concept of time and place in modern literature studies. *Academic Research in Educational Sciences*, 2022, no. 3, pp. 377–391. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2181-1385-2022-3-377-391>

Зубкова Л. И. Конститутивные признаки академического дискурса. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2009, № 5 (39), с. 28–32.

Zubkova L. I. Constitutive attributes of academic discourse. *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*, 2009, no. 5 (39), pp. 28–32. (In Russ.)

Нагибина И. Г., Савкин Д. А. Компоненты китайского банковского дискурса. *Известия Восточного института*, 2021, № 3 (51), с. 96–107. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/96-107>

Nagibina I. D., Savkin D. A. Components of Chinese banking discourse. *Oriental Institute Journal*, 2021, no. 3, pp. 96–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/96-107>

Обдалова О. А., Харापудченко О. В. Экскурсионный научно-академический дискурс и его жанровые особенности. *Язык и культура*, 2018, № 43, с. 88–113. <https://doi.org/10.17223/19996195/43/6>

Obdalova O. A., Kharapudchenko O. V. Excursion scientific academic discourse and its genre characteristics. *Language and Culture*, 2018, no. 43, pp. 88–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19996195/43/6>

Орлова О. Г., Каракчиева В. Л. Концептуальные подходы к научному дискурсу и некоторым особенностям его функционирования. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2021, т. 23, № 2 (86), с. 521–531. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-521-531>; EDN: BVYRRP

Orlova O. G., Karakchieva V. L. Conceptual approaches to scientific discourse and its functions. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2021, vol. 23, no. 2 (86), pp. 521–531. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-521-531>; EDN: BVYRRP

Полтавец Т. А. Влияние дискурсивных параметров на функционально-стилистическое своеобразие научно-популярных текстов. *Филология и человек*, 2016, № 4, с. 144–153.

Poltavets T. A. The influence of discursive parameters on the functional and stylistic originality of the popular science texts. *Philology & Human*, 2016, no. 4, pp. 144–153. (In Russ.)

Прокофьева В. Ю., Прончатова Е. Г. Хронотоп рекламы: лексический аспект. *Научный диалог*, 2014, № 10 (34), с. 39–69. EDN: TCVOPD

Prokofieva V. Yu., Pronchatova E. G. Advertising chronotope: lexical aspect. *Scientific Dialogue*, 2014, no. 10 (34), pp. 39–69. (In Russ.) EDN: TCVOPD

Сергеева Ю. С. Конститутивные признаки академического дискурса: цифровые трансформации. *Казанский лингвистический журнал*, 2020, т. 3, № 4, с. 361–372. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.4.361-372>; EDN: КРHKBE

Sergeeva Yu. S. Constitutive features of the academic discourse: digital transformation. *Kazan Linguistic Journal*, 2020, vol. 3, no. 4, pp. 361–372. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.4.361-372>; EDN: КРHKBE

Церковнов С. А. Дисциплинарно-тематическое поле как категориальный элемент топоса в хронотопе англоязычного академического дискурса. *Вестник Марийского государственного университета*, 2024, т. 18, № 2, с. 276–285. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-2-276-285>

Tserkovnov S. A. Disciplinary-thematic field as a categorical element of topos in the chronotope of English academic discourse. *Bulletin of Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 276–285. (In Russ.) <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-2-276-285>

Baños-Caballero S., García-Teruel P. J., Martínez-Solano P. Trade credit, creditor protection and banking crisis. *Global Finance Journal*, 2023, vol. 57. <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2023.100834>

Golovko G., Khanipov K., Reyes V., Pinchuk I., Fofanov Yu. Identification of multivariable Boolean patterns in microbiome and microbial gene composition data. *Biosystems*, 2023, vol. 233. <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.105007>

Huang K., Lin Sh., Xia Yu., Xia Y., Mu F., Lu Yu., Cao H., Wang Y, Xing W., Xu Zh. Highly conductive proton selectivity membrane enabled by hollow carbon sieving nanospheres for energy storage devices. *Engineering*, 2023, vol. 28, pp. 69–78. <https://doi.org/10.1016/j.eng.2022.11.008>; EDN: FCBHCG

Maki K. Analytical tool for COVID-19 using an SIR model equivalent to the chain reaction equation of infection. *Biosystems*, 2023, vol. 233. <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.105029>

Pakes F. Out in the cold? The experiences of foreign national prisoners in Iceland's open prisons. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 2023, vol. 75. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2023.100626>

Patrianto H., Chen V. Two sides to the same coin: Reappraising Indonesian-type 'passive' and object voice in Javanese. *The Proceedings of TripleAFLA (Manchester, 28 June–1 July 2022)*, pp. 59–74.

Raghavendra Ch., Sharif T., Mahesh R., Yadav M. P., Abedin M. Z. Do market, resource and knowledge distance impact inbound cross-border acquisition? *Global Finance Journal*, 2023, vol. 57. <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2023.100862>

Welsh K. Responding to “image-based domestic abuse”. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 2023, vol. 75. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2023.100631>

Сведения об авторе

Сергей Алексеевич Церковнов – старший преподаватель; <https://orcid.org/0009-0004-2794-069X>, s-cerkovnov@yandex.ru, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (д. 68, ул. Большевикская, 430005 Саранск, Россия);
Sergey A. Tserkovnov – Senior Lecturer, <https://orcid.org/0009-0004-2794-069X>, s-cerkovnov@yandex.ru, N. P. Ogarev National Research Mordovia State University (68, ul. Bolshhevistskaya, 430005 Saransk, Russia).

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 18.12.2024.

The article was submitted 28.10.2024; Approved after reviewing 11.11.2024; Accepted for publication 18.12.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 137–155.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 137–155.

Научная статья

УДК 378.4

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-13>

<https://elibrary.ru/otrBST>

Изменения профессиональных ценностей преподавателя высшей школы в современном контексте

Татьяна Александровна Борзова

Владивостокский государственный университет,
Владивосток, Россия

Tatyana.Borzova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6203-202X>

Аннотация. В статье рассматривается процесс изменения профессиональных ценностей современного преподавателя на фоне глубинных трансформаций, происходящих в системе университетского образования. Анализируются ключевые факторы, оказывающие влияние на эволюцию ценностных ориентаций профессорско-преподавательского состава, на основе современных теоретических подходов к изучению данного феномена, в том числе внедрение инновационных образовательных технологий, переход к студентоцентрированному обучению, интернационализация высшей школы и др. В практической части исследования выявляются основные противоречия между традиционными и новыми ценностными установками академического сообщества, такими как конфликт между ценностями исследовательской деятельности и преподавания, приоритетами индивидуальной карьеры и коллективной работы, ориентацией на академические традиции и внедрением прикладных разработок.

Ключевые слова: высшее образование, образовательный процесс, профессиональные ценности, преподаватель высшей школы, трансформация университетского образования, модернизация высшего образования, ценностные ориентации, академическое сообщество

Для цитирования: Борзова Т. А. Изменения профессиональных ценностей преподавателя высшей школы в современном контексте // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 137–155. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-13>; EDN: OTRBST

Changes in the professional values of higher education teachers in the modern context

Tatyana A. Borzova

Vladivostok State University,
Vladivostok, Russia

Tatyana.Borzova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6203-202X>

Abstract. The article examines the process of changing the professional values of a modern higher education teacher against the background of profound transformations taking place in the university education system. The key factors influencing the evolution of the value orientations of the teaching staff are analyzed on the basis of modern theoretical approaches to the study of this phenomenon,

including the introduction of innovative educational technologies, the transition to student-centered learning, the internationalization of higher education, etc. In the practical part of the study, the main contradictions between traditional and new value systems of the academic community are revealed, such as the conflict between the values of research and teaching, the priorities of individual career and team work, orientation towards academic traditions and the introduction of applied developments.

Keywords: higher education, educational process, professional values, high school teacher, transformation of university education, modernization of higher education, system of values, academic community

For citation: Borzova T. A. Changes in the professional values of higher education teachers in the modern context. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 137–155. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-13>; EDN: OTRBST

Введение

Современное российское общество характеризуется многообразными трансформациями в политической, экономической и социокультурной сферах. Эти существенные перемены в социуме обуславливают необходимость преобразований и в системе образования. Наблюдаются значительные изменения в государственном подходе к формированию образовательных стандартов, а также в самом образовательном процессе на различных уровнях – от дошкольного до предпрофессионального. Глубинные социальные изменения обусловили потребность в адаптации системы высшего образования Российской Федерации к новым реалиям. В этой связи Федеральные образовательные стандарты постоянно вносятся корректировки, трансформируются требования к формируемым компетенциям, организации учебных занятий, практической подготовке. Происходит трансформация целей и задач деятельности университетов как социальных институтов, а также изменение содержания ценностных ориентаций различных групп профессорско-преподавательского состава.

В связи с данными изменениями актуальной научной задачей становится изучение трансформации профессиональных ценностей преподавателей университетов в процессе развития научной и образовательной деятельности современного вуза. Этот процесс характеризуется переходом от классической модели университета Гумбольдта к современному предпринимательскому университету. Представители различных поколений профессорско-преподавательского состава, в условиях происходящих изменений в их профессиональной деятельности, сталкиваются с необходимостью трансформации целей, ценностных ориентаций, которыми они руководствуются в повседневной работе. Происходит разрушение прежних представлений о смыслах, содержании образовательной, научной и воспитательной функций преподавателя, которые заменяются новыми, предъявляемыми системой организации современного предпринимательского университета.

Проблема профессиональных ценностей является междисциплинарной и активно исследуется представителями различных научных направлений.

Фундаментальные основы аксиологии, философии ценностей были заложены в работах таких мыслителей, как В. Виндельбанд¹, Дж. Дьюи², Г. Лотце³ и др. Они исследовали природу ценностей, их роль в регуляции социального и индивидуального поведения, проблемы соотношения ценностей и норм, объективного и субъективного в аксиологии. Отечественные философы также внесли значительный вклад в изучение проблематики ценностей, что представляет большое значение для данного исследования. В частности, в трудах таких российских философов, как А. С. Богомол⁴, А. Г. Здравомыслов⁵, Н. И. Лапин⁶ и др., раскрываются сущностные характеристики ценностей, их роль в формировании мировоззрения, поведения и деятельности личности и социальных групп.

Социологический подход к изучению феномена ценностей и ценностных ориентаций личности и социальных групп представлен в трудах ведущих зарубежных социологов, таких как Э. Дюркгейм⁷, А. Маслоу⁸, Т. Парсонс⁹, У. Томас¹⁰ и др. Не менее важен вклад отечественных социологов, занимающихся исследованием сущности и содержания ценностных ориентаций. Среди них можно выделить А. Б. Гофмана¹¹, Э. Ф. Зеера¹², А. В. Меренкова¹³, В. А. Ядова¹⁴ и др.

Преподаватели высшей школы как особая социально-профессиональная группа рассматривались в трудах таких ученых, как Т. А. Борзова¹⁵, Г. Е. Зборовский¹,

¹ Виндельбанд В. Прелюдии: философские статьи и речи. Москва: Кучково поле, 2007. 400 с.

² Дьюи Дж. Проблема ценностей в философии. Москва; Ленинград: Наука, 1966. 261 с.

³ Лотце Г. Основания практической философии. Санкт-Петербург: Типография М. И. Румша, 1882. 87 с.

⁴ Богомол А. С. Определенность, ценности и социологическое познание // Социологические исследования. 1975. № 2. С. 54–61.

⁵ Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. Москва: Политиздат, 1986. 221 с.

⁶ Лапин Н. И. Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 3. С. 82–93.

⁷ Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.

⁸ Маслоу А. Мотивация и личность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 352 с.

⁹ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: тексты. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1994. С. 448–463.

¹⁰ Томас У. Методологические заметки (1918) // Американская социологическая мысль: тексты. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1994. С. 335–357.

¹¹ Гофман А. Б. Э. Дюркгейм о ценностях и идеалах // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 104–106.

¹² Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования: практикум. Москва: Академия, 2008. 144 с.

¹³ Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 290 с.

¹⁴ Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10–11. С. 65–72. EDN: WEEHGL

¹⁵ Борзова Т. А. Преподаватель как основное звено технологии «перевёрнутый класс» // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 5. С. 42–49. EDN: XNOJGX

Н. С. Ладыжец² и др. Кроме того, важными для данного исследования являются работы, в которых анализируются изменения в системе высшего образования, например в исследованиях Т. А. Борзовой³, В. И. Коннова⁴, Н. С. Ладыжец⁵, Г. А. Чердниченко⁶, М. Н. Руткевича⁷ и др.

Вопросы изменений в профессиональной деятельности преподавателей высшей школы нашли отражение в работах ряда отечественных исследователей. П. А. Абрамова⁸ исследовала процессы изменения социально-профессионального статуса преподавателей вузов; В. В. Гаврилюк⁹ анализировала влияние рыночных механизмов на профессиональные ценности преподавателей; А. О. Грудзинский¹⁰ рассматривал новые модели управления университетами и их влияние на академическую среду; М. М. Юдкевич и О. Ю. Горелова¹¹ анализировали влияние международных рейтингов и конкуренции на ценности и стратегии поведения академического сообщества.

Идеи Вильгельма фон Гумбольдта¹² и Джона Генри Ньюмена¹ заложили основу для понимания классического типа университета. Модель Гумбольдта, сформиро-

¹ Зборовский Г. Е. и др. Нелинейная модель высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 336 с.

² Ладыжец Н. С. Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации. Ижевск: Филиал издательства Нижегородского университета при УдГУ, 1992. 236 с.

³ Борзова Т. А. Уроки пандемии: цифровая трансформация высшего образования в формате удаленного обучения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13, № 1. С. 195–208. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-1/195-208>; EDN: ACCNKI

⁴ Коннов В. И., Репина М. И. Эволюция моделей университетского управления от “studium generale” до «предпринимательского университета» // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 1 (40). С. 35–47. <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.40.3>; EDN: TUAERP

⁵ Ладыжец Н. С., Неборский Е. В. Университетский барометр: мировые тенденции развития университетов и образовательной среды // «Науковедение»: интернет-журнал. 2015. Т. 7, № 2. С. 1–10. <https://doi.org/10.15862/68PVN215>

⁶ Чердниченко Г. А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 152–182. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-152-182>

⁷ Руткевич М. Н. Социология образования и молодежи: Избранное (1965–2002): сборник статей. Москва: Гардарики, 2002. 542 с.

⁸ Абрамова С. Б. Методология и методы социологического изучения социальных изменений. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 112 с.

⁹ Гаврилюк В. В., Майер В. В., Маленков В. В., Мехришвили Л. Л., Скок Н. И., Трушников Д. Ю., Фарахутдинов Ш. Ф. Профессиональный потенциал молодых преподавателей провинциальных вузов // Вестник ТОГИРРО. 2012. № S2. С. 1–182. EDN: PGXLHR

¹⁰ Грудзинский А. О. Проектно-ориентированный университет. Профессиональная предпринимательская организация вуза. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2004. 370 с.

¹¹ Юдкевич М. М., Горелова О. Ю. Академический инбридинг: причины и последствия // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 1 (95). С. 73–83.

¹² Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетское управление: практика и анализ. 1998. № 3. С. 68–83. EDN: HTNILB

ванная в Берлинском университете, исходила из единства исследования и преподавания, обеспечения академической свободы, всестороннего развития личности. Она оказала ключевое влияние на становление российской университетской системы. В то же время концепция Ньюмена, развитая в Оксфордском и Кембриджском университетах, акцентировала воспитательную функцию высшего образования, гармоничное развитие интеллектуальных и нравственных качеств личности. Эти идеи также нашли отражение в российских университетских традициях.

К началу XX века в российских университетах сложился синтез двух основных моделей организации высшего образования – модели классического университета Вильгельма фон Гумбольдта и концепции Джона Генри Ньюмена. В то время ведущее место в университетах занимали гуманитарные науки, что было характерно для концепции «интеллектуального университета» Ньюмена. Однако постепенно стали появляться и факультеты, где студенты изучали физические, химические, биологические процессы, что соответствовало идее единства исследования и преподавания, выдвинутой Гумбольдтом. Кроме того, в России возникли отдельные высшие учебные заведения, специализирующиеся на подготовке инженерных кадров для нужд развивающейся отечественной промышленности. Параллельно с развитием университетской системы в России продолжала свою деятельность Российская Академия наук, которая объединяла ведущих ученых, специализирующихся на проведении фундаментальных научных исследований. Академия наук, основанная еще в начале XVIII века Петром I, в досоветский период играла важную роль в развитии отечественной науки. В ее стенах трудились выдающиеся ученые, которые обеспечивали значительный прогресс в различных областях знаний – физике, математике, астрономии, биологии, лингвистике и др. В отличие от университетов, где научная деятельность была тесно взаимосвязана с образовательным процессом, Академия наук была ориентирована исключительно на проведение фундаментальных исследований. Это создавало определенную дифференциацию между «академическими» и «университетскими» учеными, что сказывалось на формировании их профессиональных ценностей и ориентаций².

Таким образом, в дореволюционной российской высшей школе наблюдалось сочетание элементов как «гумбольдтовской», так и «ньюменовской» моделей университета, что отражало стремление гармонично интегрировать в систему университетского образования как гуманитарную, так и естественнонаучную составляющие. После установления советской власти сохранилось четкое разделение между фундаментальной наукой, которая была сосредоточена в Академии наук СССР и ее региональных подразделениях, и прикладными исследованиями, проводившимися в многочисленных отраслевых научно-исследовательских институтах при различных министерствах. При этом преподавательская деятельность была сконцентрирована в самих университетах и профильных институтах, готовивших специалистов для разных отраслей народного хозяйства. Отличия между этими двумя секторами высшей школы были незначительными – и те, и другие в основном занимались подготовкой

¹ Ньюмен Дж. Г. Идея университета. Минск: Белорусский государственный университет, 2006. 208 с.

² Бауман З. Текущая современность. Москва: Питер, 2008. 238 с.

молодых специалистов, востребованных в конкретных сферах производства. Институты, в отличие от университетов, были более ориентированы на подготовку технологов, инженеров, механиков для промышленности и сельского хозяйства. Их выпускники непосредственно направлялись на предприятия, фабрики, в колхозы и совхозы, где занимали должности мастеров, наладчиков оборудования и т. п. Университеты в основном занимались подготовкой специалистов в области гуманитарных, общественных и естественных наук. Их выпускники, в первую очередь, направлялись для работы в качестве преподавателей в высшие учебные заведения, научно-исследовательские и отраслевые институты. Часть трудоустроивалась учителями в школы и техникумы¹. Большое внимание уделялось идеологическому и воспитательному компоненту образования. Студентов высших учебных заведений, занимавшихся преимущественно умственным трудом, готовили как представителей «интеллигенции» – социальной группы, отличной от рабочих и колхозников. Советская система высшего образования в значительной степени была ориентирована не только на профессиональную подготовку, но и на воспитание гражданина, преданного своей стране. Преподаватели старшего поколения, получившие образование в СССР, были наделены ключевыми ценностями: 1) подготовка квалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства; 2) формирование гражданской ответственности, приверженности социалистическим идеалам и интересам государства. Этот фактор имеет важное значение, поскольку государство было заинтересовано в том, чтобы вузы воспитывали молодое поколение, готовое служить стране и обеспечивать ее развитие².

Современный частный бизнес в большей степени ориентирован на выпускников, способных решать задачи повышения прибыли предприятий. Гражданская позиция молодых специалистов в таких условиях нередко отходит на второй план. Переход России к рыночной экономике в 90-е гг. прошлого века привел к трансформации системы высшего образования, что существенно повлияло на профессиональные ценности преподавателей. В новых условиях реализация классической модели университета Гумбольдта, основанной на единстве исследований и преподавания, академической свободе и всестороннем развитии личности, стала затруднительной. Изменились отношения вузов с государством и возникшими бизнес-структурами. Перед преподавателями классических университетов, а также технических вузов встала необходимость переоценки своих профессиональных ценностей. В этих условиях на первый план вышла концепция «предпринимательского университета», ориентированного на тесное взаимодействие с рынком, коммерциализацию научных разработок и подготовку востребованных бизнесом специалистов. По утверждению исследователей, «внешняя необходимость требует преобразований во внутренней необходимости»³.

¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. Москва: Академический проект, 2005. 528 с.

² Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. Москва: Дело, 2018. 382 с.

³ Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 290 с.

В данном исследовании ценность понимается как способность определенного предмета или явления удовлетворять конкретные потребности субъекта. Иерархическая структура ценностей личности формируется исходя из содержания ее потребностей. Профессиональные ценности преподавателей высшей школы начали складываться еще в средневековых университетах, а затем получили полное воплощение в модели классического университета Гумбольдта. Согласно этой концепции, в качестве взаимосвязанных процессов профессиональные ценности преподавателей включают научную, образовательную и воспитательную деятельность¹.

Ключевые изменения в системе высшего образования, обусловленные глобальными процессами, такими как коммерциализация, конкурентность, ориентация на потребительский спрос, оказывают существенное влияние на систему ценностных ориентаций университетских преподавателей. Представители более молодого поколения, социализировавшиеся в условиях рыночной экономики, склонны в большей степени ценить такие аспекты профессиональной деятельности, как ее востребованность на рынке образовательных услуг, возможность получения дополнительных доходов, развитие предпринимательских и менеджерских компетенций. В то же время более опытные преподаватели, ориентированные на традиционные академические ценности университетской корпорации, зачастую с настороженностью воспринимают внедрение новых, ориентированных на коммерциализацию, моделей организации высшего образования. Они продолжают отдавать приоритет фундаментальным исследованиям, академической свободе, воспитательной функции университета².

Анализ научной литературы позволяет выделить ключевые факторы, определяющие трансформацию ценностных ориентаций преподавателей высшей школы в условиях модернизации системы высшего образования как в глобальном, так и в российском контексте³. Среди таких факторов можно отметить: 1) расширение экономических и управленческих функций университетов, внедрение рыночных механизмов и принципов предпринимательской деятельности; 2) усиление международной конкуренции и ориентация на продвижение в глобальных академических рейтингах; 3) внедрение новых технологий и цифровизация образовательного процесса; 4) переосмысление роли преподавателя, трансформация его профессиональных практик.

Цель исследования заключается в выявлении содержания и направленности профессиональных ценностей преподавателей разных поколений в контексте трансформации моделей университетского образования.

В ходе исследования применялись общенаучные методы (анализ, синтез, систематизация, индукция, дедукция, сравнение) и методы сбора эмпирических данных (анкетный опрос, интервьюирование). В данной работе использовался метод кейс-

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-традиция, 2000. 383 с.

² Заславская Т. И. Социальный механизм трансформации российского общества // Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. Москва: Высшая школа социальных и экономических наук, 1997. С. 283–299.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. Москва: Аспект-пресс, 1996. С. 37.

стади, который позволил изучить изменения профессиональных ценностей преподавателей на примере Владивостокского государственного университета (далее – ВВГУ) в процессе перехода к модели предпринимательского вуза.

В 2022–2024 гг. нами были проведены комплексные эмпирические исследования профессиональных ценностей преподавателей различных институтов ВВГУ. При сборе данных применялись как качественные, так и количественные методы: анкетный опрос 397 преподавателей, который позволил определить содержание их профессиональных ценностей. Гендерный состав опрошенных преподавателей практически равнозначен, с незначительным преобладанием женщин (51 %) над мужчинами (49 %). Возрастная структура выборки выглядит следующим образом: 42 % преподавателей относятся к возрастной группе до 35 лет (молодые специалисты); 45 % преподавателей – к группе 36–60 лет (средний возраст); 13 % преподавателей – к группе старше 60 лет (старшее поколение). Среди них: 42 % – доценты, 18 % – старшие преподаватели, 10 % – профессора. Помимо анкетного опроса преподавателей, направленного на изучение содержания их профессиональных ценностей, в 2024 году нами был проведен опрос удовлетворенности преподавателей ВВГУ условиями профессиональной деятельности. Данный опрос охватил более широкую выборку – 1350 преподавателей разного возраста из всех институтов университета. В структуру этого опроса был включен специальный блок вопросов, направленных на выявление ценностных ориентаций респондентов. Мы принимали участие в разработке и анализе данных по результатам этого опроса. Таким образом, исследование профессиональных ценностей преподавателей ВВГУ осуществлялось с использованием двух крупномасштабных опросов, охвативших в общей сложности более 1700 человек. Совокупность количественных и качественных методов, применяемых в исследовании, обеспечивает достоверность и репрезентативность полученных результатов.

ВВГУ обеспечивает подготовку специалистов, востребованных на местном рынке труда, способствуя кадровому обеспечению региона. ВВГУ также выступает в качестве субъекта инновационной деятельности, генерируя новые разработки и технологические решения, востребованные региональным бизнесом. Программа цифровой трансформации ВВГУ предполагает не только цифровизацию внутренних процессов университета, но и последующее распространение этой модели на другие вузы. Стратегической целью цифровой трансформации университета является качественное изменение ключевых процессов: образования, научно-исследовательской и инновационной деятельности, а также системы управления вузом. Выбор ВВГУ в качестве объекта исследования является методологически обоснованным и позволяет получить научно значимые результаты, раскрывающие специфику изменений профессиональной культуры преподавателей высшей школы в условиях цифровой и предпринимательской трансформации университетов.

Основная часть

В данном исследовании осуществляется сравнительный анализ ценностных ориентаций трех групп преподавателей, различающихся по возрастному критерию: молодые (до 36 лет), средний возраст (36–60 лет) и старшее поколение (от 61 года).

Исходя из того, что большинство преподавателей начинают свою профессиональную деятельность в вузах после завершения обучения в аспирантуре в возрасте 26–29 лет, можно сделать вывод, что представители старшей возрастной группы сформировали свои профессиональные ценности в период, когда в отечественной системе высшего образования доминировала модель классического исследовательского университета В. фон Гумбольдта. Данная модель, сохранявшаяся в нашей стране вплоть до 2010–2012 гг., была ориентирована прежде всего на образовательную деятельность, в то время как научная работа не являлась обязательным условием для продления трудового договора преподавателей. Таким образом, ценностные установки старшего поколения преподавателей формировались в рамках данной институциональной среды, что создает предпосылки для их отличия от ценностных ориентаций молодых и среднего возраста преподавателей, социализировавшихся в условиях перехода университетов к инновационным моделям.

Преподаватели среднего возраста, начавшие свою трудовую деятельность примерно 15–30 лет назад, в период с начала 1990-х до середины 2000-х гг., социализировались в условиях постепенной либерализации отечественной системы высшего образования. В это время появились возможности для открытия новых специальностей и образовательных программ, в том числе в частных вузах. Однако сохранялась традиционная система квалификационных требований к преподавателям. Соответственно, ценностные установки этой возрастной группы во многом сходны с ценностными ориентациями старшего поколения педагогов.

Преподаватели в возрасте до 36 лет начали свою трудовую деятельность в вузах примерно с 2010–2012 гг. К этому времени в систему высшего образования были внедрены Федеральные государственные образовательные стандарты (далее – ФГОС), задавшие новые нормативные требования к содержанию, результатам обучения и формам контроля качества подготовки студентов. Ключевым в этом контексте стало требование о необходимости формирования у выпускников определенных компетенций – общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных. Таким образом, ценностные ориентации младшего поколения преподавателей во многом связаны с необходимостью овладения компетентностным подходом в обучении студентов.

В условиях кардинальной трансформации общественной системы, перехода от идеологии коллективизма к установкам индивидуализма и приоритету личных интересов, различия между поколениями приобретают особую значимость. Данные различия обусловлены тем, что старшее поколение продолжает сохранять в своем сознании ценности прошлой эпохи, в то время как молодежь более открыта к принятию новых ценностных ориентиров, качественно отличающихся от тех, которыми руководствовались их родители, бабушки и дедушки. Полагаем, что в условиях трансформации системы высшего образования возраст преподавателей становится одним из определяющих факторов их адаптационных возможностей. Возрастные характеристики преподавателей оказывают значимое влияние на их способность приспосабливаться к новым требованиям и условиям профессиональной деятельности. Внедрение новых образовательных стандартов и технологий обуславливает необходимость перестройки трудовой деятельности преподавателей, а также их со-

циальной роли в академическом сообществе. Представители старших возрастных групп сталкиваются с большими сложностями в принятии новых ценностей и социальных норм, чем молодое поколение, которое более гибко перестраивает свои профессиональные и личностные ориентации в соответствии с требованиями меняющейся реальности.

Применение в рамках социологического исследования метода кейс-стади в ВВГУ позволило получить следующие данные о структуре профессорско-преподавательского состава (далее – ППС).

1. Научный потенциал. Основную часть ППС (64 %) составляют преподаватели, имеющие ученую степень, из них: 50,3 % – кандидаты наук; 13,7 % – доктора наук.

2. Возрастная структура ППС университета характеризуется следующими основными особенностями: а) доля молодых преподавателей в возрасте до 35 лет составляет 22 %. Это свидетельствует о сравнительно небольшой доле начинающих специалистов в общем составе ППС; в) в основную группу входят преподаватели (46 %) в возрасте от 36 до 60 лет, что отражает преобладание среди ППС специалистов со значительным опытом работы; 3) достаточно велика доля преподавателей старше 61 года – 32 %. Преподаватели ВВГУ обладают значительным научным потенциалом, поскольку многие из них имеют научные степени. При этом возрастные группы характеризуются преобладанием представителей среднего возраста, с заметной долей как молодых, так и старших преподавателей.

Детальное рассмотрение возрастной структуры ППС с точки зрения наличия ученых степеней позволяет выявить следующие особенности: 1) среди преподавателей до 35 лет каждый третий имеет степень кандидата наук, что свидетельствует о высоком научном потенциале молодого поколения; 2) в возрастной группе 36–60 лет кандидатом наук является каждый второй преподаватель, что указывает на сохранение устойчивой ориентации среднего поколения на научно-исследовательскую деятельность. Представленные данные свидетельствуют о следующих особенностях квалификационного состава преподавателей старшей возрастной группы (от 60 лет): высокая доля преподавателей, имеющих ученую степень кандидата наук – 53,5 %. Это указывает на их значительный научно-педагогический потенциал. Также среди преподавателей данной группы значительную долю составляют доктора наук – 28,3 %. Высокий процент преподавателей с докторской степенью отражает накопленный ими значительный научный и профессиональный опыт. Сравнительно небольшую группу составляют преподаватели без ученой степени – 18,2 %. Прослеживается очевидная тенденция к повышению научной квалификации профессорско-преподавательского состава по мере увеличения возрастной когорты. Это создает основу для предположения о наличии существенных различий в ценностных ориентациях разных поколений преподавателей, связанных с их научно-исследовательской активностью.

Можно выделить следующие ключевые моменты, характеризующие трансформацию профессиональных ценностей преподавателей разных возрастных групп под влиянием изменений в системе высшего образования: 1) переход к оказанию коммерческих услуг в вузах (контрактное обучение, появление частных вузов) в 1990-х гг. привел к массовизации высшего образования и в то же время к его обес-

цениванию. Это снизило социальный статус преподавателя на рынке труда; 2) в профессии остались в основном те, для кого педагогическая деятельность является призванием, либо те, кто не смог найти работу в коммерческом секторе; 3) массовизация высшего образования требует внедрения новых образовательных технологий: увеличения доли онлайн-курсов, применения дистанционных форм обучения, а также балльно-рейтинговых систем оценивания. Данные изменения влекут за собой трансформацию профессиональных ценностей преподавателей различных возрастных когорт. При этом молодые преподаватели (до 36 лет) более открыты к освоению и применению новых технологий обучения; представители среднего возраста (36–60 лет) и старшие преподаватели консервативнее в отношении инноваций в образовательном процессе. Таким образом, реформы высшей школы с массовизацией образования и внедрением современных технологий оказывают разное влияние на ценностные ориентации преподавателей в зависимости от их возраста и профессионального опыта.

Представленные данные позволяют сделать выводы о том, что только 12 % преподавателей на данный момент применяют в своей деятельности современные образовательные технологии, такие как открытое образование и дистанционное обучение. При этом 38 % преподавателей намерены в ближайшем будущем освоить новые требования к учебной и научной работе, связанные с внедрением инновационных методов преподавания. Это свидетельствует о том, что значительная часть профессорско-преподавательского состава готова к трансформации своих профессиональных ценностей и стереотипов поведения в ответ на происходящие изменения в системе высшего образования. Несмотря на то, что на данный момент лишь небольшая доля преподавателей реально применяет новые образовательные технологии, почти 40 % выражают готовность к освоению и использованию современных подходов в педагогической деятельности. Такая динамика отражает постепенный процесс ценностной перестройки преподавательского корпуса, вызванный необходимостью адаптации к новым требованиям и реалиям высшей школы.

Анализ ответов респондентов в возрастном разрезе подтверждает гипотезу о большей приверженности стереотипам профессиональной деятельности преподавателей старших возрастных групп: лишь 8 % преподавателей старше 60 лет намерены осваивать новые образовательные технологии. В то же время среди преподавателей до 36 лет их 43 %. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что наиболее высокий уровень интереса к инновационным методам обучения наблюдается в возрастной группе преподавателей в возрасте от 36 до 60 лет. Так, согласно полученным данным, 49 % представителей данной возрастной категории планируют освоить новые педагогические технологии и методики в ближайшей перспективе. Это свидетельствует об их высокой мотивации к внедрению инноваций в образовательный процесс. Подобная тенденция может быть обусловлена тем, что преподаватели средней возрастной группы, обладая значительным профессиональным опытом, одновременно сохраняют достаточную гибкость и восприимчивость к переменам.

Проведенное исследование также выявило основные факторы, сдерживающие, по мнению преподавателей, использование современных образовательных технологий.

На первом месте они отмечают отсутствие возможности живого общения между преподавателем и студентом (45 %). Второе место занимает разрушение традиционных каналов и способов трансляции студентам норм и ценностей профессиональной культуры (36 %). Данные исследования свидетельствуют о высокой значимости для преподавателей межличностного взаимодействия со студентами с целью передачи профессиональных ценностей, что рассматривается ими как один из ведущих факторов формирования личности будущего специалиста. Согласно результатам исследования, третье место среди факторов, сдерживающих использование современных образовательных технологий, респонденты отвели отсутствию возможности внутригруппового общения студентов во время занятий (19 %). Групповое взаимодействие студентов рассматривается преподавателями как важный механизм формирования навыков деловой коммуникации.

Анализируя влияние внедрения новых образовательных технологий на трансформацию профессиональных ценностей преподавателей, считаем, что по этому поводу нельзя делать однозначные выводы. Мнение преподавателей старшего поколения о новых технологиях обучения не демонстрирует существенных отличий от мнения их более молодых коллег. С нашей точки зрения, преподаватели старше 60 лет воспринимают происходящие изменения в образовании как неизбежность. В рассматриваемом контексте можно выделить действие механизма, описанного ранее в теоретической части работы, – влияние внешней необходимости на формирование внутренней потребности преподавателей в адаптации к новым условиям профессиональной деятельности. Внешняя необходимость в этом случае определяется объективными требованиями современной образовательной среды, характеризующейся активным внедрением цифровых технологий и дистанционных форматов обучения. Данные тренды предъявляют новые компетентностные запросы к преподавательскому корпусу, обуславливая потребность в освоении навыков разработки онлайн-курсов, использовании технологичных сервисов взаимодействия со студентами и т. д. В свою очередь, подобная внешняя необходимость способствует возникновению у преподавателей внутренней мотивации к принятию и эффективному освоению новых трудовых функций, что выступает важным условием успешной адаптации педагогического состава к вызовам цифровой трансформации высшего образования. Таким образом, даже возрастные преподаватели, опираясь на богатый опыт работы в ситуации постоянных реформ и нововведений в отечественном образовании за последние 30 лет, вынуждены адаптироваться к новым требованиям. Это не означает прямого влияния технологических инноваций на трансформацию их профессиональных ценностей, а скорее свидетельствует о гибкости и способности к адаптации даже со стороны наиболее опытных представителей педагогического сообщества.

Анализ полученных в ходе исследования данных показывает, что сотрудники разных возрастных групп по-разному воспринимают и реализуют новые требования, предъявляемые к их профессиональной деятельности. Так, среди респондентов более молодого возраста: 18,1 % отметили свою способность легко включаться в инновации; 19,3 % указали на стремление постоянно доказывать свою конкурентоспо-

способность; 45 % подчеркнули готовность повышать квалификацию и приобретать новые знания; 17,6 % скорректировали свою профессиональную траекторию.

Вместе с тем, значительная доля представителей средней и старшей возрастных групп, напротив, испытывает определенные трудности при реализации новых задач, предъявляемых к их профессиональной деятельности. Так, 38 % опрошенных сотрудников отметили, что им сложно постоянно доказывать свою конкурентоспособность, несмотря на необходимость это делать; 36 % указали на трудности быстрого реагирования на изменения условий и правил деятельности; 26 % респондентов заявили о своей неготовности работать в новых условиях, предполагающих постоянное изменение содержания и форм работы, постоянно доказывать свою конкурентоспособность.

Проведенное исследование выявило значительную долю преподавателей, испытывающих трудности при изменении содержания и форм своей работы. Так, среди профессорско-преподавательского состава старше 60 лет 45 % респондентов признались в наличии подобных проблем. В возрастной группе от 36 до 60 лет этот показатель составил 39 %. Более того, 12 % представителей указанных возрастных категорий заявили, что не могут и не желают работать в условиях постоянной необходимости отказа от имеющегося опыта и освоения новых методов и технологий в краткие сроки. Вместе с тем, следует отметить, что более активная возрастная группа, обладающая значительным жизненным ресурсом, ориентирована на его сохранение, понимая необходимость разумного распределения времени между профессиональной деятельностью, семьей и досугом. Преподаватели в возрасте старше 60 лет менее критично воспринимают постоянные нововведения в образовательном процессе. У данной возрастной группы сформировалась привычка к интенсивной трудовой деятельности еще в 1990-е гг., когда условия жизни и работы претерпевали значительные изменения для всех категорий населения. Это способствовало возникновению у данной категории преподавателей стереотипа работника, который должен уметь адаптироваться к любым условиям. Преподаватели старшего возраста стремятся сохранить свою востребованность в университете. В отличие от молодых кадров, готовых к смене сферы трудовой деятельности, для данной возрастной группы характерна более низкая мобильность и меньшая готовность к такого рода переменам.

При проведении исследования различий в профессиональных ценностях преподавателей разных возрастных групп мы исходили из наличия трех основных категорий, отличающихся приоритетностью ценностей воспитательной, образовательной и научно-исследовательской деятельности. Данное предположение основывается на том, что такие компоненты присутствуют как в модели классического университетского образования, так и, в несколько трансформированном виде, в модели предпринимательского университета. Первая группа включает преподавателей, для которых наиболее значимой является воспитательная работа. Вторая категория объединяет тех, кто ценит образовательную составляющую, обеспечивающую формирование профессиональных компетенций обучающихся. Третья группа преподавателей отдаст предпочтение научно-исследовательской деятельности, результаты которой в разной степени интегрируются в содержание лекционных, семинарских и практических

занятий. Согласно результатам проведенного опроса, для преподавателей средней и старшей возрастных групп наиболее значимым является сочетание передачи знаний и воспитательной компоненты. Возрастная группа 36–60 лет: воспитательная деятельность – 41 %; образовательная деятельность – 47 %; научно-исследовательская деятельность – 12 %. Возрастная группа от 60 лет и старше: воспитательная деятельность – 53 %; образовательная деятельность – 38 %; научно-исследовательская деятельность – 9 %.

В советский период преподаватели, которым в настоящее время более 60 лет, считали своей профессиональной обязанностью формировать у молодежи интерес к политике, искусству, а также стимулировать размышления о предназначении человека и оценке причин аморального поведения. Однако идеология потребительства, доминирующая в современном обществе, не способствует формированию у молодых людей готовности к совместному с преподавателями обсуждению вопросов, составляющих суть воспитания и личностного самосовершенствования. В силу объективных социокультурных изменений у преподавателей средней и старшей возрастных групп сужается пространство для реализации традиционной воспитательной функции, что вызывает у них определенные сложности и требует поиска новых форм и методов воспитательной работы со студентами. Недавние события, вызванные введением многочисленных санкций в отношении России и военным конфликтом на Украине, способствовали тому, что Министерство науки и высшего образования РФ предприняло шаги по внедрению специальной образовательной программы. Ключевыми целями данной программы являются формирование у студенческой молодежи гражданской ответственности и воспитание патриотизма. В сложившихся условиях наблюдается возрастание профессиональной значимости преподавателей, связанной с организацией воспитательной работы, направленной на формирование мировоззрения современной студенческой молодежи. Преподаватели средней возрастной группы, начинавшие свою трудовую деятельность в 1990-е гг., оказались в условиях трансформации ценностных ориентаций общества в целом. В этот период перед университетами была поставлена задача сосредоточиться, в первую очередь, на решении задач профессиональной подготовки студентов. В результате у преподавателей данной возрастной категории на первый план вышла образовательная составляющая их деятельности, в то время как воспитательная функция перестала быть востребованной. Данная ситуация существенно отличается от ценностных ориентаций преподавателей старшего поколения, для которых воспитание молодежи всегда оставалось важнейшей составляющей профессиональной деятельности.

Результаты исследования показали, что еще одним негативным фактором, оказывающим влияние на трансформацию профессиональных ценностей у представителей старшего и среднего возраста, является их оценка возможных рисков в условиях постоянных изменений в системе университетского образования. Согласно полученным данным, у преподавателей старше 60 лет на первом месте находятся опасения, связанные с возможностью потери работы. Эти опасения обусловлены их убеждением в невозможности полностью выполнить возрастающие требования в сфере научно-исследовательской деятельности (32,9 % респондентов). Данный факт свидетельствует о том, что для преподавателей старшего возраста растущие требования к

научной продуктивности и инновационной активности воспринимаются как серьезная угроза для сохранения их профессионального статуса и занимаемых должностей. Таким образом, ощущение потенциальной уязвимости в условиях трансформации критериев оценки профессиональной деятельности становится одним из барьеров, препятствующих более активной перестройке ценностно-мотивационной сферы преподавателей старшего и среднего возраста. Второе место занимает тревога по поводу снижения качества обучения студентов вследствие увеличения затрат времени на научную работу (24,5 %). Схожее распределение тревожности наблюдается и у части преподавателей в возрасте около 50 лет. Данные тенденции свидетельствуют об усложнении для старших возрастных групп преподавателей сочетания различных по содержанию видов профессиональной деятельности, обусловленных изменениями в требованиях как к образовательной, так и к исследовательской работе.

Выводы

На основании проведенных исследований можно сделать вывод о том, что характерной особенностью ценностного набора современного преподавателя является противоречивое сочетание классического и предпринимательского университета. Современные социокультурные, экономические и технологические изменения влияют на формирование и трансформацию профессиональных ценностей педагога высшей школы. Стоит отметить, что представленная работа выявила актуальность проблемы преемственности поколений в системе высшего образования – динамику перехода профессиональных ценностей преподавателя высшей школы по возрастному критерию, что, безусловно, требует разработки стратегий управления ценностно-мотивационной сферой научно-педагогических работников с учетом их возрастной и профессиональной специфики.

Новизна результатов исследования заключается в том, что была осуществлена комплексная диагностика профессиональных ценностей, основанная на анализе как качественных, так и количественных данных. Выявленные изменения в ценностной системе преподавателей высшего образования позволяют не только уточнить существующие теоретические модели, но и в перспективе выработать рекомендации для практики, направленные на обеспечение их оптимального баланса в образовательном процессе.

Список литературы / References

Абрамова С. Б. *Методология и методы социологического изучения социальных изменений*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 112 с.

Abramova S. B. *Methodology and methods for the sociological study of social changes*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2020. 112 p. (In Russ.)

Бауман З. *Текущая современность*. Москва: Питер, 2008. 238 с.

Bauman Z. *Liquid modernity*. Moscow: Piter, 2008. 238 p. (In Russ.)

Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. Москва: Прогресс-традиция, 2000. 383 с.

Beck U. *Risk society. On the way to another modernity*. Moscow: Progress-traditsiia, 2000. 383 p. (In Russ.)

Богомолов А. С. Определенность, ценности и социологическое познание. *Социологические исследования*, 1975, № 2, с. 54–61.

Bogomolov A. S. Objectification, values and sociological knowledge. *Sociological Studies*, 1975, no. 2, pp. 54–61. (In Russ.)

Борзова Т. А. Преподаватель как основное звено технологии «перевернутый класс». *Высшее образование в России*, 2018, т. 27, № 5, с. 42–49. EDN: XNOJGX

Borzova T. A. Teacher as a principle element of the “flipped classroom” technology. *Higher education in Russia*, 2018, vol. 27, no. 5, pp. 42–49. (In Russ.) EDN: XNOJGX

Борзова Т. А. Уроки пандемии: цифровая трансформация высшего образования в формате удаленного обучения. *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*, 2021, т. 13, № 1, с. 195–208. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-1/195-208>; EDN: ACCNKI

Borzova T. A. Lessons from the pandemic: digital transformation of higher education through distance learning. *Territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 195–208. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-1/195-208>; EDN: ACCNKI

Виндельбанд В. *Прелюдии: философские статьи и речи*. Москва: Кучково поле, 2007. 400 с.

Windelband V. *Preludes: philosophical articles and speeches*. Moscow: Kuchkovo Pole, 2007. 400 p. (In Russ.)

Гаврилюк В. В., Майер В. В., Маленков В. В., Мехришвили Л. Л., Скок Н. И., Трушников Д. Ю., Фарахутдинов Ш. Ф. Профессиональный потенциал молодых преподавателей провинциальных вузов. *Вестник ТОГИРРО*, 2012, № S2, с. 1–182. EDN: PGXLHR

Gavriiliuk V. V., Maier V. V., Malenkov V. V., Mekhrishvili L. L., Skok N. I., Trushnikov D. Yu., Farakhutdinov Sh. F. Professional potential of young teachers at provincial universities. *The Bulletin of Tyumen Regional State Institute of Regional Education Development*, 2012, no. S2, pp. 1–182. (In Russ.) EDN: PGXLHR

Гидденс Э. *Устройство общества: Очерк теории структуризации*. Москва: Академический проект, 2005. 528 с.

Giddens E. *The structure of society: an essay on the theory of structuration*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2005. 528 p. (In Russ.)

Гофман А. Б. Э. Дюркгейм о ценностях и идеалах. *Социологические исследования*, 1991, № 2, с. 104–106.

Goffman A. B. E. Durkheim on values and ideals. *Sociological Studies*, 1991, no. 2, pp. 104–106. (In Russ.)

Грудзинский А. О. *Проектно-ориентированный университет. Профессиональная предпринимательская организация вуза*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2004. 370 с.

Grudzinski A. O. *Project-oriented university. Professional entrepreneurial organization of a university*. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2004. 370 p. (In Russ.)

Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине. *Университетское управление: практика и анализ*, 1998, № 3, с. 68–83. EDN: HTNILB

Humboldt V. On the internal and external organization of higher scientific institutions in Berlin. *University management: practice and analysis*, 1998, no. 3, pp. 68–83. (In Russ.) EDN: HTNILB

Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения. *Социологические исследования*, 1991, № 2, с. 106–114.

Durkheim E. Value and “real” judgments. *Sociological Studies*, 1991, no. 2, pp. 106–114. (In Russ.)

Дьюи Дж. *Проблема ценностей в философии*. Москва; Ленинград: Наука, 1966. 261 с.

Dewey J. *The problem of values in philosophy*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. 261 p. (In Russ.)

Заславская Т. И. Социальный механизм трансформации российского общества. *Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри*. Москва: Высшая школа социальных и экономических наук, 1997, с. 283–299.

Zaslavskaya T. I. Social mechanism of transformation of Russian society. *Russian society at a social break: a view from the inside*. Moscow: Vysshaya shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk, 1997, pp. 283–299. (In Russ.)

Зборовский Г. Е. и др. *Нелинейная модель высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности*. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 336 с.

Zborovskii G. E. et al. *Nonlinear model of higher education in a macroregion: theoretical concept and practical possibilities*. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2016. 336 p. (In Russ.)

Здравомыслов А. Г. *Потребности, интересы, ценности*. Москва: Политиздат, 1986. 221 с.

Zdravomyslov A. G. *Needs, interests, values*. Moscow: Politizdat, 1986. 221 p. (In Russ.)

Зеер Э. Ф. *Психология профессионального образования: практикум*. Москва: Академия, 2008. 144 с.

Zeer E. F. *Psychology of professional education: practical course*. Moscow: Akademiia, 2008. 144 p. (In Russ.)

Коннов В. И., Репина М. И. Эволюция моделей университетского управления от “studium generale” до «предпринимательского университета». *Международные процессы*, 2015, т. 13, № 1 (40), с. 35–47. <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.40.3>; EDN: TUAEPB

Konnov V. I., Repina M. I. Evolution of university management models from “studium generale” to “entrepreneurial university”. *International Trends*, 2015, vol. 13, no. 1 (40), pp. 35–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.40.3>; EDN: TUAEPB

Ладыжец Н. С. *Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации*. Ижевск: Филиал издательства Нижегородского университета при УдГУ, 1992. 236 с.

Ladyzhets N. S. *University education: ideals, goals, system of values*. Izhevsk: Filial izdatel'stva Nizhegorodskogo universiteta pri UdGU, 1992. 236 p. (In Russ.)

Ладыжец Н. С., Неборский Е. В. Университетский барометр: мировые тенденции развития университетов и образовательной среды. *Науковедение*, 2015, т. 7, № 2, с. 1–10. <https://doi.org/10.15862/68PVN215>

Ladyzhets N. S. University barometer: global trends in the development of universities and the educational environment. *Science study*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 1–10. (In Russ.) <https://doi.org/10.15862/68PVN215>

Лапин Н. И. Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег. *Экономическая социология*, 2009, т. 10, № 3, с. 82–93.

Lapin N. I. Studies of values conducted by Vladimir Yadov and his colleagues. *Journal of Economic Sociology*, 2009, vol. 10, no. 3, pp. 82–93. (In Russ.)

Лотце Г. *Основания практической философии*. Санкт-Петербург: Типография М. И. Румша, 1882. 87 с.

Lotze G. *Foundations of Practical Philosophy*. St Petersburg: Tipografiia M. I. Rumsha, 1882. 87 p. (In Russ.)

Маслоу А. *Мотивация и личность*. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 352 с.

Maslow A. *Motivation and personality*. St Petersburg: Piter, 2008. 352 p. (In Russ.)

Меренков А. В. *Социология стереотипов*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 290 с.

Merenkov A. V. *Sociology of stereotypes*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. 290 p. (In Russ.)

Ньюмен Дж. Г. *Идея университета*. Минск: Белорусский государственный университет, 2006. 208 с.

Newman J. G. *The idea of the university*. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2006. 208 p. (In Russ.)

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. *Американская социологическая мысль: тексты*. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1994, с. 448–463.

Parsons T. The action coordinate system and general theory of action systems: culture, personality, and the place of social systems. *American sociological thought: texts*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1994, pp. 448–463. (In Russ.)

Руткевич М. Н. *Социология образования и молодежи: Избранное (1965–2002): сборник статей*. Москва: Гардарики, 2002. 542 с.

Rutkevich M. N. *Sociology of education and youth: Selected works (1965–2002): collection of articles*. Moscow: Gardariki, 2002. 542 p. (In Russ.)

Томас У. *Методологические заметки (1918)*. *Американская социологическая мысль: тексты*. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1994, с. 335–357.

Thomas W. *Methodological notes (1918)*. *American sociological thought: texts*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1994, pp. 335–357. (In Russ.)

Фуллер С. *Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии*. Москва: Дело, 2018. 382 с.

Fuller S. *Sociology of intellectual life: the career of the mind inside and outside the academy*. Moscow: Delo, 2018. 382 p. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню. *Вопросы образования*, 2017, № 3, с. 152–182. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-152-182>

Cherednichenko G. A. Russian youth in the education system: from stage to stage. *Issues of education*, 2017, no. 3, pp. 152–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-152-182>

Штомпка П. *Социология социальных изменений*. Москва: Аспект-пресс, 1996. 414 с.

Shtompka P. *Sociology of social changes*. Moscow: Aspekt-press, 1996. 414 p. (In Russ.)

Юдкевич М. М., Горелова О. Ю. Академический инбридинг: причины и последствия. *Университетское управление: практика и анализ*, 2015, № 1 (95), с. 73–83.

Iudkevich M. M., Gorelova O. Yu. Academic inbreeding: causes and consequences. *University management: practice and analysis*, 2015, no. 1 (95), pp. 73–83. (In Russ.)

Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов). *Общество и экономика*, 1999, № 10-11, с. 65–72. EDN: WEEHGL

Iadov V. A. Russia as a transforming society (summary of a long-term discussion by sociologists). *Society and Economics*, 1999, no. 10-11, pp. 65–72. (In Russ.) EDN: WEEHGL

Сведения об авторе

Татьяна Александровна Борзова – кандидат культурологии, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-6203-202X>, Tatyana.Borzova@vvsu.ru, Владивостокский государственный университет (д. 14, ул. Гоголя, 690014 Владивосток, Россия); **Tatyana A. Borzova** – Candidate of Culturology, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-6203-202X>, Tatyana.Borzova@vvsu.ru, Vladivostok State University (14, ul. Gogolya, 690014 Vladivostok, Russia).

Статья поступила в редакцию 09.11.2024; одобрена после рецензирования 04.12.2024; принята к публикации 18.12.2024.

The article was submitted 09.11.2024; Approved after reviewing 04.12.2024; Accepted for publication 18.12.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 156–166.
Cherovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 156–166.

Научная статья

УДК 37.013.42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-14>

<https://elibrary.ru/rhedxl>

Подходы к проектированию программ по подготовке студентов к материнству и отцовству

Елена Юрьевна Капустина^{1✉}, Ирина Александровна Макеева²

¹Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

²Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия

^{1✉}eiukapustina@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0467-7505>

²Irinadarina4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>

Аннотация. В статье представлен обзор исследований в области изучения феномена родительства (материнства и отцовства), который выявил недостаточность теоретических представлений и методической обеспеченности подготовки молодежи к роли будущих родителей. В статье представлены результаты эмпирического исследования, в ходе которого изучались когнитивный, мотивационный, ценностный, деятельностный компоненты отношения к будущему материнству и отцовству в студенческой среде. Обоснованы подходы к проектированию программ по формированию личностно-мотивированного материнства и отцовства в студенческой среде.

Ключевые слова: родительство, материнство, отцовство, родительские роли, родительская компетентность, личностно-мотивированное материнство и отцовство

Для цитирования: Капустина Е. Ю., Макеева И. А. Подходы к проектированию программ по подготовке студентов к материнству и отцовству // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 156–166. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-14>; EDN: RHEDXL

Approaches to designing programmes to prepare students for motherhood and fatherhood

Elena Yu. Kapustina^{1✉}, Irina A. Makeeva²

¹Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

²Vologda State University,
Vologda, Russia

^{1✉}eiukapustina@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0467-7505>

²Irinadarina4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>

Abstract. The authors turn to the study of the readiness for motherhood and fatherhood in a youth environment. The article presents the results of the empirical research, which studied the cognitive, motivational, value, and activity components of attitudes towards students' future motherhood and fatherhood. The authors also substantiate the approaches to the design of programmes for the development of personally-motivated motherhood and fatherhood among students.

Keywords: parenthood, motherhood, parenthood, parenting roles, parental competence, person-motivated motherhood and parenthood

For citation: Kapustina E. Yu., Makeeva I. A. Approaches to designing programmes to prepare students for motherhood and fatherhood. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 156–166. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-14>; EDN: RHEDXL

Введение

Семья является не только базовым социальным институтом общества, но также институтом первичной социализации ребенка, который играет определяющую роль в формировании личностных качеств, ценностных установок, моделей социального поведения.

Современные тенденции в развитии семейного института в демографическом аспекте достаточно противоречивы и скорее имеют негативную направленность. Наблюдается стремление к однодетной и малодетной семье (семья с двумя детьми), ориентация на супружество в противовес родительству, когда создание семьи не имеет главной целью рождение и воспитание детей и в центре оказываются супружеские отношения, личностное и профессиональное саморазвитие супругов, поэтому рождение первого ребенка откладывается на неопределенную перспективу.

Как отмечают исследователи, данные тенденции начали формироваться еще в XX веке – рождение ребенка не рассматривается как обязательная составляющая саморазвития и самореализации (М. Е. Ланцбург¹), возникает тенденция к отказу от родительства (Е. И. Захарова², Н. Н. Васягина³, Т. В. Шинина⁴).

¹ Ланцбург М. Е. Родительство в современном мире – новые тренды // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 2. С. 62–66. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050208>

² Захарова Е. И. Психология освоения родительства. Москва: Московский государственный областной университет, 2014. 258 с.

³ Васягина Н. Н. Образ матери: особенности репрезентации в сознании россиян // Педагогическое образование в России. 2015. № 6. С. 138–144.

⁴ Шинина Т. В. Социально-психологические проблемы современной семьи: ресурсный подход // Отечественный журнал социальной работы. 2016. № 1. С. 167–171.

Обзор исследований в области изучения феномена родительства (материнства и отцовства) свидетельствует о том, что большая их часть сфокусирована на рассмотрении психологической готовности к родительству (Г. Г. Филиппова, О. А. Карабаева, М. Е. Ланцбург, К. Н. Поливанова, Е. И. Захарова), формирования ответственного родительства (В. Д. Москаленко), проблем несовершеннолетнего материнства (Т. В. Бердникова, Т. И. Греченкова, Т. А. Гурко, К. А. Мур, Е. Т. Путинцева, Т. Ю. Радилловская, С. В. Скутнева, А. В. Стукалова). Существенно меньше круг исследований, в которых рассматриваются вопросы, связанные с анализом явления отцовства. В частности, в работах Т. О. Гоношиловой и М. И. Черепановой изучается процесс становления отцовства; отцовство как структурно-динамический феномен в своих исследованиях рассматривают Ю. В. Евсеенкова и А. Г. Портнова; Н. Н. Клепцов и Е. Ю. Клепцова исследуют феномен отцовства по отношению к подросткам. Обобщение имеющихся исследований в данной области позволяет констатировать, что дальнейшего анализа и изучения требуют вопросы о структуре отцовства, вопросы о моделях и технологиях формирования социально-психологической готовности к нему, а также о факторах, влияющих на формирование этой готовности.

Анализ исследований позволяет прийти к выводу, что феномен «родительства» не тождественен категориям «материнство» и «отцовство», поэтому в качестве предмета исследования может выступать осознанное родительство, эффективное родительство, готовность к родительству, психологическая готовность к материнству и отцовству и т. д.

Можно отметить, что подготовка подрастающего поколения к семейной жизни и родительству всегда являлась неотъемлемой частью воспитательного процесса, как в советской, так и российской системе образования. Если необходимость такой работы очевидна, то содержание, методы, и в целом подходы к проектированию программ, направленные на формирование осознанного и ответственного родительства (материнства и отцовства), требуют уточнения и обоснования с позиций современных демографических реалий, правовых аспектов, поведенческих моделей молодежи.

Цель исследования заключается в рассмотрении и обосновании подходов к проектированию программ по формированию личностно-мотивированного материнства и отцовства в студенческой среде.

Основная часть

Исходным положением для проектирования программ является понимание того факта, что материнство и отцовство имеет, с одной стороны, социально-обусловленный характер, а, с другой стороны, личностно-обусловленный характер. Следует уточнить, что, рассматривая подходы к разработке программ по подготовке к материнству и отцовству, мы подразумеваем их реализацию в семейных отношениях.

Во-первых, необходимо опираться на правовой подход, т. е. правовое понимание семьи как социального института. Важно учитывать ряд положений, в частности, признание и правовое закрепление значимости семьи как базового социального института; понимание семьи в аспекте реализации прав ребенка; определение модели

семьи в правовом пространстве; существование и развитие семейного института в контексте традиционных ценностей.

В качестве первой детерминанты можно отметить положение о том, что семья определяется как основная ячейка общества и естественная среда для роста ребенка, семья играет ключевую роль в социальном развитии, семья имеет право на всестороннюю защиту и поддержку, которое закрепляется как на международном¹, так и на федеральном уровнях – в частности, в Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства»², и государственная политика направлена на создание условий для достойного воспитания детей в семье. Кроме того, в качестве отдельного объекта рассмотрения в нормативно-правовых документах представлена категория «материнство и детство», отмечается необходимость оказания помощи женщинам в связи с рождением ребенка (предоставление отпуска по беременности и родам, по уходу за ребенком, выплата социальных пособий).

В качестве второй детерминанты можно выделить рассмотрение семьи (материнства и отцовства) с точки зрения реализации прав ребенка: 1) признание значимости семьи для развития и воспитания ребенка; 2) понимание необходимости участия обоих родителей в воспитании ребенка (равенство прав и обязанностей обоих родителей); 3) признание права ребенка на семейное воспитание как важнейшего из прав. В частности, в Национальной стратегии действий в интересах детей (2012–2017)³ в качестве ключевого принципа выделяется принцип реализации основополагающего права каждого ребенка жить и воспитываться в семье.

В качестве третьей детерминанты следует выделить правовое понимание семьи именно как семьи с детьми. Задачи в сфере укрепления института семьи направлены на «формирование культуры семьи с детьми как базовой общественной ценности», «укрепление благополучия семей, имеющих детей»⁴⁵. Также в правовом поле закрепляется модель современной многодетной семьи, в частности, определены задачи

¹ Декларация социального прогресса и развития от 11 декабря 1969 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/socdev.shtml (дата обращения: 01.02.2025); Копенгагенская декларация о социальном развитии от 6–12 марта 1995 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml (дата обращения: 01.02.2025); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 01.02.2025).

² Статья 38 // Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. URL: <https://base.garant.ru/10103000/31c8140a2e1dc585c5111b6d2281821d/> (дата обращения: 01.02.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации № 761 от 1 июня 2012 г. «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70083566/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁴ Указ Президента Российской Федерации № 240 от 29 мая 2017 г. «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 01.02.2025).

⁵ Указ Президента Российской Федерации № 358 от 17 мая 2023 г. «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/> (дата обращения: 01.02.2025).

по реализации мероприятий, направленных на сохранение и укрепление многодетности. В Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию (2024) было отмечено, что «большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии»¹.

Социально-культурная детерминация материнства и отцовства подразумевает влияние культуры конкретного общества на родительские представления и установки посредством культурных ценностей, идеалов, религиозных представлений и системы социальных отношений, в которые человек включен, начиная с семейного окружения и заканчивая влиянием других социальных институтов. Во всех основных нормативно-правовых документах в области семейной политики содержатся положения о сохранении и поддержке традиционных семейных ценностей, возрождении и сохранении духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, повышении авторитета родителей в семье, престижа отцовства и материнства, многопоколенной семьи и многодетности.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что при проектировании программ по подготовке к материнству и отцовству в первую очередь необходимо опираться на понимание значимости семейного института, формирование образа семьи, именно как семьи с детьми; равной ответственности обоих родителей за воспитание детей.

Во-вторых, в рамках личностно-обусловленного подхода к проектированию программ по формированию материнства и отцовства следует рассматривать личностно-мотивированное материнство и отцовство как внутреннюю позицию личности, основой которой является целостная система отношений к будущему ребенку, внутренне осознанных мотивов, ответственности, психологической готовности к будущему материнству и отцовству.

При разработке программ следует учитывать, что представления девушек и юношей о будущем материнстве и отцовстве характеризуются идеализированными ожиданиями в отношении партнера, недостаточностью представлений о средствах и способах осуществления материнской и отцовской роли, а также искаженным представлением о родительской позиции в части собственной ответственности за семью, безопасность и благополучие ребенка, его воспитание, о расстановке приоритетов между собственными интересами и интересами ребенка.

Кроме того, в программу необходимо добавить блоки, включающие информацию о функциональном содержании материнства и отцовства, их ценностном аспекте, средствах осуществления родительской (материнской и отцовской) роли, предпочитаемом стиле руководства и воспитания, а также оценку собственной социальной, психолого-педагогической готовности к родительству.

Важным аспектом при проектировании программ по подготовке к личностно-мотивированному материнству и отцовству является учет специфики понимания девушками и юношами выполнения материнской и отцовской роли. Девушки, как будущие матери, настроены на выполнение функций моральной и эмоциональной поддержки ребенка, обеспечения гармоничных отношений в семье, на эгалитарный

¹ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию. 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 01.02.2025).

или демократический стиль воспитания. Юноши в своем понимании функциональной роли отца в большей степени, чем девушки, ориентированы на осуществление воспитательной функции, которая подразумевает контроль над средствами и методами развития, обучения, воспитания, выбор развивающих и обучающих мероприятий, воспитание определенных качеств у ребенка.

В рамках компетентностного аспекта при разработке программ по подготовке к личностно-мотивированному материнству и отцовству отметим, что данные программы могут быть направлены на формирование следующих компетенций: когнитивной родительской компетенции (знаний об ответственном родительстве, о пренатальном развитии ребенка, об особенностях развития ребенка в раннем возрасте; методах воспитания, правовых знаниях (правовой регламентации семейного института, родительских правах и обязанностях, возможных мерах поддержки)); ценностно-мотивационной компетентности (внутреннем осознании роли родителя в обществе, представлении об ответственном родителе для ребенка, ценности материнства и отцовства в своей жизни, осознание ребенка (детей) как ценности семьи, значимости здоровья матери и отца для здоровья ребенка); коммуникативной компетентности (умения общаться с ребенком в пренатальный и ранний период развития, формировать эмоциональную привязанность к ребенку, строить гармоничные детско-родительские отношения, осуществлять поддержку друг друга в период ожидания ребенка и последующей заботы о нем).

Эмпирическое исследование проводилось в период 2022–2024 гг. среди студентов высших учебных заведений региона вторых курсов технических, естественно-математических и гуманитарных направлений, которые на момент проведения диагностических процедур не являлись родителями. Общее количество участников составило 525 чел., возрастной диапазон – 18–20 лет, соотношение юношей и девушек – 236 (45 %) и 289 (55 %) чел. соответственно.

Целью эмпирического исследования было выявление представлений студентов о будущем материнстве и отцовстве («Я – родитель»).

Исследование носило комплексный характер и включало изучение знаниевого, мотивационного, ценностного и деятельностного компонентов отношения к будущему материнству и отцовству.

Этапы исследования

На подготовительном этапе исследования нами был осуществлен теоретический анализ источников по изучаемой проблеме, определены показатели, позволяющие оценить представления студентов о будущем материнстве и отцовстве, осуществлялся подбор диагностического и оценочного инструментария. В качестве показателей были определены: взаимосвязь интимных отношений и рождения ребенка; отношение к раннему материнству и отцовству; планирование будущего материнства и отцовства, количества детей; понимание функциональных ролей матери и отца; понимание необходимости подготовки к рождению ребенка. Инструментарий исследования: устный (интервью отдельно с девушками и юношами) и письменный опрос (анкетирование).

На исследовательском этапе осуществлялись сбор и обработка эмпирических данных.

На завершающем этапе проводились анализ, обобщение и интерпретация полученных результатов.

Охарактеризуем полученные результаты в соответствии с ходом исследования.

1. Взаимосвязь интимных отношений и рождения ребенка. Опрашиваемым были заданы вопросы: «Как вы считаете, вступая в интимные отношения, необходимо использовать средства предохранения от нежелательной беременности?», «Как вы считаете, кто должен заботиться о контрацепции?», «Как вы думаете, кто несет ответственность за наступление беременности?». Результаты распределились следующим образом (совокупные ответы девушек и юношей): 96 % считают, что средства контрацепции нужно использовать всегда; 4 % полагают, что это нужно делать в зависимости от ситуации; 92 % считают, что оба партнера должны заботиться о контрацепции; 8 % считают, что заботиться о контрацепции должен мужчина; 88 % считают, что оба партнера в равной степени несут ответственность за наступление беременности; 8 % считают, что большую ответственность в этой ситуации должен нести мужчина, и 4 % – женщины.

2. Отношение к раннему материнству и отцовству. 84 % опрошенных негативно относятся к раннему материнству и отцовству (до 18 лет), 16 % настроены нейтрально; 88 % студентов считают, что быть несовершеннолетним родителем очень сложно, поскольку придется совмещать учебу и заботу о ребенке (мало / нет собственных денежных средств, нужно отказаться от своих интересов, друзей, привычного времяпрепровождения). Отвечая на вопрос «Как бы вы поступили, если бы в вашей жизни случилась ситуация раннего родительства?», 32 % ответили, что они бы стали родителями, 24 % высказались за прерывание беременности (большинство из них девушки), и 44 % ответили, что решение стать родителями в таком возрасте зависело бы от внешних обстоятельств (характер отношений с будущей матерью / отцом ребенка и их перспектива; будут ли родители поддерживать их материально и морально; в зависимости от жилищных условий; государственной поддержки). При этом 84 % опрошенных считают, что в данной ситуации ответственность в первую очередь должны нести несовершеннолетние родители; 16 % считают, что ответственность несут несовершеннолетние, их родители и государство. Интересно, что большинство юношей (76 %) относятся к ранней беременности положительно, а девушки (81 %) – отрицательно.

3. Планирование будущего материнства и отцовства, количества детей. В качестве позитивного результата опроса можно отметить, что все опрошенные планируют в будущем стать родителями. Впервые стать родителями в возрасте 18–20 и 21–25 планируют по 28 % опрошенных, в возрасте от 25–30 лет – 36 %, после 30 лет – 8 %. Полученные ответы в целом демонстрируют достаточно типичные демографические установки в молодежной среде и согласуются с рекомендациями специалистов. Специалисты считают, что рождение первого ребенка необходимо планировать в возрасте от 20–25 лет. В вопросе планирования количества детей мнение респондентов отражает стремление к однодетной и малодетной семье. Так, 43 % планируют рождение одного ребенка, 51 % – рождение двоих детей и только 6 % задумываются о рождении троих и более детей. Можно отметить, что, если в группах студентов, планирующих рождение одного и двух детей, мнения девушек и

юношей разделились примерно поровну (49 % и 51 % соответственно), то в группе студентов, планирующих рождение троих и более детей, большинство – юноши (73 %).

4. Понимание функциональных ролей матери и отца. Предлагаемые вопросы были направлены на понимание образа «Я – родитель», сферы и степени ответственности за воспитание ребенка. Анализ ответов позволяет говорить о размытости образа родителя, отсутствии понимания сферы своей ответственности и обязанностей. 52 % девушек и 48 % юношей ответили, что хорошо представляют себя в роли матери / отца, уверены в своих воспитательных возможностях; 51 % отметили, что понимают, каким должен быть родитель, но не уверены, что обладают необходимыми качествами и умениями; 32 % ответили, что пока не представляют себя в роли родителя, не задумывались о том, как они будут воспитывать ребенка. Ответы на вопрос о степени участия матери и отца в воспитании ребенка, заботе о ребенке продемонстрировали две основные позиции. Первая состоит в том, что оба родителя должны принимать участие в уходе за ребенком, его воспитании. Такой позиции придерживаются 91 % девушек и 78 % юношей. Вторая позиция предполагает, что основную заботу по уходу и воспитанию ребенка должна взять на себя мать – такого мнения придерживаются 81 % юношей и 19 % девушек.

5. Понимание необходимости подготовки к рождению ребенка. Большая часть респондентов (72 %) согласны с тем, что к браку и рождению детей необходимо готовиться, 61 % заинтересованы в участии в соответствующих программах. При этом все опрошенные отметили, что данные программы должны носить комплексный характер, включать обсуждение тем по правовым, психологическим, медицинским, педагогическим вопросам с привлечением специалистов; также программы должны быть практико-ориентированными с преобладанием интерактивных форм работы.

Выводы

Таким образом, обобщая результаты проведенного исследования, отметим: у большинства студентов преобладают позитивные репродуктивные установки, поскольку они планируют стать родителями в возрасте до 30 лет; тем не менее, подтверждается тенденция к малодетности; в студенческом сообществе проявляется достаточно осознанное отношение к будущему материнству и отцовству, адекватное представление о роли матери и отца, объективная оценка родительских компетенций и необходимость подготовки к материнству и отцовству. Представления о родительстве у девушек и юношей различаются степенью полноты, различными вариантами реализации родительской роли, мерой включенности в процесс воспитания ребенка, отсутствием ясных представлений о средствах и способах осуществления материнской и отцовской роли.

Сопоставление эмпирических данных и теоретических положений позволяет прийти к выводу, что в процессе проектирования программ по подготовке студентов к материнству и отцовству целесообразно опираться на правовой подход, который подразумевает опору на правовую регламентацию существования семейного института, правовое закрепление материнства и отцовства. В качестве второго подхода

можно определить личностно-обусловленный подход, реализация которого предполагает фокусирование внимания на формировании личностно-мотивированного материнства и отцовства, т. е. внутренне признанного, значимого для человека; стимулирующего понимание родительских функций (материнской и отцовской роли), ответственности и стремления к овладению родительскими компетенциями. Следовательно, в качестве блоков, входящих в программу, могут быть включены правовой, социально-медицинский, ценностно-смысловой, педагогический, психологический блоки.

Список литературы / References

Васягина Н. Н. Образ матери: особенности репрезентации в сознании россиян. *Педагогическое образование в России*, 2015, № 6, с. 138–144.

Vasiagina N. N. Image of a mother: peculiar features of representation in the minds of the Russians. *Pedagogical Education in Russia*, 2015, no. 6, pp. 138–144. (In Russ.)

Декларация социального прогресса и развития от 11 декабря 1969 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/socdev.shtml (дата обращения: 01.02.2025).

Declaration of Social Progress and Development of December 11, 1969. (In Russ.) Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/socdev.shtml (accessed: 01.02.2025).

Захарова Е. И. *Психология освоения родительства*. Москва: Московский государственный областной университет, 2014. 258 с.

Zakharova E. I. *Psychology of mastering parenthood*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2014. 258 p. (In Russ.)

Копенгагенская декларация о социальном развитии от 6–12 марта 1995 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml (дата обращения: 01.02.2025).

Copenhagen Declaration on Social Development of March 6–12, 1995. (In Russ.) Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml (accessed: 01.02.2025).

Ланцбург М. Е. Родительство в современном мире – новые тренды. *Современная зарубежная психология*, 2016, т. 5, № 2, с. 62–66. <https://doi.org/10.17759/jmf.2016050208>

Lanzburg M. E. Parenting in today's world – new trends. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 62–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmf.2016050208>

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 01.02.2025).

International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of December 16, 1966. (In Russ.) Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (accessed: 01.02.2025).

Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию. 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 01.02.2025).

V. V. Putin's Presidential Address to the Russian Federal Assembly. 2024. (In Russ.) Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (accessed: 01.02.2025).

Статья 38. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. URL: <https://base.garant.ru/10103000/31c8140a2e1dc585c5111b6d2281821d/> (дата обращения: 01.02.2025).

Article 38. Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993. (In Russ.) Available at: <https://base.garant.ru/10103000/31c8140a2e1dc585c5111b6d2281821d/> (accessed: 01.02.2025).

Указ Президента Российской Федерации № 240 от 29 мая 2017 г. «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 01.02.2025).

Decree of the President of the Russian Federation No. 240 of May 29, 2017. "On Declaring the Decade of Childhood in the Russian Federation". (In Russ.) Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (accessed: 01.02.2025).

Указ Президента Российской Федерации № 761 от 1 июня 2012 г. «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70083566/> (дата обращения: 01.02.2025).

Decree of the President of the Russian Federation No. 761 of June 1, 2012. "On the National Strategy of Actions for Children for 2012–2017". (In Russ.) Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70083566/> (accessed: 01.02.2025).

Указ Президента Российской Федерации № 358 от 17 мая 2023 г. «О стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/> (дата обращения: 01.02.2025).

Decree of the President of the Russian Federation No. 358 of May 17, 2023 "On the Strategy for Comprehensive Child Safety in the Russian Federation until 2030". (In Russ.) Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/> (accessed: 01.02.2025).

Шинина Т. В. Социально-психологические проблемы современной семьи: ресурсный подход. *Отечественный журнал социальной работы*, 2016, № 1, с. 167–171.

Shinina T. V. Socio-psychological problems of the modern family: resource approach. *Russian journal of social work*, 2016, no. 1, pp. 167–171. (In Russ.)

Сведения об авторах

Елена Юрьевна Капустина – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-0467-7505>, eiukapustina@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Elena Yu. Kapustina** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0467-7505>, eiukapustina@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Ирина Александровна Макеева – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>, Irinadarina4@yandex.ru, Вологодский государственный университет (д. 15, ул. Ленина, 16000 Вологда, Россия); **Irina A. Makeeva** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>, Irinadarina4@yandex.ru, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 21.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 07.03.2025; Approved after reviewing 21.03.2025; Accepted for publication 07.04.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 167–178.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 167–178.

Научная статья

УДК 377.8

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-12>

<https://elibrary.ru/hhgibx>

Профессиональная идентичность студента среднего профессионального образования в вузе как совокупность профессионально значимых качеств личности

**Татьяна Евгеньевна Коровкина¹, Марина Алексеевна Скворцова^{2✉},
Ирина Александровна Смирнова³**

^{1, 2, 3} Костромской государственной университет,
Кострома, Россия

¹kor-ulya9@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0454-8770>

^{2✉}dobrutmarina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6693-6130>

³ia_smirnova@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4309-5981>

Аннотация. Авторами статьи раскрываются некоторые теоретические и психолого-педагогические подходы к пониманию феномена «профессиональная идентичность» студента, получающего среднее профессиональное образование в вузе. В статье представлена система диагностического инструментария, которая позволяет сформировать собирательный образ студента на основе совокупности психолого-педагогических компонентов развития личности.

Ключевые слова: студент среднего профессионального образования, профессиональная идентичность студента и его статус, психолого-педагогические показатели сформированности профессиональной идентичности

Для цитирования: *Коровкина Т. Е., Скворцова М. А., Смирнова И. А.* Профессиональная идентичность студента среднего профессионального образования в вузе как совокупность профессионально значимых качеств личности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 167–178. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-12>; EDN: HHGIBX

The professional identity of a student of secondary vocational education at university as a set of professionally significant personality qualities

Tatiana E. Korovkina¹, Marina A. Skvortsova^{2✉}, Irina A. Smirnova³
^{1, 2, 3} Kostroma State University,

Kostroma, Russia

¹kor-ulya9@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0454-8770>

^{2✉}dobrutmarina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6693-6130>

³ia_smirnova@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4309-5981>

Abstract. The authors reveal some theoretical and psychological-pedagogical approaches to understanding the phenomenon of “professional identity” of a student receiving secondary vocational

education at university. The article presents a system of diagnostic tools that allows building a student's image as a set of psychological and pedagogical components of personality development.

Keywords: student of secondary vocational education, student's professional identity and status, psychological and pedagogical indicators of professional identity development

For citation: Kоровкина Т. Е., Скворцова М. А., Смирнова И. А. The professional identity of a student of secondary vocational education at university as a set of professionally significant personality qualities. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 167–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-12>; EDN: ННГИВХ

Введение

Вопросы становления профессиональной идентичности будущих специалистов в любых сферах деятельности не теряют своей актуальности, поскольку именно от желания и умения трудиться зависит качество труда. Особенно это актуально для педагогических направлений подготовки, так как уровень профессиональной идентичности свидетельствует о степени принятия избранной профессиональной деятельности в качестве средства самореализации и развития, а также о степени признания себя как профессионала¹.

Существующие подходы к определению сущности данного феномена (Н. С. Пряжников, С. С. Селиванова, Л. Б. Шнейдер) указывают на то, что профессиональная идентичность связана с осознанием себя как представителя определенной профессии, ощущением принадлежности к ней, принятием ее смыслов и ценностей.

Анализ существующей психолого-педагогической и методической литературы дает основание утверждать, что проблема формирования профессиональной идентичности студентов, получающих среднее профессиональное образование, представлена достаточно подробно в трудах Е. П. Ермолаевой, Л. М. Митиной, Ю. П. Поваренкова, Е. Т. Соколовой. Авторы в своих исследованиях раскрывают различные векторы развития и формирования профессиональной идентичности студентов, а также рассматривают факторы, которые влияют на профессиональную идентичность как выпускника школы, так и студента².

Однако современный этап развития профессионального, в частности, педагогического образования, характеризуется рядом проблем, которые связаны с отсутствием у студентов личностных смыслов освоения будущей профессии, непониманием ее особенностей, нежеланием после окончания образовательного учреждения реализовать себя в профессии³.

¹ Мищенко Т. В. Становление профессиональной идентичности у студентов педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Ярославль: [б. и.], 2005. 23 с.

² Ермолаева Е. П. Принцип превентивной оценки профессиональной идентичности специалистов в процессе обучения и переподготовки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 33–36.

³ Шершнева Т. В., Веремейчик О. В. Педагогика и психология высшего образования: пособие для студентов, получающих высшее образование по специальности 7-06-0714-02 «Ин-

Кроме того, часто студенты делают профессиональный выбор под воздействием внешних факторов, не имеющих ничего общего с осознанным выбором, не отождествляют себя с выбранной профессией, не задумываются о соответствии личностных качеств требованиям, предъявляемым будущей профессией. Особенно это касается студентов колледжей и техникумов, которые в силу возрастных и личностных особенностей при поступлении в образовательное учреждение не демонстрируют признаков профессиональной идентичности.

Теоретический анализ дает возможность сформулировать ряд противоречий. Первое противоречие заключается в необходимости изучить особенности формирования профессиональной идентичности в вузовской среде на разных этапах профессионального становления при недостаточном методическом инструментарии, который бы позволил рассмотреть данную проблему с нескольких сторон (мотивационной, ценностной, средовой, ресурсной и т. д.). Второе противоречие, на наш взгляд, отражено в недостаточном уровне профессиональной идентичности у студента-первокурсника, а также связано с отсутствием специальной системы педагогических средств, направленной на ее развитие.

Цель данного исследования – определить собирательный образ студента-первокурсника перед тем, как он приступит к изучению цикла профессиональных модулей и дисциплин (Дошкольное образование и Преподавание в начальных классах). Данная цель раскрывается с помощью следующего диагностического инструментария:

- методика «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев) – представление профессиональных целей в будущем¹;
- методика «Изучение статусов профессиональной идентичности» (А. А. Азбель, А. Г. Грецов) – представление о статусе профессиональной идентичности²;
- методика «Якоря карьеры» (Л. А. Йовайши) – определение направления карьерной ориентации³;
- методика диагностики ценностных ориентаций в карьере (Э. Шейн, перевод и адаптация В. А. Чикер, В. Э. Винокурова) – представление о ценностных ориентациях в карьере⁴;
- методика профессиональных проб: «Двенадцать предметов», исследование утомляемости и работоспособности, упражнения на координацию движений, «Гла-

новационные технологии в машиностроении». Минск: Белорусский национальный технический университет, 2023. 267 с.

¹ Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). Москва: Смысл, 2000. 18 с.

² Грецов А. Г., Азбель А. А. Узнай себя. Психологические тесты для подростков. Санкт-Петербург: Питер, 2006. С. 143–155.

³ Жданович А. А., Могилёвкин Е. А., Новгородов А. С. Тест «Карьерные ориентации» («Карьерные якоря») // Энциклопедия Карьера: ежегодный справочник по карьере и трудоустройству. Москва: РТВ-Медиа, 2009. С. 156–157.

⁴ Земсков А. Е. Диагностический инструментарий выявления уровня сформированности социального опыта подростков во внеурочной деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т 9, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/19PDMN521.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

зомер», «Пятнадцать кружков», «Деление квадрата» (Е. А. Аверкиев) – выявление профессионально важных качеств¹;

– методика «Оценка коммуникативных и организаторских способностей» (Б. А. Федоришин) – оценка коммуникативных и организаторских способностей²;

– методика определения уровня рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарева) – оценка уровня личностной рефлексии³;

– определение уровня сформированности педагогической рефлексии (Е. Е. Рукавишников) – выявление уровня сформированности педагогической рефлексии⁴;

– диагностика уровня эмпатии (И. М. Юсупов) – определение уровня эмпатии⁵;

– методика оценки самоконтроля в общении (М. Снайдера) – выявление уровня саморегуляции личности в процессе коммуникации⁶.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

1. Провести теоретический анализ литературы по проблеме профессиональной идентичности студентов первого курса обучения.

2. Выявить сущность профессиональных целей обучающихся.

3. Определить статус профессиональной идентичности студентов и их ценностных представлений;

4. Выявить профессионально значимые качества студента (коммуникационные, организаторские, личностную и педагогическую рефлексии, уровень эмпатии и саморегуляции в процессе коммуникации);

5. Обобщить результаты исследования и получить собирательный образ студента.

Практическая значимость исследования заключается в определении профессиональных целей обучающихся в будущем, их карьерных и ценностных ориентаций, системы профессионально важных качеств личности, оценке коммуникативных и организаторских способностей, уровня личностной и педагогической рефлексии, определении уровня эмпатии и саморегуляции личности в процессе коммуникации.

¹ Зайчикова О. Е. Организация и методика проведения профессиональных проб: методические рекомендации для школьных психологов, классных руководителей, учителей-предметников, социальных педагогов. Новокуйбышевск: Ресурсный центр, 2012. 135 с.

² Истратова О. Н., Эксакусто Т. В. Психодиагностика: коллекция лучших тестов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. С. 339–344.

³ Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–57.

⁴ Рукавишников Е. Е. О формировании профессиональной рефлексии // Специалист. 1998. № 6. С. 21.

⁵ Истратова О. Н., Эксакусто Т. В. Психодиагностика: коллекция лучших тестов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. С. 339–344.

⁶ Земсков А. Е. Диагностический инструментарий выявления уровня сформированности социального опыта подростков во внеурочной деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/19PDMN521.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

Основная часть

Исследование проходило на базе Костромского государственного университета (Институт педагогики и психологии), в котором приняли участие две студенческие группы первого курса очной формы обучения (44.02.02 Преподавание в начальных классах и 44.02.01 Дошкольное образование). Исследование проводилось во втором семестре и охватило 63 человека.

С целью изучения профессиональных целей обучающихся в будущем (их осмысленности, направленности и временной перспективы) была применена методика «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев) (см. рис. 1).

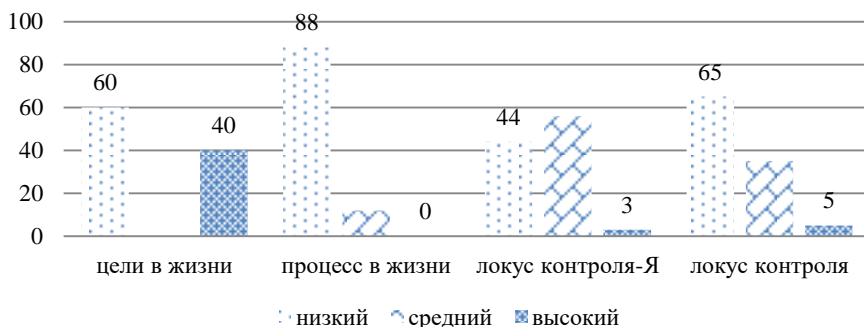

Рис. 1. Методика «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев)

Таким образом, общий показатель осмысленности жизни (интегральный показатель) позволяет утверждать, что 52 % респондентов придают жизни осмысленность и направленность, видят ее во временной перспективе; воспринимают жизнь как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом процесс; рассматривают себя как уверенную в своих способностях личность, готовую контролировать свою жизнь.

На следующей диаграмме представлены результаты применения методики А. А. Азбеля и А. Г. Грецова (см. рис. 2).

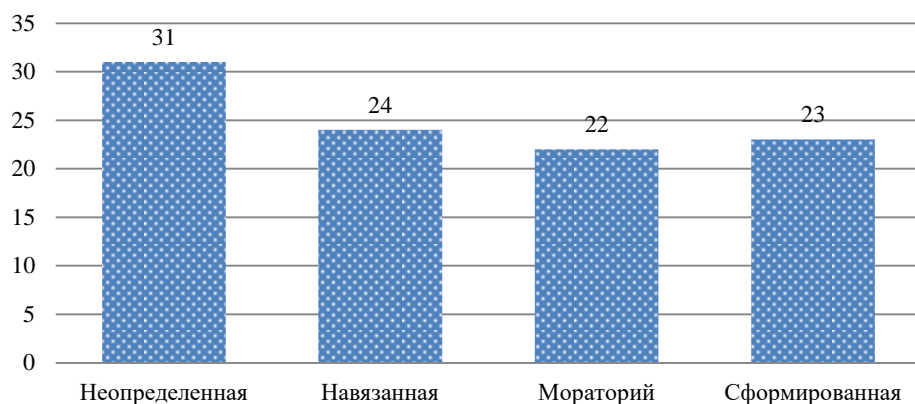

Рис. 2. Методика «Изучение статусов профессиональной идентичности»
(А. А. Азбель, А. Г. Грецов)

Результаты исследования показывают, что статус неопределенной и навязанной профессиональной идентичности характеризует большинство студентов. Это может привести к быстрой потере мотивации к обучению. В группу риска также входят обучающиеся, которые находятся на пограничном этапе выбора своего профессионального пути.

В результате определения ведущей карьерной ориентации по методике Л. А. Йовайши «Якоря карьеры» мы получили следующие данные (см. рис. 3).

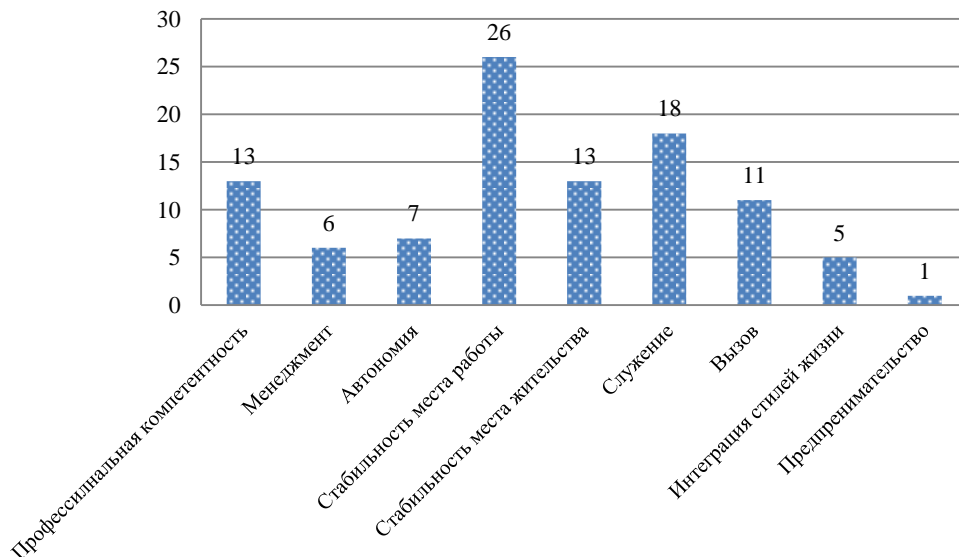

Рис. 3. Методика «Якоря карьеры» (Л. А. Йовайши)

Таким образом, для исследуемой группы обучающихся приоритетными карьерными ориентациями являются безопасность и стабильность профессиональной карьеры, а также возможность приносить пользу окружающим, видеть конкретный результат своей работы.

По итогам проведения методики профессиональных проб (Е. А. Аверкиева) были получены следующие данные (см. рис. 4).

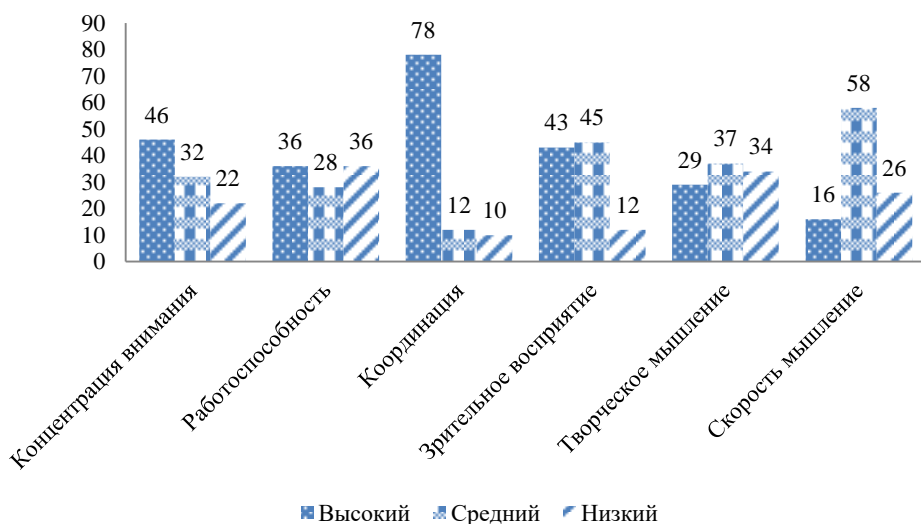

Рис. 4. Методика профессиональных проб (Е. А. Аверкиева)

Результаты диагностики позволяют сделать вывод о том, что группа респондентов обладает высоким и средним уровнем развития профессионально важных качеств, необходимых для успешного выполнения профессиональной деятельности.

С целью оценки уровня развития коммуникативных и организаторских способностей группе респондентов для заполнения был предложен тест-опросник Б. А. Федоришиной «Оценка коммуникативных и организаторских способностей» (КОС) (см. рис. 5).

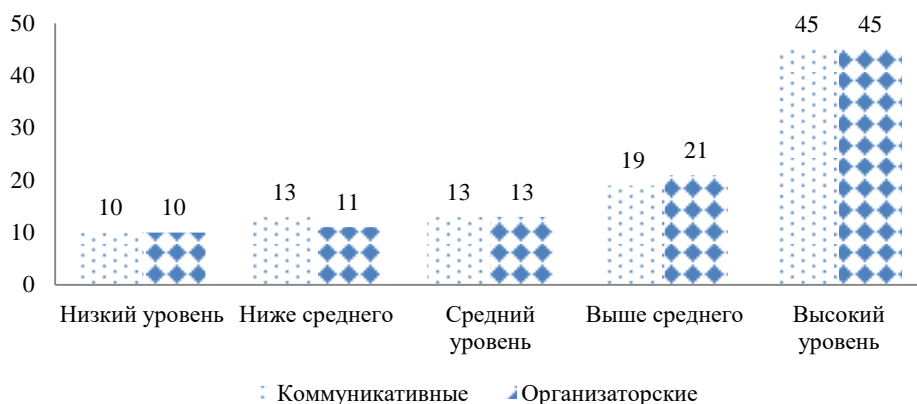

Рис. 5. Тест-опросник «Оценка коммуникативных и организаторских способностей» (Б. А. Федоришина)

Таким образом, результаты тестирования позволяют утверждать, что группа респондентов, коммуникативные и организаторские способности которых развиты на низком и ниже среднего уровнях, нуждается в комплексном социально-педагогическом сопровождении на пути профессионального становления.

С целью определения уровня рефлексивности в группе респондентов была применена методика А. В. Карповой, В. В. Пономаревой и Е. Е. Рукавишниковой. Анализ результатов в группе показывает наличие нескольких ее уровней (см. рис. 6).

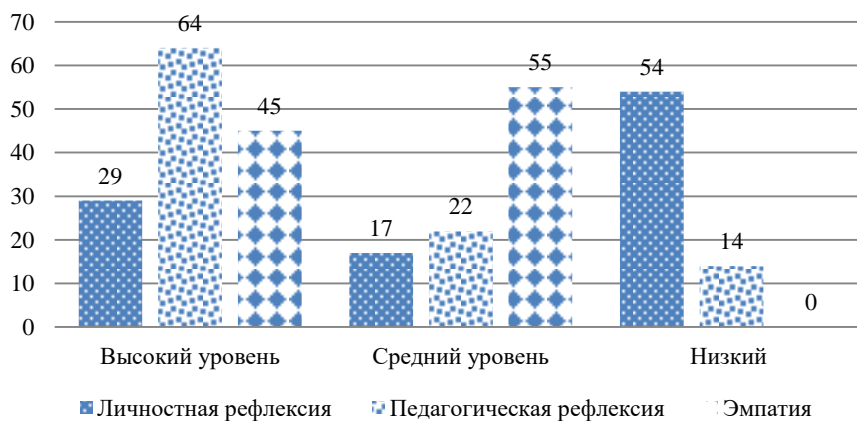

Рис. 6. Методика «Определение уровня сформированности педагогической рефлексии» (А. В. Карпова, В. В. Пономарева, Е. Е. Рукавишникова)

Большинство обучающихся имеет низкий уровень рефлексии, что может привести к трудностям в обучении и профессиональном становлении будущего специали-

ста. Предполагаем, что существенная разница в показателях может быть связана с невысоким стремлением обучающихся к инновационной деятельности, боязнью критики со стороны руководства, коллективного неодобрения и другими факторами. Представленные выше результаты свидетельствуют о том, что в группах респондентов преобладает высокий уровень развития педагогической рефлексии.

На основании результатов исследования уровня эмпатии (Диагностика уровня эмпатии (И. М. Юсупов)) можно утверждать, что обучающиеся обладают нормальным уровнем эмпатии и самоконтроля, внимательностью в общении, деликатностью при высказывании собственной точки зрения. Студенты, отличающиеся высоким уровнем эмпатии, более чувствительны к проблемам окружающих, эмоционально отзывчивы, легко находят общий язык, в том числе с детьми; стараются не допускать конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности.

С целью выявления уровня саморегуляции личности в процессе коммуникации, необходимого для адаптации поведения в соответствии с социальными нормами и ожиданиями и для избегания конфликтных ситуаций, мы применили диагностику по методике оценки самоконтроля в общении (М. Снайдер) (см. рис. 7).

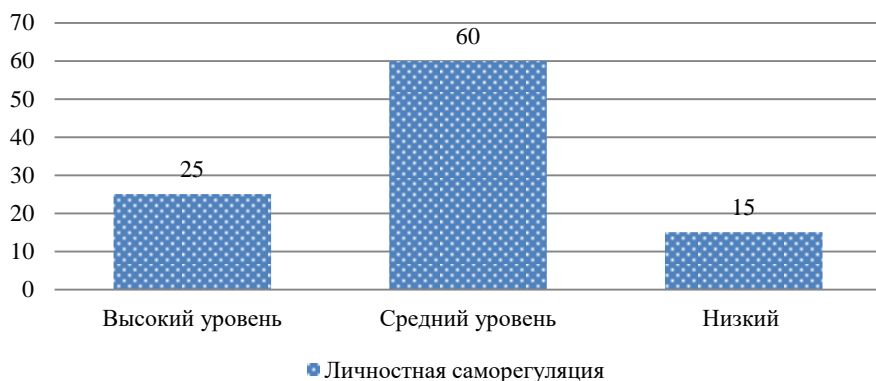

Рис. 7. Методика оценки самоконтроля в общении (М. Снайдер)

Результаты диагностики показывают, что большинство респондентов способны избегать конфликтов в профессиональном общении, эффективно решать возникающие проблемные ситуации и консолидировать межличностные связи.

Студент, окончивший первый курс, как правило, обладает достаточно высокой концентрацией и сосредоточенностью, хорошей зрительной памятью, высокой координацией движений, но в силу физиологического развития быстро утомляется и склонен к снижению работоспособности.

Он представляет себя как уверенную в своих способностях личность, прогнозирует свой профессиональный трек развития, но при этом в большинстве случаев находится в статусе неопределенной и навязанной профессиональной идентичности, что является риском к быстрому угасанию мотивации и профессиональному само-

развитию. В меньшей степени задумывается над причинно-следственными связями в собственных действиях и действиях окружающих. При этом обучающийся не готов к инновационной деятельности, боится критики со стороны руководства и коллективного неодобрения. Для него важными аспектами в профессиональной карьере являются защищенность и стабильность, социальная направленность деятельности и ее продуктивность.

Студент, окончивший первый курс, способен применять творческий подход в решении профессиональных задач. Может проявлять инициативу в коллективе при принятии решений и выступать в роли организатора и модератора мероприятий; обладает самоконтролем, эмоционально отзывчив, легко находит общий язык, в том числе с детьми, не конфликтен.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать вывод о важности и необходимости преобразования существующей воспитательной и социально-педагогической деятельности через включение новых векторов развития и становления профессиональной идентичности студентов.

Преподавание дисциплин в рамках профессиональных модулей должно проходить с постоянной сменой форм работы на учебном занятии и выстраиваться на основе системы качественной самооценки и рефлексии. Образовательный процесс должен включать возможность оперативного проектирования и реализации индивидуального трека получения образования. Становление и развитие профессиональной идентичности должно сопровождаться социально-педагогической деятельностью группы, которая в активных и творческих формах работы раскрывает ядро будущей профессиональной деятельности студента. Важным критерием для формирования и развития профессиональной идентичности обучающихся, на наш взгляд, должна стать система разной мотивации студентов как на учебных занятиях, так и при разработке собственных проектов.

Список литературы / References

Грецов А. Г., Азбель А. А. *Узнай себя. Психологические тесты для подростков*. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 171 с.

Gretsov A. G., Azbel A. A. *Get to know yourself. Psychological tests for teenagers*. St Petersburg: Piter, 2006. 171 p. (In Russ.)

Долгова В. И., Мельник Е. В. *Эмпатия*. Москва: Перо, 2014. 160 с.

Dolgova V. I., Melnik E. V. *Empathy*. Moscow: Pero, 2014. 160 p. (In Russ.)

Ермолаева Е. П. Принцип превентивной оценки профессиональной идентичности специалистов в процессе обучения и переподготовки. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2010, № 1, с. 33–36. EDN: MBEBQZ

Ermolaeva E. P. The principle of preventive assessment of specialists' professional identity during their training and retraining. *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2010, no. 1, pp. 33–36. (In Russ.) EDN: MBEBQZ

Жданович А. А., Могилевкин Е. А., Новгородов А. С. Тест «Карьерные ориентации». *Энциклопедия Карьера: ежегодный справочник по карьере и трудоустройству*. Москва: РТВ-Медиа, 2009, с. 156–157.

Zhdanovich A. A., Mogilevkin E. A., Novgorodov A. S. The “Career orientation” test. *Encyclopedia of Career: an annual guide to career and employment*. Moscow: RTV-Media, 2009, pp. 156–157. (In Russ.)

Зайчикова О. Е. *Организация и методика проведения профессиональных проб: методические рекомендации для школьных психологов, классовых руководителей, учителей-предметников, социальных педагогов*. Новокуйбышевск: Ресурсный центр, 2012. 135 с.

Zaichikova O. E. *Organization and methodology of professional tests: methodological recommendations for school psychologists, classroom teachers, subject teachers, social educators*. Novo-kuibyshevsk: Resursnyi tsentr, 2012. 135 p. (In Russ.)

Земсков А. Е. Диагностический инструментарий выявления уровня сформированности социального опыта подростков во внеурочной деятельности. *Мир науки. Педагогика и психология*, 2021, т. 9, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/19PDMN521.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

Zemskov A. E. Diagnostic tools for identifying the level of formation of the younger adolescents' social experience in extracurricular activities. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2021, vol. 9, no. 5. (In Russ.) Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/19PDMN521.pdf> (accessed: 07.01.2024).

Истратова О. Н., Эксакусто Т. В. *Психодиагностика: коллекция лучших тестов*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 375 с.

Istratova O. N., Eksakusto T. V. *Psychodiagnostics: a collection of the best tests*. Rostov-na-Donu: Feniks, 2006. 375 p. (In Russ.)

Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. *Психологический журнал*, 2003, т. 24, № 5, с. 45–57.

Karpov A. V. Reflexivity as a mental property and a method of its diagnostics. *Psychological Journal*, 2003, vol. 24, no. 5, pp. 45–57. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. Москва: Смысл, 2000. 18 с.
Leontiev D. A. *Test of life-purpose orientations (LPO)*. Moscow: Smysl, 2000. 18 p. (In Russ.)

Мищенко Т. В. *Становление профессиональной идентичности у студентов педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. псих. наук*. Ярославль: [б. и.], 2005. 23 с.

Mishchenko T. V. *The development of professional identity among students of a pedagogical university: Abstract Cand. thesis in Psychological Sciences*. Yaroslavl', 2005. 23 p. (In Russ.)

Рукавишников Е. Е. О формировании профессиональной рефлексии. *Специалист*, 1998, № 6, с. 21–22. EDN: ZCPXJU

Rukavishnikova E. E. On the development of professional reflection. *Specialist*, 1998, no. 6, pp. 21–22. (In Russ.) EDN: ZCPXJU

Шершнева Т. В., Веремейчик О. В. *Педагогика и психология высшего образования: пособие для студентов, получающих высшее образование по специальности 7-06-0714-02 «Инновационные технологии в машиностроении»*. Минск: Белорусский национальный технический университет, 2023. 267 с.

Shershneva T. V., Veremeichik O. V. *Pedagogy and psychology of higher education: a guide for students receiving higher education in the training programme 7-06-0714-02 "Innovative technologies in mechanical engineering"*. Minsk: Belorusskii natsional'nyi tekhnicheskii universitet, 2023. 267 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Татьяна Евгеньевна Коровкина – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-0454-8770>, kor-ulya9@yandex.ru, Костромской государственный университет (17, ул. Дзержинского, 156005 Кострома, Россия); **Tatiana E. Korovkina** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0454-8770>, kor-ulya9@yandex.ru, Kostroma State University (17, ul. Dzerzhinskogo, 156005 Kostroma, Russia).

Марина Алексеевна Скворцова – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-6693-6130>, dobrutmarina@mail.ru, Костромской государственный университет (17, ул. Дзержинского, 156005 Кострома, Россия); **Marina A. Skvortsova** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-6693-6130>, dobrutmarina@mail.ru, Kostroma State University (17, ul. Dzerzhinskogo, 156005 Kostroma, Russia).

Ирина Александровна Смирнова – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-4309-5981>, dobrutmarina@mail.ru, Костромской государственный университет (17, ул. Дзержинского, 156005 Кострома, Россия); **Irina A. Smirnova** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-4309-5981>, dobrutmarina@mail.ru Kostroma State University (17, ul. Dzerzhinskogo, 156005 Kostroma, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 07.06.2025; принята к публикации 23.06.2025.

The article was submitted 17.04.2025; Approved after reviewing 07.06.2025; Accepted for publication 23.06.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 179–188.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 179–188.

Научная статья

УДК 796.01.

ГРНТИ 14.35

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-15>

<https://elibrary.ru/pobeuf>

Формирование профессиональной подготовленности военнослужащих посредством занятий по физической подготовке

Алексей Сергеевич Кортаев^{1✉}, Юрий Георгиевич Елькин²,

¹Военный учебный центр при Череповецком государственном университете,
Череповец, Россия

²Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны имени Л. А. Говорова,
Ярославль, Россия

^{1✉}askorotaev@chsu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы профессиональной подготовки военнослужащих Российской Федерации и их устранение в процессе занятий по физической подготовке. Основу проводимых исследований составило предположение о повышении качества выполнения учебно-боевых задач по предназначению посредством физической подготовки. В процессе проведенных исследований установлено, что уровень профессиональной подготовленности военнослужащих является основой для выполнения учебно-боевых задач по предназначению, что в значительной мере влияет на боеспособность воинских подразделений и обороноспособность вооруженных сил Российской Федерации в целом. Результатом внедряемой в учебный процесс программы по подготовке военнослужащих стало повышение качества выполнения учебно-боевых задач в различных, в том числе и стрессовых ситуациях. Результаты проведенных исследований позволили сделать вывод, что физическая подготовка является одним из основных элементов профессиональной подготовки военнослужащих и необходима для выполнения функциональных обязанностей по предназначению.

Ключевые слова: всесторонняя подготовка, динамика, курсанты, обучение, физическая подготовка, физическая подготовленность

Для цитирования: *Кортаев А. С., Елькин Ю. Г.* Формирование профессиональной подготовленности военнослужащих посредством занятий по физической подготовке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 179–188. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-15>; EDN: POBEUF

Development of servicemen's professional readiness through physical training classes

Alexey S. Korotaev^{1✉}, Yuri G. Elkin²,

¹The Military Training Center at Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

² Yaroslavl Higher Military School of Anti-Aircraft Warfare named after Marshal of the Soviet
Union L. A. Govorov,
Yaroslavl, Russia

^{1✉}askorotaev@chsu.ru

Abstract. The article discusses the problems of professional training for military personnel in the Russian Federation and their solving in the process of physical training. The basis of the research was the assumption of improving the quality of combat training mission performing by means of physical training. The authors have established that the level of servicemen's professional preparedness is the basis for the performance of combat training tasks as intended, which significantly affects the combat effectiveness of military units and the defence capability of the armed forces of the Russian Federation as a whole.

The result of the training programme implemented in the educational process was an increase in the quality of combat training tasks in various situations, including stressful ones. The results of the research allowed us to conclude that physical training is one of the main elements of military professional training and is necessary for fulfilment of functional duties for the intended purpose.

Keywords: comprehensive training, dynamics, cadets, training, physical training, physical condition

For citation: Korotaev A. S., Elkin Yu. G. Development of servicemen's professional readiness through physical training classes. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 179–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-15>; EDN: POBEUF

Введение

Как известно из истории и как показывают реалии настоящего времени, безопасность страны не может считаться гарантированной, если ее население и культурное наследие надежно не защищено от последствий войны, поэтому каждый современный военнослужащий должен быть готов к любым, даже самым сложным ситуациям.

Для достижения этого результата основу обучения военнослужащих должна составлять их всесторонняя подготовка, позволяющая противостоять негативным факторам, вызванным военными действиями¹.

Цель работы – повышение профессиональной подготовленности военнослужащих как основы для выполнения учебно-боевых задач по предназначению.

Ключевая идея: применение форм и средств физической подготовки как основы всесторонней подготовленности военнослужащих.

¹ Алехин И. А. и др. Военная педагогика. Москва: ВУ, 2008. 322 с.; Ершов С. А., Елькин Ю. Г. Необходимость совершенствования методик развития физических качеств у военнослужащих // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2020. № 1 (8). С. 105. EDN: SGCAON

Основная часть

Занятия по физической подготовке в связи с их разносторонностью играют значительную роль в формировании и развитии навыков военнослужащих, необходимых для прохождения военной службы по предназначению¹. Данная подготовка особенно важна как для курсантов военных вузов, так и для студентов, проходящих обучение на военных кафедрах гражданских вузов, поскольку будущие офицеры, независимо от видов и родов войск, должны уметь быстро принимать правильные решения и отдавать приказы, от которых зависит эффективность выполнения задач². При их подготовке научно-педагогическим работникам необходимо четко определить место физических упражнений в общем учебном плане. Задачи физической подготовки должны быть согласованы с основными задачами обучения, решаемыми в рамках изучения других учебных дисциплин. На каждом этапе обучения должны учитываться их объем и взаимосвязь, уровень физической и психической подготовки обучающихся, а также специфика будущей профессиональной деятельности, поскольку нельзя достичь необходимой всесторонней подготовленности, полагаясь только на физическую подготовку³.

При проведении занятий по физической подготовке недостаточно выбрать физические упражнения⁴. Важно правильно организовать физические тренировки, варьировать нагрузку при выполнении физических упражнений, а также соблюдать последовательность и структуру учебных занятий. По результатам анкетирования военнослужащих различных высших учебных заведений (вузов) и воинских частей Министерства обороны Российской Федерации (МО РФ) было установлено, что военнослужащие занимаются физической подготовкой по трем основным причинам: 59 % – угроза потерять работу (быть отчисленным из вуза), 21 % – получение денежной надбавки за уровень физической подготовленности для военнослужащих по контракту, 20 % – важность выполнения приказа (см. рис. 1).

¹ Борисов А. В., Аксенов К. В. Образовательная модель физической подготовки в военных высших учебных заведениях противовоздушной и противоракетной обороны // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2022. № 4 (19). С. 34. EDN: APOMAW

² Елькин Ю. Г., Круглова Е. В. Возрастные особенности физической подготовленности военнослужащих // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2020. № 2 (9). С. 53. EDN: HMKVDC

³ Елькин Ю. Г., Буриков А. В. Отдельные вопросы организации физической подготовки военнослужащих // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2020. № 1 (8). С. 100. EDN: ZARUGD

⁴ Губанов Э. В. Состояние и проблемы физической подготовки личного состава ОВД // Наука-2020. 2018. № 8 (24). С. 38. EDN: YRYAXJ

Рис. 1. Мотивация к занятиям по физической подготовке

Ни одна из перечисленных причин не может в полной мере являться эффективным средством для развития профессиональных качеств военнослужащих, поскольку в основу физической тренировки заложено не только развитие физических качеств, но и улучшение результатов по выполнению отдельных физических упражнений в процессе контрольных проверок уровня физической подготовленности военнослужащих¹. Таким образом, можно предположить, что для повышения профессиональной подготовленности военнослужащих необходимо использование физических упражнений в другом формате, при этом необходимо четко определить, какие качества и каким образом следует развивать. Особенностью профессиональной подготовки военнослужащих становится физическая подготовка, направленная на развитие как физических, так и психологических качеств, необходимых для успешного выполнения задач по предназначению в сложных и опасных условиях.

Одно из эффективных решений – применение интегрирования, когда физические упражнения (общей и специальной направленности) совмещаются с профессионально-должностными действиями по предназначению².

Общая физическая подготовка в Вооруженных Силах Российской Федерации (МО РФ) обеспечивает должный уровень физической подготовленности военнослужащих для выполнения боевых и других задач в соответствии с их предназначением³, а специальная физическая подготовка позволяет развивать физические возможности, умения и навыки, необходимые для эффективных действий в экстремальных

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации № 230 от 20 апреля 2023 г. «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации». Москва: Министерство обороны РФ, 2023. С. 134.

² Якунин Н. И., Дворниченко Г. В., Семенов А. В. Формирование у курсантов компетенций в области физической подготовки // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2022. № 4 (19). С. 67. EDN: DNYKOI

³ Приказ Министра обороны Российской Федерации № 230 от 20 апреля 2023 г. «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации». Москва: Министерство обороны РФ, 2023. С. 3.

ситуациях, и включает в себя, помимо профессиональной подготовки, развитие уверенности в собственных силах, необходимой для достижения поставленных целей при выполнении задач по предназначению¹. В основу профессиональной подготовки военнослужащих вошли физические упражнения, выполняемые в стрессовых условиях при моделировании ситуации, вызывающей нервное напряжение, и требующие принятия решений в экстремальных условиях². Это позволило организовать процесс занятий, приблизив его к условиям максимально приближенным к боевым.

В Ярославском высшем военном училище противовоздушной обороны на кафедре физической подготовки был проведен педагогический эксперимент продолжительностью 1 год. В ходе эксперимента мы установили, что группы испытуемых могут рассматриваться как однородные (большинство курсантов имеют средние показатели начального уровня как физической (ФП)), так и группы профессиональной подготовленности (ПП). Это позволило выдвинуть гипотезу о том, что для повышения уровня профессиональной подготовленности посредством применения занятий по физической подготовке необходимо проводить комплексное целенаправленное обучение курсантов.

Также нами была выдвинута нулевая статистическая гипотеза о том, что контрольная и экспериментальная группы могут рассматриваться как однородные по начальному уровню профессионально-физических компетенций. Статистическая проверка гипотезы $H_0^{(1)}$ осуществлялась по выборкам, полученным по результатам обучения курсантов по физической подготовке (в баллах) и специальным дисциплинам по критерию согласия χ^2 Пирсона на уровне статистической значимости $\alpha = 0,05$.

В результате мы получили эмпирические значения статистики χ^2 Пирсона меньше $\chi_{кр}^2$. Они представлены в табл. 1 (для $L = 3$, $\chi_{кр}^2 = 5,99$). Это позволило принять нулевую статистическую гипотезу $H_0^{(1)}$ в качестве правдоподобной.

$$\chi_{эм}^2 = N \cdot M \cdot \sum_{i=1}^L \frac{\left(\frac{n_i}{N} - \frac{m_i}{M} \right)^2}{n_i + m_i}$$

В рамках проведения педагогического эксперимента нами были проанализированы результаты промежуточных аттестаций, представленные в табл. 1–4, а также проведен анализ уровня успеваемости курсантов (см. рис. 1) контрольных и экспериментальных групп по дисциплинам «Физическая

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации № 230 от 20 апреля 2023 г. «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации». Москва: Министерство обороны РФ, 2023. С. 4.

² Васин В. Н., Буриков А. В., Горохов А. В. Результаты педагогического эксперимента по совершенствованию уровня физической подготовленности военнослужащих // Современный ученый. 2020. № 2. С. 192. EDN: OMUIWB

подготовка», «Профессиональная подготовка», «Профессионально-должностная подготовка» и «Тактико-специальная подготовка».

Таблица 1

Значение статистики χ^2 Пирсона для выборок за профессиональную подготовку

Оценка по ПП	До начала эксперимента	После окончания эксперимента
3	8	11
4	55	51
5	21	23
Всего	84	85
$\chi^2_{\text{эмфир}} / \chi^2_{\text{кр}}$	0,19	5,99

Таблица 2

Значение статистики χ^2 Пирсона для выборок за физическую подготовленность

Оценка по ФП	До начала эксперимента		После окончания эксперимента	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
3	68	71	62	26
4	76	72	79	73
5	58	59	61	103
Всего	202	202	202	202
Средний балл	3,95	3,95	4,0	4,38

В контексте формирования общепрофессиональной компетенции ОПК-4 (способность использовать полученные навыки для решения различных профессиональных задач в различных условиях) разработана методика применения ЭМУМК для проведения различных видов учебных занятий.

Таблица 3

Средние баллы по профессионально-должностной подготовке (ПДП)

Группы испытуемых	До начала эксперимента	После окончания эксперимента	Разница
КГ	3,80	3,91	+ 0,11
ЭГ	3,76	4,54	+ 0,78

Таблица 4

Значение статистики χ^2 Пирсона для выборок, полученных по результатам тактико-специальной подготовки (ТСП)

ТСП	КГ	ЭГ
3	36	23
4	30	38
5	19	25
Всего	85	86
$\chi^2_{\text{эмфир}} / \chi^2_{\text{кр}}$	1,57	5,99

Выводы

Таким образом, полученные данные дают основание утверждать, что занятия по физической подготовке наиболее эффективно развивают у обучаемых способность быстрого принятия решений, способность дольше находиться в состоянии боевой готовности, успешно действовать в различных условиях, качественно и быстро выполнять учебно-боевые задачи по предназначению.

Достичь высоких результатов можно только при систематическом и комплексном применении данных занятий и в строгом соответствии с конкретными задачами профессиональной подготовленности военнослужащих.

При формировании психологической подготовленности наиболее эффективным является выполнение физических упражнений в различное время суток с использованием внезапных шумов (выстрелы, внезапные команды и т. п.).

Для формирования устойчивости к гиподинамии наиболее эффективны специальные физические упражнения, например, при преодолении препятствий или посадке в технику предоставляется возможность самостоятельно выбирать способ преодоления препятствий или погрузку на технику.

При этом максимального эффекта можно достичь за счет:

- варьирования условий – изменение сложности выполняемых физических упражнений (быстрота, длительность, условия окружающей среды и т. д.);
- разъяснение целей – объяснение целей выполнения сложных физических упражнений.

Достижение успеха складывается из:

- повторения физических упражнений до их успешного выполнения, что способствует формированию уверенности.

Для усиления эффекта психологического давления и повышения выносливости организма занимающимся рекомендуется использовать:

- шумовые эффекты;
- сложные погодные условия (дождь, снег);
- совместное выполнение физических упражнений;
- физические упражнения с оружием;
- задымление, огневую завесу;

– выполнение физических упражнений в нестандартных условиях (на территории зданий, в траншеях, в ночное время суток);

– выполнение отдельных физических упражнений и специальных двигательных действий на фоне усталости.

В заключение отметим, что физическая подготовка для военнослужащих – это не только возможность для формирования и развития основных и специальных физических качеств, но также возможность для успешного выполнения учебно-боевых задач по предназначению в различных климатогеографических условиях, в разное время суток при полном снаряжении, в экипировке и с оружием. Занятия по физической подготовке формируют у военнослужащих уверенность в собственных силах, способность быстро реагировать на непредвиденные обстоятельства.

Использование физических упражнений для профессиональной подготовки может повысить эффективность выполнения военнослужащими своих функциональных обязанностей по предназначению.

Список литературы / References

Алехин И. А. и др. *Военная педагогика*. Москва: ВУ, 2008. 322 с.

Alekhin I. A. et al. *Military pedagogy*. Moscow: VU, 2008. 322 p. (In Russ.)

Борисов А. В., Аксенов К. В. Образовательная модель физической подготовки в военных высших учебных заведениях противовоздушной и противоракетной обороны. *Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны*, 2022, № 4 (19), с. 29–35. EDN: APOMAW

Borisov A. V., Aksenov K. V. Educational model of cadets' physical training in military schools of air and missile defence. *Bulletin of the Yaroslavl Higher Military School of Anti-Aircraft Warfare*, 2022, no. 4 (19), pp. 29–35. (In Russ.) EDN: APOMAW

Васин В. Н., Буриков А. В., Горохов А. В. Результаты педагогического эксперимента по совершенствованию уровня физической подготовки военнослужащих. *Современный ученый*, 2020, № 2, с. 191–195. EDN: OMUIWB

Vasin V. N., Burikov A. V., Gorokhov A. V. The results of the pedagogical experiment on improving the physical condition of military personnel. *Modern scientist*, 2020, no. 2, pp. 191–195. (In Russ.) EDN: OMUIWB

Губанов Э. В. Состояние и проблемы физической подготовки личного состава ОВД. *Наука-2020*, 2018, № 8 (24), с. 38–42. EDN: YPYAXJ

Gubanov E. V. The state and problems of ATS personnel physical training. *Science-2020*, 2018, no. 8 (24), pp. 38–42. (In Russ.) EDN: YPYAXJ

Елькин Ю. Г., Буриков А. В. Отдельные вопросы организации физической подготовки военнослужащих. *Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны*, 2020, № 1 (8), с. 97–101. EDN: ZARUGD

El'kin Yu. G., Burikov A. V. Certain issues of organising servicemen's physical training. *Bulletin of the Yaroslavl Higher Military School of Anti-Aircraft Warfare*, 2020, no. 1 (8), pp. 97–101. (In Russ.) EDN: ZARUGD

Елькин Ю. Г., Круглова Е. В. Возрастные особенности физической подготовленности военнослужащих. *Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны*, 2020, № 2 (9), с. 52–57. EDN: HMKVDC

El'kin Iu. G., Kruglova E. V. Age-related features of military personnel physical training. *Bulletin of the Yaroslavl Higher Military School of Anti-Aircraft Warfare*, 2020, no. 2 (9), pp. 52–57. (In Russ.) EDN: HMKVDC

Ершов С. А., Елькин Ю. Г. Необходимость совершенствования методик развития физических качеств у военнослужащих. *Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны*, 2020, № 1 (8), с. 102–106. EDN: SGCAON

Ershov S. A., El'kin Iu. G. The necessity to improve methods for developing physical qualities in military personnel. *Bulletin of the Yaroslavl Higher Military School of Anti-Aircraft Warfare*, 2020, no. 1 (8), pp. 102–106. (In Russ.) EDN: SGCAON

Приказ Министра обороны Российской Федерации № 230 от 20 апреля 2023 г. «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации». Москва: Министерство обороны РФ, 2023. 168 с.

Order of the Minister of Defence of the Russian Federation No. 230 of April 20, 2023, "On the Approval of the Physical Training Manual for the Armed Forces of the Russian Federation." Moscow: Ministerstvo oborony RF, 2023. 168 p. (In Russ.)

Якунин Н. И., Дворниченко Г. В., Семенов А. В. Формирование у курсантов компетенций в области физической подготовки. *Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны*, 2022, № 4 (19), с. 66–71. EDN: DNYKOI

Iakunin N. I., Dvornichenko G. V., Semenov A. V. Formation of cadets' competencies in the field of physical training. *Bulletin of the Yaroslavl Higher Military School of Anti-Aircraft Warfare*, 2022, no. 4 (19), pp. 66–71. (In Russ.) EDN: DNYKOI

Сведения об авторах

Алексей Сергеевич Коротаяев – начальник учебной части, заместитель начальника военного учебного центра при Череповецком государственном университете, askorotaev@chsu.ru (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Alexey S. Korotaev** – Head of the Training Unit, Deputy Head of the Military Training Center at Cherepovets State University, askorotaev@chsu.ru (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Юрий Георгиевич Елькин – кандидат педагогических наук, доцент, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны (28, Московский пр-т, 150001 Ярославль, Россия); **Yuri G. Elkin** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Yaroslavl Higher Military School of Anti-Aircraft Warfare named after Marshal of the Soviet Union L. A. Govorov (28, Moskovsky pr., 150001 Yaroslavl, Russia).

Заявленный вклад авторов: авторы сделали разный вклад в подготовку публикации, что отражено в последовательности персоналий авторского коллектива. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors made different contributions to the preparation of the publication, which is reflected in the sequence of personalities of the author's team. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 15.05.2025; Approved after reviewing 29.05.2025; Accepted for publication 16.06.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 189–196.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 189–196.

Научная статья

УДК 377

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-16>

<https://elibrary.ru/puvsen>

К вопросу о профессиональном мировоззрении педагогов Тенишевского коммерческого училища

Александр Михайлович Куприн^{1✉}, Николай Петрович Сенченков²

Смоленский государственный институт искусств,
Смоленск, Россия

¹[✉kuper81@mail.ru](mailto:kuper81@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0006-7250-4058>

²nikolay.sen4enkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3332-0380>

Аннотация. В статье анализируются особенности подходов ряда педагогов Тенишевского коммерческого училища, созданного известным российским предпринимателем и меценатом В. Н. Тенишевым, к учебным предметам. Авторы акцентировали внимание на профессиональном мировоззрении директора училища А. Я. Острогорского, учителей В. В. Половцова и Е. К. Соломина, поскольку их подход к педагогике, как оригинальный и новаторский, представляет особый интерес. Благодаря этим и ряду других педагогов Тенишевское училище считалось в системе учебных заведений профессионального образования одним из ведущих в России в начале XX века.

Ключевые слова: Россия, начало XX века, Тенишевское коммерческое училище, педагоги, профессиональное мировоззрение

Для цитирования: Куприн А. М., Сенченков Н. П. К вопросу о профессиональном мировоззрении педагогов Тенишевского коммерческого училища // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 189–196. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-16>; EDN: PUVSEN

On the issue of the teachers' professional worldview at the Tennishev Commercial School

Aleksandr M. Kuprin^{1✉}, Nikolay P. Senchenkov²

Smolensk State Institute of Arts,
Smolensk, Russia

¹[✉kuper81@mail.ru](mailto:kuper81@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0006-7250-4058>

²nikolay.sen4enkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3332-0380>

Abstract. The article analyzes various teachers' approaches to school subjects at the Tennishev Commercial School, founded by V. N. Tennishev, a famous Russian entrepreneur and philanthropist. The authors focus on pedagogical position of A. Ya. Ostrogorsky, V. V. Polovtsov and E. K. Solomin, since their approach to education science, as unique and innovative, is of particular

interest. Through them and other teachers, the Tenishev School was considered to be one of the leading educational institutions in Russia at the beginning of the 20th century.

Keywords: Russia, the beginning of the 20th century, the Tenishev Commercial School, teachers, pedagogical position

For citation: Kuprin A. M., Senchenkov N. P. On the issue of the teachers' professional worldview at the Tenishev Commercial School. *Cherapovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 189–196. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-16>; EDN: PUVSEN

Введение

Подготовка специалистов для различных отраслей и сфер национального хозяйства зависит от множества факторов, но в первую очередь от профессионализма педагогов. Подбор педагогических кадров для учебного заведения подобен процессу постановки диагноза медиком: ошибки обходятся очень дорого. Но в случае оптимального подбора учителей результат их деятельности будет бесспорен и очевиден.

История педагогики знает немало случаев, когда учебные заведения становились престижными благодаря исключительно профессиональному коллективу педагогов. Существовавшее в начале XX века Тенишевское коммерческое училище являло собой убедительный этому пример.

Об училище и его основателе издано значительное количество научной литературы¹, однако исследований, посвященных тому, как там преподавали практически нет; есть работы, содержащие в основном биографические сведения о преподавателях «Тенишевки»².

Цель статьи – проанализировать особенности профессионального мировоззрения педагогов Тенишевского коммерческого училища.

Основная часть

Инициатор создания училища В. Н. Тенишев известен не только своими успехами в предпринимательстве, но и экспериментами в области народного просвещения и образования. Известны созданные им учебные заведения в ряде российских городов, в том числе и Коммерческое училище в Санкт-Петербурге.

По воспоминаниям его жены, «он был открытым врагом современной системы образования юношества»³ [в Российской империи. – А.К., Н.С.].

В то же время Тенишев не хотел «догонять» европейское образование, а хотел его опережать и создавать новое знание, разрабатывая собственные методики благодаря педагогам-энтузиастам и новаторам.

¹ Липкович Я. С. Слово о Тенишевском училище // Звезда. 1992. № 4. С. 138–148; Вовина-Лебедева В. Г. Мир юными глазами: (Тенишевское училище по ученическим журналам) // Времена и судьбы: сборник статей в честь 75-летия В. М. Панеяха. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2006. С. 194–229. EDN: BNBMMN

² Сальман М. Г. Ученики и учителя Тенишевского училища (по школьным журналам и архивным документам) // Slavica Revalensia. Vol. VIII. Таллинн: Издательство Таллиннского университета, 2021. С. 117–177. <https://doi.org/10.22601/SR.2021.08.06>

³ Тенишева М. К. Впечатления моей жизни. Воспоминания. Ленинград: Искусство. Ленинградское отделение, 1991. С. 56.

В конце XIX–начале XX вв. Тенишев ставил перед собой практические цели: Россия стоит на пороге нового этапа «великих реформ», и от того, какое они получат развитие, зависит будущее страны. Для оптимальной эволюции страны нужны кадры – специалисты, способные реагировать на вызовы времени. Для этого необходимо перестроить всю систему образования. Начинать следует с основ – с создания экспериментальных учебных заведений, с подбора педагогических кадров, с выработки учебных программ и образовательных методик.

Тенишев получил высшее образование в Германии (много занимался и самообразованием), у него была возможность сравнить немецкое и российское образование и предложить свою оригинальную модель, свое видение процесса образования и подготовки специалистов.

После появления первых, патронируемых Тенишевым, учебных заведений он становится своеобразным «законодателем мод» в обучении. Созданное им коммерческое училище в Санкт-Петербурге считалось престижным уже с первых дней своего существования, формируя свой облик и авторитет за счет взаимопроникновения учебного и воспитательного процессов, гармонично встраиваемых в жизнь училища.

Отечественные исследователи утверждают, что специализированных коммерческих предметов в Тенишевском училище не преподавали¹, поскольку из училища выходили не талантливые предприниматели, а писатели, поэты, ученые, сделавшие себе имя в различных отраслях науки.

Данное мнение ошибочно. В училище преподавали счетоводство, коммерческую арифметику и корреспонденцию (делопроизводство), товароведение, экономическую географию.

Доступность на сегодняшний день документальных материалов и свидетельств дает возможность проанализировать профессиональное мировоззрение директора училища, а также ряда других преподавателей. Конечно, материала для анализа деятельности всего преподавательского коллектива явно недостаточно, но в данном учебном заведении работали в большинстве своем единомышленники, о чем свидетельствуют в частности «Памятные книжки Тенишевского училища»².

Педагогические взгляды директора Александра Яковлевича Острогорского послужили теоретической основой всего образовательного курса Тенишевского училища.

По убеждению А. Я. Острогорского, досконально изучившего особенности систем образования в Германии, Австрии, Венгрии и ряде других западноевропейских стран, любая более или менее крупная реформа в области образования представляется всегда делом первостепенной общественно-государственной важности. Для Рос-

¹ Набережнов Г. Растили коммерсантов, вырос Серебряный век // Деловой Петербург. 2007. № 178 (2500). С. 28.

² Памятная книжка Тенишевского училища за 1900/1901 учебный год. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1902. 124 с.; Памятная книжка Тенишевского училища за 1901/1902 и 1902/1903 учебные годы. Годы II и III. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. 124 с.; Памятная книжка Тенишевского училища за 1903/1904 и 1904/1905 учебные годы. Годы IV и V. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1907. 158 с.

сии вопрос образования оставался (и остается) вопросом существования государства, поскольку развитие страны зависит прежде всего от образования, которое должно быть доступно для всех слоев общества. При таких условиях любое действие, имеющее своей целью распространение специального образования, должно предприниматься с большой осмотрительностью. В каждом отдельном случае необходимо точно определить, «насколько подготовлена почва для развития специального образования, не уйдет ли в эту сторону часть той энергии и сил, которые могут быть с гораздо большим успехом и пользой обращены на подъем уровня культуры в стране»¹. Когда идет речь о коммерческом образовании, прежде всего, необходимо выяснить, «сложилась ли те условия, при которых возможно успешное развитие коммерческого образования, и если да, то – как следует его организовать, чтобы оно приносило пользу, разумно удовлетворяя тем специальным потребностям, которыми оно вызвано, и вместе с тем не отзывалось бы отрицательно на уровне общего образования, замедляя его распространение»².

Данное «мировоззренческое кредо» было присуще не только самому А. Я. Острогорскому, но и большинству педагогов. Это видно на примере преподавателей естествознания и ручного труда, предметов диаметрально противоположных, но чрезвычайно важных в учебном и воспитательном процессах.

Естествознание в Тенишевском коммерческом училище преподавал Валериан Викторович Половцов (1862–1918) – автор первого учебника «Основы общей методики естествознания» (1907; переиздан в 1914, 1923, и 1924 гг.), в котором он изложил целостную систему знаний по предмету. Данный учебник был в свое время лучшей на русском языке книгой по методике преподавания естествознания.

В. В. Половцов считал, что задача преподавателя (не только естествознания) состоит не в том, чтобы изучать детальные приемы обучения или различные педагогические и дидактические уловки. Необходимо дать самому себе отчет в тех образовательных задачах, которые ставит перед собой школа и ради которых преподаватель «принимается за дело»: «Тщательно пересмотреть и взвесить образовательное значение того богатейшего материала, которым обладают естественные науки, как с точки зрения методов, которыми они владеют, так и с точки зрения фактического материала, считаться с особенностями познавательной способности и вообще со всем психическим складом человека, воспринимающего образование»³.

В. В. Половцов предлагал установить некоторые *общие принципы*, которые бы дали возможность в каждом частном случае путем логического исследования решать, каким именно материалом и какими методами следует пользоваться для достижения образовательных задач. Он критиковал «полное отрицание» необходимости в какой бы то ни было методике преподавания, несмотря на убедительные аргументы своих оппонентов: «Одни указывают на то, что никакая методика не создаст хорошего учителя, если у него нет врожденного педагогического чутья, и, наоборот,

¹ Острогорский А. Я. Коммерческое образование. Его современная организация на Западе и возможная постановка в России. Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1895. С. 8.

² Там же.

³ Половцов В. В. Основы общей методики естествознания. Москва: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1907. С. 1–2.

хорошему преподавателю, по имеющимся у него задаткам, и не нужно никакой методики; другие указывают на то, что методические предписания стесняют преподавателя, мешают его самостоятельности, лишают гибкости его уроки, наконец, вызывают рутину и догматизм»¹.

Половцов считал, что переломить подобную ситуацию способны два фактора – наука и обучение.

Наука – накопленное и систематизированное знание, т. е. такое, в котором факты и явления представлены в виде известных закономерных рядов. При изучении любой учебной дисциплины в сознание ученика входят уже готовые цепи соединенных причинной или иной связью явлений, и дело создания своего мира до крайности облегчается, так как значительная часть работы оказывается уже совершенной предшествующими поколениями.

Обучение (научнообразное) – является необходимым фактором в создании мировосприятия, а также тем элементом, который за короткое время вносит в сознание учеников опыт многих столетий и даже тысячелетий.

В. В. Половцов задается вопросом: «Каким же способом передать результат многовековой работы?»: в том ли порядке, как исторически складывалась наука; или просто изложить современное ее состояние; или придумать такие особые методы и приемы изложения и так подобрать фактографические данные, чтобы возможно было «наискратчайшим образом и с наименьшей затратой труда и энергии содействовать достижению важнейшей цели обучения – созданию стройного и цельного мировоззрения ученика»².

Решение подобных вопросов, по мнению Половцова, и составляет главную задачу методики, в том числе и общей методики преподавания естествознания.

Преподаватель ручного труда Егор (Григорий) Константинович Соломин (1865–1941/42) изучал основы своего предмета в Швеции в учительской семинарии Отто Саломона, чью книгу «Столярный ручной труд. Краткое руководство к педагогической постановке работ из дерева в общеобразовательной школе и в семье» он перевел и издал в России в 1908 году.

Считая ручной труд одним из важных элементов обучения, Е. К. Соломин отмечал, что разработка технологических и методических вопросов данного учебного предмета предполагается по преимуществу путем практических работ в области преподавания труда в учебном заведении, а также благодаря экскурсиям на производство. Разработка методических вопросов, по мнению Соломина, тесно связана с обществоведческими вопросами. Они должны отражаться в общем плане, а также найти свое подтверждение и углубление во всей организации практических занятий и при выполнении практических работ. Задания по практическому изучению приемов обработки тех или иных материалов должны быть составлены, по мнению Е. К. Соломина, по системе изготовления цельных предметов с постепенным систематическим нарастанием вводимых в действие инструментов и производимых ими операций. Весь комплекс заданий должен быть рассчитан на овладение наиболее

¹ Половцов В. В. Основы общей методики естествознания. Москва: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1907. С. 3.

² Там же. С. 7–9.

употребительными при обработке материалов инструментами. В то же время установить временной отрезок, необходимый для выполнения той или иной работы, трудно, так как это в значительной степени зависит и от предварительной подготовки учащихся, и от общих условий работы. При достаточной подготовленности учащихся многие работы могут быть проведены по их самостоятельным проектам. К данному феномену мы вернулись в современной школе. Задания во многих случаях могут послужить только образцом для графического оформления и для составления плана (последовательности) выполнения работы.

При однородности технической грамотности учащихся следует сосредоточить работу на той или иной части заданий, не задерживаясь долго на элементарных приемах, но и не допуская слишком быстрых скачков по усложнению технических трудностей¹.

Выводы

Приведенные нами основные положения профессионального мировоззрения директора училища и двух учителей дают возможность говорить о том, что педагоги Тенишевского коммерческого училища не были «узкими» специалистами, «заточенными» только на свою специальность. Их профессиональное мировоззрение шире и разнообразнее.

Несмотря на то, что училище считалось «коммерческим» и там преподавали чисто «предпринимательские» дисциплины, не оставались без внимания иностранные языки (немецкий и французский), естествознание, навыки ручного труда. Таким образом, образование в Тенишевском коммерческом училище можно считать разносторонним.

Преподаватели Тенишевского коммерческого училища – те, чьи методики сохранились и доступны, – представляли уникальные разработки, востребованные и сегодня, поскольку их актуальность отвечает вызовам настоящего времени.

Мировоззрение педагогов Тенишевского училища уникально тем, что оно универсально не только для подготовки узкопрофессиональных специалистов, но и для учебных заведений иных профилей и иных направлений.

Показателем оптимальности и рационализма педагогических методик, используемых в Тенишевском коммерческом училище, могут служить его выпускники, проявившие себя профессионалами не только в коммерции, но и в иных областях знаний.

Список литературы / References

Вовина-Лебедева В. Г. Мир юными глазами: (Тенишевское училище по ученическим журналам). *Времена и судьбы: сборник статей в честь 75-летия В. М. Панеяха*. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2006, с. 194–229. EDN: VNBMMNH

¹ Соломин Г. К., Орешков Г. В. Рабочая книга по техническому труду в педтехникумах. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1930. С. 10–11.

Vovina-Lebedeva V. G. The world through young eyes: (the Tenishev School according to student magazines). *Times and destinies: a collection of articles in honor of the 75th anniversary of V. M. Paneyakh*. St Petersburg: Evropeiskii dom, 2006, pp. 194–229. (In Russ.) EDN: BNBМNH

Липкович Я. С. Слово о Тенишевском училище. *Звезда*, 1992, № 4, с. 138–148.

Lipkovich Ia. S. The word about the Tenishev School. *Zvezda*, 1992, no. 4, pp. 138–148. (In Russ.)

Набережнов Г. Растили коммерсантов, вырос Серебряный век. *Деловой Петербург*, 2007, № 178 (2500), с. 28.

Naberezhnov G. They raised merchants, they raised the Silver Age. *Business Petersburg*, 2007, no. 178 (2500), p. 28. (In Russ.)

Острогорский А. Я. *Коммерческое образование. Его современная организация на Западе и возможная постановка в России*. Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1895. 195 с.

Ostrogorskii A. Ia. *Commercial education. Its modern organization in the West and possible implementation in Russia*. St Petersburg: Tipografiia B. M. Vol'fa, 1895. 195 p. (In Russ.)

Памятная книжка Тенишевского училища за 1900/1901 учебный год. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1902. 124 с.

The commemorative book of the Tenishev School for the 1900/1901 academic year. St Petersburg: Tipografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia pol'za”, 1902. 124 p. (In Russ.)

Памятная книжка Тенишевского училища за 1901/1902 и 1902/1903 учебные годы. Годы II и III. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. 124 с.

The commemorative book of the Tenishev School for the 1901/1902 and 1902/1903 academic years. Years II and III. St Petersburg: Tipografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia pol'za”, 1905. 124 p. (In Russ.)

Памятная книжка Тенишевского училища за 1903/1904 и 1904/1905 учебные годы. Годы IV и V. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1907. 158 с.

The commemorative book of the Tenishev School for the 1903/1904 and 1904/1905 academic years. Years IV and V. St Petersburg: Tipografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia pol'za”, 1907. 158 p. (In Russ.)

Половцов В. В. *Основы общей методики естествознания*. Москва: Типография товарищества И. Д. Сыгина, 1907. 276 с.

Polovtsov V. V. *Fundamentals of the general methodology of natural science*. Moscow: Tipografiia tovarishchestva I. D. Sytina, 1907. 276 p. (In Russ.)

Сальман М. Г. Ученики и учителя Тенишевского училища (по школьным журналам и архивным документам). *Slavica Revalensia. Vol. VIII*. Таллинн: Издательство Таллиннского университета, 2021, с. 117–177. <https://doi.org/10.22601/SR.2021.08.06>

Salman M. G. Pupils and teachers of the Tenishev School (according to school journals and archival documents). *Slavica Revalensia. Vol. VIII*. Tallinn: Izdatel'stvo Tallinnского universiteta, 2021, pp. 117–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.22601/SR.2021.08.06>

Соломин Г. К., Орешков Г. В. *Рабочая книга по техническому труду в педтехникумах*. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1930. 264 с.

Solomin G. K., Oreshkov G. V. *Workbook on technical work in pedagogical colleges*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. 264 p. (In Russ.)

Тенишева М. К. *Впечатления моей жизни. Воспоминания*. Ленинград: Искусство, 1991. 285 с.

Tenisheva M. K. *Impressions of my life. Memories*. Leningrad: Iskusstvo, 1991. 285 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Александр Михайлович Куприн – аспирант; <https://orcid.org/0009-0006-7250-4058>, kyper81@mail.ru, Смоленский государственный институт искусств (д. 8, ул. Румянцева, 214020 Смоленск, Россия); **Aleksandr M. Kuprin** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0006-7250-4058>, kyper81@mail.ru, Smolensk State Institute of Arts (8, ul. Rumyantseva, 214020 Smolensk, Russia).

Николай Петрович Сенченков – доктор педагогических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-3332-0380>, nikolay.sen4enkov@gmail.com, Смоленский государственный институт искусств (д. 8, ул. Румянцева, 214020 Смоленск, Россия); **Nikolay P. Senchenkov** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-3332-0380>, nikolay.sen4enkov@gmail.com, Smolensk State Institute of Arts (8, ul. Rumyantseva, 214020 Smolensk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2025; принята к публикации 24.02.2025.

The article was submitted 06.12.2024; Approved after reviewing 06.02.2025; Accepted for publication 24.02.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 197–202.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 197–202.

Научный отчет
УДК 377
<https://elibrary.ru/vbftxn>

**«Мы – голоса надземного хора»:
Всероссийский научно-литературный семинар «И. Северянин и современники»**

Алексей Евгеньевич Новиков^{1✉}, Елена Евгеньевна Соловьева²
^{1,2}Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия
^{1✉}aenovikov@chsu.ru
²eesoloveva@chsu.ru

Для цитирования: Новиков А. Е., Соловьева Е. Е. «Мы – голоса надземного хора»: Всероссийский научно-литературный семинар «И. Северянин и современники» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 197–202. EDN: VBFTXN

**“We are the voices of the elevated chorale”:
All-Russian scientific and literature seminar “I. Severyanin and contemporaries”**

Aleksei E. Novikov^{1✉}, Elena E. Solov'eva²
Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia
^{1✉}aenovikov@chsu.ru
²eesoloveva@chsu.ru

For citation: Novikov A. E., Solov'eva E. E. “We are the voices of the elevated chorale”: All-Russian scientific and literature seminar “I. Severyanin and contemporaries”. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 197–202. (In Russ.) EDN: VBFTXN

16 мая, в день рождения русского поэта Игоря-Северянина (1887–1941), в рамках городского проекта «Северянинская весна–2025» в Череповецком государственном университете состоялся Всероссийский научно-литературный семинар ««Мы – голоса надземного хора» (И. Северянин и современники)». В организации семинара приняли участие кафедры социальных коммуникаций и медиа, отечественной филологии и прикладных коммуникаций Гуманитарного института при поддержке Управления по делам культуры мэрии г. Череповца, Северянинского общества г. Череповца и литературного музея И. Северянина (Череповецкое музейное объединение).

Во время церемонии возложения цветов к памятной доске И. Северянина.

Фото М. В. Дворяновой

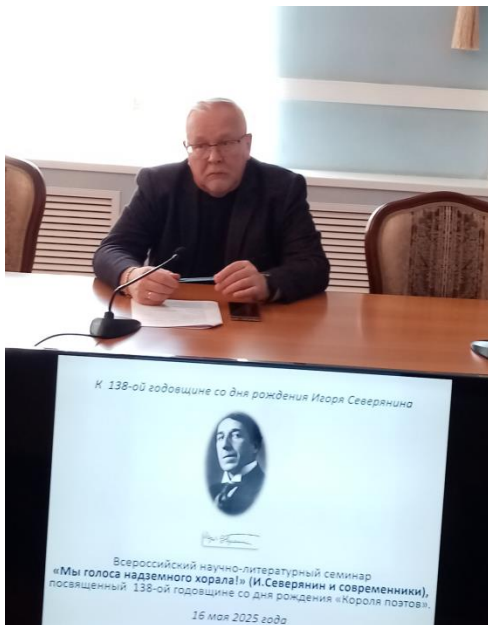
Участники семинара возложили цветы к мемориальной доске поэта на административном здании университета (Луначарского, 5), акотором будущий поэт учился в 1898–1902 г. Студенты направления подготовки «Режиссура театрализованных представлений и праздников» представили композицию по стихам И. Северянина. Произнесенные в заключение строки из послания Игоря Северянина Константину Бальмонту явились прологом к теме семинара:

Талантов наших время не украло.
Не смело. Не сумело. Не смогло.
Мы – голоса надземного хора.
Нам радостно. Нам гордо. Нам светло.

В своем приветственном слове глава города Череповца И. А. Быков отметил важность обращения к наследию И. Северянина для культуры Вологодчины. Проректор ЧГУ по научной работе О. В. Ефремова подчеркнула значение организованных ЧГУ научных семинаров и конференций для изучения жизни и творчества поэта. Заведующий кафедрой СКиМ, профессор А. В. Чернов обратил внимание на оригинальность поэтического мира И. Северянина, его особое место в пантеоне поэтов и писателей Серебряного века в России.

Тема поэта и поэзии, взаимоотношений с коллегами по литературному цеху стала главной в выступлениях участников научно-литературного семинара. Приветствуя собравшихся, заместитель начальника управления по делам культуры мэрии г. Череповца С. В. Волохова поблагодарила ученых Гуманитарного института ЧГУ и всех участников мероприятия за их деятельность по изучению наследия И. Северянина.

Председатель ОО «Северянинское общество» г. Череповца Н. Н. Хазова поделилась информацией о деятельности общества по популяризации поэта среди горожан, напомнила об инициативе по установке памятника «королю поэтов» в Череповце. Директор Череповецкого музейного объединения С. Н. Султанова проинформировала собравшихся о состоянии здания музея И. Северянина во Владимировке Череповецкого района и необходимости капитального ремонта.

Профессор А. В. Чернов.
Фото А. Е. Новикова

более 280 его произведений было положено на музыку. Его оригинальные рифмы и ритмы вдохновили С. Рахманинова, И. Стравинского, С. Танеева, Н. Черепнина, Р. Глиэра. На стихи Мирры Лохвицкой было написано более 100 романсов. Многие из музыкальных сочинений ее сестры, «королевы юмора» Надежды Тэффи, получили известность благодаря исполнению А. Вертинским.

Доклад кандидата филологических наук, научного сотрудника ИМЛИ им. Горького (г. Москва) Е. В. Кузнецовой был посвящен рецепции поэзии Игоря Северянина в женской лирике 1910-х гг. По мнению исследовательницы, 1910-е годы – время расцвета женской лирики и всероссийской славы Северянина после публикации сборника «Громокипящий кубок» (1913). «Неудивительно, что в женской поэзии 1910-х годов встречаются многочисленные перепевы Северянина, как на образно-тематическом, так и на стилистическом уровне». Е. В. Кузнецова показала влияние Игоря Северянина на творчество таких, ныне почти забытых поэтесс, как Надежды Львовой, Марии Лёвберг, Натальи Поплавской. Темы любовного флирта, городских развлечений переплетаются с мотивами тоски, печали, разочарования. Например, образ *ананасов в шампанском* лирике Лёвберг из квинтэссенции радости

жизни и творчества превращается в символ минутных удовольствий, которые лишь оттеняют трагизм любви и всей жизни.

Рабочий момент семинара.
Фото А. Е. Новикова

В своем докладе кандидат филологических наук, доцент Е. Е. Соловьева (ЧГУ, Череповец) провела параллели между К. Фофановым и его талантливым учеником И. Северяниным, каждый из которых в своем творчестве создал запоминающийся образ провинциального города. «Музей моей весны», – писал Северянин о Гатчине. Здесь он познакомился с К. Фофановым, который тоже любил это место. Оба поэта провели в пригороде Санкт-Петербурга часть жизни, посвятив ей вдохновенные строки. Спустя несколько десятилетий к теме «К. Фофанов в Гатчине» обратилась Н. Иванова-Романова. Писательница в стихах и автобиографической прозе запечатлела образ города своей юности – Череповца, которому И. Северянин также уделил несколько строк в поэме «Роса оранжевого часа». Е. Е. Соловьева сделала вывод, что поэтизация пространства обусловлена эмоциональными переживаниями, событиями биографии, знаковыми встречами.

Анализу истории взаимоотношений двух друзей-соперников – Игоря Северянина и Владимира Маяковского – было посвящено выступление кандидата филологических наук, доцента А. Е. Новикова (ЧГУ, Череповец). В. Маяковский был главным конкурентом И. Северянина во время знаменитого турнира «Избрание Короля поэтов», состоявшегося 27 февраля 1918 года в Политехническом музее в Москве. Началась эта дружба-соперничество намного раньше – с попытки объединения эго-

и кубофутуристов во время поездки в Крым зимой 1914 года, закончившейся ссорой поэтов. В 1922 году в Берлине поэты встретились как старые друзья, а когда В. Маяковский ушел из жизни, И. Северянин написал: «Оказывается я очень сильно любил Маяковского... весть о его кончине потрясла меня».

А. Е. Новиков подчеркнул, что поэты «начинали как ниспровергатели старого, экспериментаторы, изобретатели нового... Однако в поздний период своего творчества И. Северянин вернулся к традициям русской классической поэзии, к простоте и ясности поэтического слова. Маяковский же во многом сохранил верность своим футуристическим поискам».

Немалый интерес вызвало выступление телеведущей, актрисы и писательницы М. В. Третьяковой (г. Москва), поделившейся своими изысканиями по теме «Православные мотивы в творчестве Игоря Северянина». Актриса мастерски прочитала фрагменты из стихотворений «Пасха в Петербурге», «Соловьи монастырского сада» и др., и убедительно показала искреннее стремление поэта к православной вере, которое порой вступало в конфликт с его страстной натурой.

В заключение семинара кандидат филологических наук, доцент З. В. Антонова представила обзор переводов, сделанных Северяниным с разных языков. Исследовательница выделила такие работы Северянина, как перевод стихотворения “Mon portrait” А. С. Пушкина, написанного на французском языке, а также сонетов из цикла «Меланхолия» Поля Верлена.

З. В. Антонова отметила, что «Игорь Северянин черпал вдохновение из разных источников, сочетая в своем творчестве черты французского символизма, русской классики и декадентских мотивов. Это позволило ему создать уникальный стиль, который до сих пор привлекает читателей своей оригинальностью и глубиной».

В целом научно-литературный семинар прошел ярко, в дискуссионной форме. По итогам семинара было составлено письмо-обращение к городскому руководству с просьбой оказать содействие в организации капитального ремонта литературного музея Игоря Северянина во Владимировке Череповецкого района. Предполагается издание сборника материалов.

Сведения об авторах

Алексей Евгеньевич Новиков – кандидат филологических наук; aenovikov@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Aleksei E. Novikov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, aenovikov@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Елена Евгеньевна Соловьева – кандидат филологических наук; eesoloveva@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Elena E. Solov'eva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, eesoloveva@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2025; принята к публикации 10.07.2025.

The article was submitted 08.07.2025; Accepted for publication 10.07.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями и ключевыми словами на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке, – аннотациями и ключевыми словами на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели. Работа, предлагаемая к публикации, должна иметь четкую структуру и должна быть логически выстроена (см. образец оформления).

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес **vestnik-chsu@yandex.ru** один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И. О. _научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора) и скан заполненного, подписанного лицензионного договора (форма размещена на сайте). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Все статьи проверяются на оригинальность в системе РУКОНТЕКСТ. Значение оригинальных фрагментов должно быть не менее 70 %. Использование искусственного интеллекта при создании текста статьи без обработки автора(ов) не допускается (статья отклоняется).

6. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение 3-х рабочих дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

7. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

8. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта работы.

9. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, а также справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

10. Присланные материалы не возвращаются.

11. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

12. Публикации в журнале осуществляются на основании лицензионного договора.

13. Опубликованную версию статьи автор может получить при обращении к сайту периодического издания (раздел «Архив»).

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Ответственный секретарь: (8202) 51-78-54. E-mail: Vestnik@chsu.ru

Сайт журнала: <https://vestnik.chsu.ru/>

Главный редактор журнала «Вестник Череповецкого государственного университета»

ГРУДЕВА Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций

Редакционная коллегия

АВРУТИНА Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)

АРОНИНА Лариса Исаровна, профессор (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)

БЕЖЕНАРУ Людмила Ефимовна, доктор филологических наук, доцент (Яский университет им. А. И. Кузы)

БЕЛКИНА Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

ВОЛОДИНА Лариса Олеговна, доктор педагогических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

БОГИНСКАЯ Юлия Валериевна, доктор педагогических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ГОРБУНОВ Вячеслав Алексеевич, доктор физико-математических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ГУРЛЕНОВА Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина)

ДЕНИСОВА Ольга Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ДИБИРОВ Ибрагим Ашрапудинович, доктор филологических наук, профессор (Дагестанский государственный педагогический университет)

ДМИТРИЕВ Андрей Петрович, доктор филологических наук (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ИРЛИ РАН)

ЕГОРОВА Людмила Владимировна, доктор филологических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

ЕРШОВ Евгений Валентинович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Технические науки»

ЗАБРОДСКАЯ Анастасия Николаевна, доктор филологических наук (Таллинский университет)

ЗАХАРОВА Жанна Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор (Костромской государственный университет)

ЗЕЛЕНИН Александр Васильевич, доктор филологических наук (Университет Тампере, Финляндия)

ИВАНОВА Наталия Витальевна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ИЛЬИНА Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

КОЗЛОВСКАЯ Наталия Витальевна, доктор филологических наук, доцент (ИЛИ РАН)

ЛАВИНА Татьяна Ароновна, доктор педагогических наук, профессор (Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова)

ЛАВРОВА Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛОГУНОВА Оксана Сергеевна, доктор технических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ЛУКИН Сергей Владимирович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛУЦЕВИЧ Людмила Федоровна, доктор филологических наук, профессор (Варшавский университет, Республика Польша)

НОРЕЦ Максим Вадимович, доктор филологических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ОВЧИННИКОВА Александра Жоресовна, доктор педагогических наук, профессор (Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского)

САВВА Любовь Ивановна, доктор педагогических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

УТКИН Анатолий Валерьевич, доктор педагогических наук, доцент (Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета)

ЦЕЙТЛИН Стелла Наумовна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧЕРНОВ Александр Валентинович, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧЕРНЯК Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧИРШЕВА Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧУРИЛИНА Любовь Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ШВЕЦОВ Анатолий Николаевич, доктор технических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Педагогические науки»

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 06.08.2025 г. Зак.

Выход в свет: 15.08.2025 г.

Уч.-изд. л. 21. Усл. п. л. 20. Тир. 300 (1 з-д – 23).

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс.